

Муслих-ад-дин
Абу Мухаммад
Абдаллах ибн-Мушриф
ибн-Муслих
ибн-Мушриф
Саади Ширази

БУСТАН

Издательство
«ИРФОН»
1968

Перевод
В. Державина

Составление,
предисловие и комментарии
Рустама Алиева
Редакторы: *Т. Гольц, С. Ховари*.

• Из Книг Библиотеки TopLib.net •

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Рустам Алиев. «Бустан» и его автор

Во имя аллаха милосердного и милостивого

Восхваление пророка, да благословит его аллах

Причина написания книги

Восхваление Абу-Бакра ибн Са’да ибн-Занги

Восхваление Са’да ибн-Абу-Бакра ибн-Са’да

Глава первая. О справедливости, мудрости и рассудительности

Глава вторая. О благотворительности

Глава третья. О любви, любовном опьянении и безумстве

Глава четвертая. О смирении

Глава пятая. О довольстве юдолью

Глава шестая. О довольстве малым

Глава седьмая. О воспитании

Глава восьмая. О благодарности за благополучие

Глава девятая. О покаянии и правом пути

Глава десятая. Тайная молитва и окончание книги

Примечания

«БУСТАН» И ЕГО АВТОР

Изучение литературных памятников показывает, что восточные поэты и писатели всегда неизбежно оказывались перед лицом тройной цензуры, требования которой учитывались ими самым тщательным образом. Прежде всего, авторам приходилось неукоснительно придерживаться традиционных канонов, вытекавших из предписаний официальной религии — ортодоксального ислама. Во-вторых, надо было считаться с идеологией, политическими устремлениями и просто настроением феодальной верхушки, находившейся у власти, и, наконец, необходимо было приноравливаться к вкусам тех, кому преподносилось произведение. Без преувеличений можно сказать, что эти требования негласной цензуры в значительной степени предопределили ход развития литературы народов мусульманского Востока.

По образному сравнению одного из исследователей иранской литературы, развитие ее походило на рост трав и растений, придавленных глыбой камня. Ей также приходилось приспосабливаться к условиям тяжелой действительности и приобретать часто неестественно причудливую, а порой и уродливую форму.

Поэтому при изучении памятников литературы той эпохи необходима тщательная работа по отделению подлинного от наносного, по выяснению того, что является плодом свободного творчества и что — данью требованиям времени.

Судьба предлагаемой вниманию читателей книги сложилась довольно счастливо. Автор «Бустана», выдающийся персидский поэт Саади, чьи творения органически входят в золотой фонд классической таджикской литературы, жил в XIII веке, в один из самых мрачных периодов истории народов Ирана и Средней Азии. Непрекращавшиеся братоубийственные войны, монгольские нашествия, опустошительные походы крестоносцев, свидетелем которых был Саади, и, наконец, необычайно сложный жизненный путь самого поэта определили своеобразие его творчества.

«Бустан», первое крупное произведение Саади, создавался в условиях, когда мир, по выражению поэта, «был всклокочен, словно волосы эфиопа», и «дети Адама сделались кровожадными, словно волки с острыми когтями». Приступая к написанию этой поэмы, автор не думал ни о материальных благах, ни о придворной славе, ни о благословении исламских шейхов.

В «Бустане» поэт выразил свое миропонимание, поделился с читателями своими жизненными наблюдениями и впечатлениями и попытался преподать людям добрые советы и наставления, которые могли бы помочь обездоленным и угнетенным. В этом произведении мы не найдем цельной философской системы, мысли и взгляды поэта часто поражают своей противоречивостью, но это вполне объяснимо всем духом той сложной и противоречивой эпохи.

На страницах «Бустана» читатель найдет яркое отражение быта, обычаев, чаяний и взглядов народов не только Ирана, но и всего Ближнего Востока XIII века.

На юге Ирана, у побережья Персидского залива, расположена область Фарс с древним городом Ширазом. Особое значение Шираз приобрел в XIII веке,— после монгольского нашествия он был, пожалуй, единственным крупным городом в Иране и Средней Азии, уцелевшим от разгрома. Правители Фарса дважды спасали его, заплатив выкуп монголам. Со всех концов мусульманского Востока в Шираз стекались ученые и поэты, спасшиеся от монгольских мечей; в результате этого после нашествия монголов Шираз сделался на полстолетие культурным центром почти всего мусульманского Востока. В этом городе родился Саади; полное и точное его имя, как удалось установить совсем недавно, Муслих-ад-дин Абу Мухаммад Абдаллах ибн-Мушриф ибн-Муслих ибн-Мушриф Саади Ширази. Дату рождения поэта обычно относят к восьмидесятым годам XII века. Однако, как позволяет думать ряд данных, содержащихся в произведениях самого Саади, он родился в начале первого десятилетия XIII века.

Отец Саади, Муширф Ширази, был улемом — духовным лицом, проповедником ислама, и сына своего готовил к той же деятельности, поэтому Саади получил сравнительно широкое по тому времени начальное образование. Однако благополучное детство длилось недолго, лет с тринадцати Саади осиротел, и семья осталась без средств к жизни. Юность Саади, судя по многим строкам в «Бустане» и «Гулистане», была трудной и печальной:

Не смела муха моего лица
Коснуться перед взорами отца.
Теперь один я. Если враг нагрянет,
Моим уделом плен и рабство станет.
Утратив сень родную с детских лет,
Изведал долю я сиротских бед.

В «Бустане» Саади с благодарностью вспоминает своего «доброго, ласкового и благородного отца», оказавшего большое влияние на его жизненные принципы. Своей любовью к поэзии, к учению Саади в значительной степени обязан отцу, бывшему одним из просвещенных людей Шираза и отличавшемуся исключительной для того времени веротерпимостью.

* * *

В двадцатых годах XIII века на Ближний Восток обрушилась невиданная до того в истории народов катастрофа. Орды Чингиз-хана вторглись в пределы Средней Азии и Ирана, предали огню и мечу цветущие города, перебив и поработив мирных жителей. Вот как описал страшную картину нашествия монголов очевидец событий арабский историк Ибн ал-Асир:

«Ведь даже антихрист щадит тех, кто следует за ним, хотя и губит того, кто оказывает ему сопротивление,— татары же никого не щадили: убивали и женщин, и мужчин, и детей, вспарывали животы беременным и резали еще не родившихся...»

«Ни одного города татары не щадили: уходя, разрушали. Все, возле чего они проходили, грабили. Что им было не нужно, они сжигали. Навалят они, например, груды шелку — и поджигают; так и разные другие товары». «...Татары овладели большей и лучшей частью вселенной, наиболее цветущими и густо заселенными странами, с населением высокообразованным,— овладели всего в течение какого-нибудь года. Никто не спал в стране, на которую татары еще и не нападали,— всякий со страхом и трепетом ожидал их нашествия...»

Потрясенный ужасами монгольского лихолетия, молодой Саади, как и многие другие, покинул свою родину.

После долгих мытарств Саади попал в Багдад — столицу Арабского Ирака, который монголы до поры до времени оставили в покое. Багдад в те времена был центром культуры мусульманского Востока. Почти все выдающиеся деятели культуры арабского мира, ученые, поэты и писатели, находились там. В Багдаде ему удалось устроиться стипендиатом в знаменитое высшее духовное училище «Низамийя», основанное во второй половине XI века. Кроме этого училища было множество других,— в одном из них, в «Мустансирийе» продолжал обучение Саади, оставивший почему-то «Низамийю». Огромное четырехугольное здание «Мустансирийи», выстроенное на берегу Тигра, имело большой внутренний двор, выложенный мрамором, с бассейном посредине. Занятия проходили на четырех айванах (крытых террасах), учащиеся носили черную длинную джуту и черную чалму.

В «Мустансирийе» изучались основы ислама, предания о пророке Мухаммеде, коран и комментарии к нему, медицина, филология, математика, зоология, история, логика и поэзия. При каждом отделении находились специальные чтецы корана и знатоки хадисов (преданий

о Мухаммеде). Из произведений Саади видно, что он особенно увлекался хадисами, готовясь в проповедники. Но его уже тогда очень интересовала поэзия. В училище весьма поощрялись поэтические диспуты на самые разнообразные темы. В обширной библиотеке насчитывалось более семидесяти тысяч томов, поэтические произведения были собраны в специальном отделе под названием «Наука о рифме». Среди слушателей большой популярностью пользовались стихи знаменитого арабского поэта X века Мутанабби.

Учение в Багдаде дало Саади хорошее знание арабского языка, хадисов и корана, житий святых шейхов и, особенно, классической арабской поэзии.

Учителями Саади были многие выдающиеся ученые XIII века. Из них Саади часто и с любовью вспоминал двоих: Абул-Фараджа ибн-Джузи и Шихаб-ад-дина Сухраверди.

Ибн-Джузи воспитывал своего ученика как истинного праведного мусульманина, а Шихаб-ад-дин Сухраверди, известный суфий, проповедник и писатель, старался привить Саади любовь к мистическим учениям суфиев, к дервишскому образу жизни. Однако на молодого Саади больше повлияла темпераментная, жизнерадостная поэзия Мутанабби, вот почему его стихи этого периода дышат юношеской любовью к жизни и ее радостям и далеки от идеалов его духовных наставников.

Как отмечал один из исследователей «Бустана» — К. Чайкин, в произведениях Саади нас «поражает полное отсутствие признаков какого бы то ни было увлечения такими «науками», как астрология, толкование снов, алхимия и т. п., дань которым отдали почти все средневековые авторы Ирана...»[1]. Причина этого кроется, по-видимому, в самой атмосфере, царившей в учебных заведениях Багдада, во всеобщем увлечении великими арабскими поэтами и рационалистической философией. Разумный подход к объяснению явлений природы и истории общества впоследствии определил философские воззрения и практическую деятельность Саади.

По окончании учения в «Мустансирийе» молодой проповедник и поэт, следуя требованиям традиции, совершил паломничество в священный город Мекку, после чего начались его долголетние путешествия, длившиеся вплоть до пятидесятых годов XIII века.

Странствуя как обыкновенный дервиш, он не раз бывал в Мекке, где долгие дни проводил у священного «черного камня» Каабы. В Дамаске он долго жил при знаменитой соборной мечети Омейядов и коротал свои дни в молитвах и в диспутах с дамасскими учеными и богословами, а в Баальбеке «читал пламенные проповеди изнуренному народу». В Иерусалимской пустыне попал в плен к крестоносцам, они заставили его рыть рвы в Триполи. Некий алеппский купец вызволил Саади из плена, увез к себе в Алеппо и женил на своей сварливой дочери. Поэту пришлось спасаться от нее бегством. В Басре он слушал бесконечные рассказы рыбаков и ловцов жемчуга. Во время пребывания в Йемене смерть лишила его единственного сына. Поэт повидал также и далекий туркестанский город Кашгар, где был принят с большими почестями, и остров Киш в Персидском заливе. Неоднократно он бывал в Тавризе, где давал смелые наставления монгольскому хану Абака.

В пятидесятых годах поэт обосновался в Дамаске при мечети Омейядов, где и начал писать свой знаменитый «Бустан». После этого он возвратился в родной Шираз и приступил к созданию другого своего большого произведения — «Гулистан».

Во время долголетних скитаний Саади испытал много лишений, голодал, нищенствовал, ходил босой, в лохмотьях, не раз подвергался опасности. Все это красочно описано им в «Бустане» и «Гулистане».

Но никакие трудности и невзгоды не могли заставить поэта прекратить свои странствия. Он беспрестанно переходил из одного города в другой, из одной страны в другую.

К этому прежде всего побуждала его профессия странствующего проповедника, дервиша, добывавшего себе средства к жизни тем, что, собрав вокруг себя людей, читал им на улицах и площадях, при мечетях и на дорогах проповеди. Естественно, что он не мог оставаться долго на одном месте. Когда в одном городе теряли интерес к его речам, он в поисках новых слушателей отправлялся в другие города.

[1] К. Чайкин, Саади. «Бустан», Academia, М. 1935, стр. XIII.

Содержание проповедей Саади было пестрым, но главной темой служили деяния пророка Мухаммеда, первых четырех халифов и жития суфийских шейхов. Как явствует из «Бустана» и «Гулистана», Саади в проповедях затрагивал вопросы общественной морали, нравственности. На убедительных примерах он объяснял слушателям, в чем суть добра и зла, богатства и бедности, кто такие царь и дервиш и как они должны поступать, чтобы угодить богу, каким должен быть хороший правитель, к чему должны стремиться люди.

Свои проповеди поэт подкреплял рассказами из жизни, живыми и увлекательными, яркими бытовыми картинами, народными поговорками и пословицами и нередко сопровождал их чтением своих стихов. Некоторые рассказы, афоризмы и, разумеется, стихи, производившие большое впечатление на слушателей, он записывал, чтобы не забыть и повторить в других местах.

Однако не только профессия проповедника побуждала поэта к странствиям, но и большая любознательность. Как справедливо отмечал академик С. Ф. Ольденбург, «Саади был большой сердцевед, и его всегда глубоко интересовали люди, их поступки и побуждения, и поэтому, вероятно, ему и хотелось сравнивать людей разных стран и народов. Вывод, который он сделал из этих сравнений, если судить по его сочинениям, тот, что люди всех народов и стран мало чем друг от друга отличаются: одинаково, как ему казалось, и любят и ненавидят».

Не зря сам поэт так часто и восторженно говорит о пользе путешествий. «Выгоды путешествия велики: путешествуя, радуешь сердце, видишь разные диковины, слышишь о чудесах, расширяешь образование и познания, и знакомишься с людьми, и испытываешь судьбу». А люди, встречавшиеся Саади в его скитаниях, были самыми разными: суфийские шейхи и ученые богословы, купцы и ремесленники, поэты и воины, отшельники и правители. Но больше всего и ближе всего соприкасался он с простыми обездоленными людьми, которые, вполне понятно, были основными слушателями поэта-проповедника.

В годы странствий Саади ясно понял одно: везде и всюду большая часть общества трудится, но голодает и бедствует, а меньшая присваивает плоды чужих трудов и живет в безмерной роскоши. Об этом он неоднократно говорит и в «Гулистане» и в «Бустане».

Поразительно точную характеристику деления общества на богатых и бедных дает Саади в одном из рассказов седьмой главы «Гулистана» («Спор Саади с лжедервишем по поводу богатства и бедности»). С потрясающей силой, удивительно верно и правильно для того времени раскрыл Саади источник всех пороков и язв общества.

Богачи — «это горсточка людишек высокомерных и надменных, самодовольных и скверных, алчущих имущества и мирских благ и жаждущих высокого положения и богатства. Они не говорят ничего, кроме глупостей, а на бедных взирают только с презрением. Ученых они считают нищими негодяями, а бедных — безмозглыми лентяями. Возгордившись своим действительным богатством и обольщаясь своим мнимым высоким достоинством, они садятся выше всех, считая себя лучше всех; им не приходит в голову поднять на кого-нибудь глаза. Они не ведают слов мудрецов, изрекших: «У кого страха божия меньше других, а богатства больше, те внешне богаты, а внутренне бедны».

«Они рабы дирхемов... Они и шага не сделают ради господа и дирхема не дадут без упреков и укоров. Они собирают богатство ценой больших усилий, оберегают его жадно и после себя оставляют его с горечью безотрадной. Как говорят мудрецы: «Серебро скряги только тогда выходит из земли, когда он сам уходит в землю».

* * *

Писать Саади начал еще в юношеские годы. До написания «Бустана» поэт создал целый ряд газелей, вошедших впоследствии в его «Куллият» (собрание сочинений).

Саади считается основоположником чистой газели. Он довел до совершенства эту форму лирического стиха. До Саади тоже писали газели, и в диванах (сборниках стихов) многих поэтов XI и XII веков можно найти целые разделы, включающие лирические стихи в

форме газели, но в большинстве их отсутствуют некоторые элементы, определяющие газель, — так, в одних отсутствует «макта» — заключительное или предпоследнее двустишие, в котором приводится псевдоним поэта, в других мы находим посвящение какой-нибудь высокопоставленной особе, что характерно скорее всего для касыды (хвалебной оды). Лишь после Саади газель стала самостоятельной поэтической формой, и на литературной арене появились крупные поэты интимной лирики, писавшие исключительно газели.

Газели Саади отличаются простотой образов, естественностью описываемых чувств, убедительностью и жизненностью сравнений, ясностью языка, отсутствием головоломных метафор и формальных украшений, глубоким содержанием и чрезвычайно изящной формой.

Кроме газелей, Саади писал и стихотворения дидактического, назидательного характера, с которыми обращался к правителям, призывая их к справедливости, к доброму обращению с подданными. Однако такого рода стихи, по-видимому, не пользовались особенной популярностью среди тех, кому адресовались, среди тех, кто считался ценителем и являлся покупателем поэзии. От поэтов требовали хвалебных од — касыд, прославляющих «доблесть» и «величие» власть имущих, описаний их походов и военных подвигов. Но это претило Саади, который на себе испытал последствия «походов и военных подвигов», пережил невзгоды и лишения, бывшие прямым результатом возвышенных «деяний» всевозможных правителей. Не раз намекает на это поэт в своих произведениях:

Мне говорят: «О Саади! Зачем живешь в лишеньях ты?
Есть верный у тебя доход, с ним не узнаешь нищеты.
Властителя ты похвали — богатство притечет к тебе,
А без богатства и талант — добыча слез и маяты».
«Да, в мире многие сочтут, что коршун лучше, чем Симург,
Но коршун падалью живет. Симург же — символ чистоты.
Нет, не случится так со мной, к правителям я не пойду —
Не буду заниматься тем, чем попрошайки заняты...»

Несмотря на равнодушие, проявляемое к «словам назиданья», поэт продолжал писать, «поучать» венценосцев и помогать своими «добрыми советами» простым людям. Впоследствии многие стихи, написанные в годы странствий для иллюстрации своих проповедей, Саади включил, доработав и отшлифовав их, в соответствующие разделы поэмы «Бустан». Первоначально книга эта называлась «Саади-наме» («Сказания Саади»). Поэт завершил ее в 1256 году, перед возвращением на родину, и посвятил правителю Фарса Абу-Бакру Са'ду ибн-Занги, к которому питал глубокое уважение за спасение им Фарса от монголов. Однако хвалебное посвящение Абу-Бакру Са'ду ибн-Занги, вставленное в «Бустан», как и другие касыды Саади, те имеет ничего общею с модными в то время хвалебными одами, в которых, к примеру, подкова коня какого-нибудь хана сравнивалась с небосводом, а гвозди ее — с планетами и звездами. Саади ставил в заслугу Абу-Бакру то, что он «своим золотом воздвиг перед монголами неприступную стену» и спас страну от разорения, а жителей от гибели, что благодаря этому многие бездомные чужестранцы нашли себе приют в Фарсе. Кроме этого панегирика, вступительная часть «Бустана» содержит также традиционные славословия аллаху, пророку и первым четырем халифам. Далее поэт излагает историю и причину составления книги:

По дальним странам мира я скитался,
Со многими людьми я повстречался...

Но не встречал нигде мужей, подобных
Ширазцам,— благородных и беззлобных.

Стремясь к ним сердцем, полон чистых дум,

И Шам покинул я, и пышный Рум.

Дарить друзей велит обычай нам,
Из Мисра сахар в дар везут друзьям.

Ну что ж, хоть сахару я не имею,
Я даром слаще сахара владею.

Тот сахар в пищу людям не идет,
Тот сахар в книгах мудрости растет...

Поэма «Бустан» состоит из десяти глав. Каждая из них содержит определенное количество рассказов, притч и небольших философских отступлений автора. Хотя рассказы и притчи в книге занимают основное место, все же они служат лишь для иллюстрации, подтверждения многочисленных сентенций поэта.

Материал расположен по главам неравномерно. Первые две главы по объему равны остальным восьми главам, ибо их содержание составляет пафос всей поэмы. В первой главе поэт непосредственно обращается к венценосцам, к властелинам со смелым призывом к «справедливости, рассудительности и мудрости». Поэт так определяет свою задачу:

А ты правдивым будь и не ходи
Путями лицемерья, Саади.
Царь — путник в мире, будь его вожатым.

Далее Саади, говоря его же словами, переходит к «душеспасительным беседам, нанизанным на нитку прекрасного слога, и добрым наставлениям, приправленным горьким снадобьем правды». Поэт выступает защитником интересов трудящихся масс, придавленных тяжкими условиями жизни. Но защита обездоленных выражается в характерной для того времени форме. Саади призывает власть имущих и всех богатых не притеснять и не грабить тружеников, «тех, на труде которых зиждется государство и которые составляют корень общества».

Покинь чертоги мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!

Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собой?

Мобеды оправданья не отыщут,
Что спит пастух, а волки в стаде рыщут.

Иди пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!

Царь — дерево, а подданные — корни.
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.

Не утесняй ни в чем народ простой.
Народ обидев, вырвешь корень свой.

Поэт требует от правителей не только доброты и гуманности и милосердия, но и рассудительности, мудрости, праведности и благочестия, требует следить за тем, чтобы

их приближенные, наместники, чиновники и военачальники обладали теми же качествами, ибо в противном случае доброта самого правителя принесет лишь вред народу. Великодушное обращение с сановниками, творящими зло, — это злодейство по отношению к подданным:

Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край.

Кто, правя, тружеников обижает,
Тот благу всей державы угрожает...

Казни судей, в неправде закоснелых,
Трави, как хищников заматерелых.

Бесчинствам волка положи конец,
От истребленья огради овец.

Саади требует от правителей положить конец бессмысленным войнам, грабительским походам. Мудрому царю прежде всего полагается быть скромным, говорит поэт, довольствоваться малым; он не должен ради пополнения своей казны, побуждаемый алчностью, идти войной на соседние страны, ибо войны и походы разоряют не только вражескую страну, но и собственный народ.

Ты войском обладаешь, сам ты смел,
Но не вводи войска в чужой предел:

Султан в надежном замке отсидится,
А подданный несчастный разорится.

Однако понимая, что подобные поучения почти не достигают цели, не оказывают желаемого воздействия на шахов и правителей, Саади старался устрашить их муками ада, напоминал о загробной жизни, о возмездии за земные грехи. Но нередко поэт предупреждал притеснителей народа, остававшихся глухими к его наставлениям и проповедям, что народ, доведенный до крайности, сам может расправиться с ними, «лишить их корня жизни» на земле.

Другой значительной темой «Бустана» является тема благочестия. Саади призывает к воздержанию довольству малым, к аскетическому образу жизни, выполнению всех предписаний ислама. Некоторые исследователи его творчества не видят в этом ничего разумного и объясняют все это исторической ограниченностью взглядов поэта. Но внимательное изучение поэмы показывает, что Саади вовсе не призывал ко всеобщему отречению от мирских благ, ибо он обращался с этим не к обездоленным и голодным массам, а к сильным мира сего, к тем, кто расточал народное добро, жил в роскоши и разврате, притеснял и грабил простых людей. Советую богачам «умереть от бедности, но не объедаться хлебом бедняков», Саади безусловно высказывал себя человеком передовых, прогрессивных взглядов.

Слыхал я — некий повелитель был,
Из грубой бязи платье он носил.

Ему сказали: «О султан счастливый,
Китайские б шелка носить могли вы!»

«Зачем? Я добрым платьем облачен!
Шелк — это роскошь»,— так ответил он,

«Харадж я собираю для того ли,
Чтоб наряжаться, в неге жить и в холе.

Когда, как женщина, украшусь я,
Угаснет доблесть ратная моя.

Когда бы суета владела мною,
Что стало б с государственной казною?

Не для пиров и роскоши казна...»

И далее Саади неоднократно повторяет, что его призывы к воздержанию и довольству малым обращены не к тем, которым не от чего воздерживаться, которым и без того приходится удовлетворяться самым малым.

Особо следует отметить, что поэт, внушая своим читателям богобоязненность и благочестие, не призывает их к молитвам и выполнению внешних обрядов и формальных предписаний ислама, он учит, что истинное благочестие — в добрых деяниях, в человеколюбии, в заботах о людях. «Путь к богу,— восклицает поэт,— не в рясе, не в четках и отшельничестве, а в том, чтобы служить народу на земле. Сидя на троне, необходимо быть нравом смиренным и чистым, искренним и великодушным, ибо молитвы без добрых дел и пустые обряды противны господу богу».

Можно сказать, что большинство рассказов «Бустана» иллюстрирует мысль о том, что народ создает все блага жизни, составляет основу и корень общества и поэтому не должен подвергаться насилию и гнету. Оскорбление, угнетение простых людей, по мнению поэта, не что иное, как оскорбление самого аллаха. Царь, который не заботится о своих подданных, неизбежно получит возмездие за свои злодеяния или от рук народа на этом свете, или от карающей десницы аллаха в судный день на том свете.

С советами к царям и правителям обращались и до Саади. У многих поэтов, предшественников Саади, мы можем найти призывы к милосердию и человеколюбию. Однако поучения Саади отличаются своей необычайной смелостью и логичностью. Гуманные по своей сути, высокохудожественные по форме, они на протяжении многих веков пользовались самой широкой популярностью на всем Ближнем Востоке.

В год написания «Бустана» началось второе варварское нашествие монголов на Ближний Восток — на этот раз во главе с Хулагу-ханом. Опять превращая в руины цветущие города, разоряя целые области, истребляя население, порабощая оставшихся в живых, монголы направились в столицу Ирака Багдад, который подвергли беспощадному разрушению. Немало бед народу причинили и начавшиеся междоусобные войны и феодальные раздоры.

Саади, испытавшему в своей жизни ужасы монгольского нашествия, похода крестоносцев, последствия междоусобиц, собственными глазами наблюдавшему уничтожение городов, истребление народов, неимоверные страдания людей, естественно было прийти к выводу, что все это — результат воли ожесточенного рока и божьего гнева. Ничем иным он не мог объяснить, почему варварские племена, стоявшие на такой низкой ступени развития, легко одолевали могучие войска, обученные всем правилам ведения войны. Отсюда вытекает его скептицизм, и его фатализм, отчетливо проявившиеся не только в «Бустане», но и во всем творчестве поэта.

* * *

«Бустан» глубокими корнями связан с жизнью народа, с народной культурой и традициями. Он возник под непосредственным влиянием духовных запросов и стремлений народа, и, естественно, что на страницах «Бустана» нашли отражение думы, нужды и идеалы народов мусульманского Востока. Этим обстоятельством объясняется та популярность и любовь, которыми пользовалась книга на протяжении многих столетий среди широких народных масс. Благодаря высоким нравственным идеалам, воспетым в «Бустане», живописным картинам быта и глубине поэтического чувства поэма и в наше время не потеряла своей художественней и познавательной ценности.

«Бустан», как, и другая замечательная книга Саади «Гулистан», давно привлек внимание русских ученых. Первый перевод «Бустана» и «Гулистана» на русский язык был сделан уже в XVII веке с немецкого перевода, приписываемого известному путешественнику Адаму Олеарию.

Интерес к творчеству Саади в России возрос особенно в XIX и XX веках, когда окрепло русское востоковедение.

Сравнительно полный, хотя и прозаический, перевод был опубликован в 1915 году в Петербурге неким Н. Урри. Этот перевод с немецкого языка особой ценности не представлял, он был далек от оригинала.

В. В. Державин, крупный русский поэт, обладающий великолепными познаниями в области восточной литературы и огромным опытом в переводе ее, очень талантливо передал содержание и образную систему этого выдающегося и в то же время трудного памятника классической литературы.

Перевод «Бустана» выполнен с текста, опубликованного иранским ученым М. А. Фуруги, до последнего времени считавшегося самым точным текстом. Текстологическая работа, проведенная мною на основе старейших рукописей, показала, что и текст М. А. Фуруги содержит известное количество интерполяций. Но учесть это в данном издании художественного перевода не представляется целесообразным и станет возможно лишь после опубликования критического персидского текста.

Рустам Алиев.

ВО ИМЯ АЛЛАХА МИЛОСЕРДНОГО И МИЛОСТИВОГО

Во имя бога, наших душ отца,
Глагола уст премудрого творца,

Чья благодать все сущее объемлет,
Кто просьбе и раскаянию внемлет,

Во имя вечного, чей храм — наш свет,
И ведайте — другого бога нет!

Великие владыки, падишахи
Пред ним главой склоняются во прахе,

Безбожных же не вмиг карает он,
Раскаянья не отвергает он.

Тех, кто смиренно о прощенье просит,
Он гневно в бездне бедствия не бросит.

Порой, коль сын поссорится с отцом,
Отец ему становится врагом,

Из-за поступка грубого иль слова
Он изгоняет сына, как чужого.

И если раб ленив и нерадив,
Хозяин, даже добрый, с ним гневлив.

А кто друзьям вниманья не являет,
Того и лучший друг порой бросает.

Когда не хочет воин службу несть —
Теряет славу, доблесть он и честь.

Но не спешит за неповиновенье
Казнить и гнать людей отец творенья.

Дверь ни пред кем не запирает он,
Несчастных хлеба не лишает он.

Два эти мира — два его созданья,
Лишь капли две от океана знанья.

Великодушие — закон его,
И хлеб его — для сущего всего.

Всяк человек для бога одинаков,
Всем доля от плодов его и злаков.

Но знай, ты в нем защиты не найдешь,
Коль ремеслом жестокость изберешь.

Он милосерден. Перед ним едины
И равны твари, смертные и джинны.

И все живет в лучах его любви:
Мы — люди, птицы, пчелы, муравьи.

Он в щедрости своей ко всем нисходит,
Симург на Каф-горе еду находит,

И льется милостей его поток
По всей земле — на запад и восток.

Один лишь бог да будет возвеличен,—
Он вечен, всемогущ и безграничен.

На одного возложит он кулах,
Другого с высоты свергает в прах.

Одних он славой, счастьем осеняет,
Других — на кожаный ковер бросает.

В сад пламя превращает для одних,
В огонь из Нила ввергнет он других.

И губит их, не внемля горьких пеней.
И все мы в милости его велений.

От бога злодеяний не укрыть,
Он видит все и может все простить.

Перед мечом его молчать должны мы,
Пред коим, немы даже херувимы.

Но всяк добра свою получит часть.
Безмерна щедрость, неисчерпна власть,

Безбрежны милости творца вселенной.
Один он вечен. Все иное тленно.

Им слабый и несчастный защищен,
Горячих просьб не отвергает он.

И лишь в его благорасположенье
Пути и судьбы тайные творенья.

Он небо, как хранительный шатер,
Над миром беспредельным распростер.

Его величья мы постичь не можем...
Где те дары, что мы пред ним возложим?

Благ, бесконечен, щедр и вечен он,
Им путь созвездий предопределен.

Как в устроенье мира был велик он,
Когда материки из волн воздвиг он!

Всю землю жар землетрясений бил,
Но землю он горами утвердил,

И равновесье в мире воцарилось,
И жизнь по воле бога зародилась.

Его рука видна во всем, везде:
Он образы рисует на воде,

Он лал и бирюзу скрывает в камень,
И рдеет розы яхонтовый пламень.

Смотри: жемчужной каплею одной
Порождены и цвет и плод живой,

И в непрерывной череде рождений
Жизнь обновляется его творений.

В морях рождает перлы дождь его.
От глаз его не скрыто ничего.

Дает он пищу и змее, и птице,
И муравью убогому в гробнице.

Вся жизнь его лишь волею жива
И без его веления мертва.

Идущие путем неисследимым
На будущем суде неотвратимом

Мы все предстанем — ужаса полны,
Величием его поражены.

Пределов мудрости его высокой
Узреть не может земнородных око.

Не может бога разум наш обнять,
Не может глубины его познать.

Не досягнет воображенья птица
Черты, где сущность вечного таится.

Туда уплыли сонмы кораблей
И не вернулись, нет о них вестей.

Над морем тем и я сгорал от жажды...
И ужас одиночества однажды,

Взяв за руку меня, сказал мне: «Встань!
Не установлена познанья грань

Пред ангелами, может быть, святыми!
Тебе ль, земная персть, равняться с ними?»

Хоть стань красноречивым, как Сахбан,
Безбрежный не опишешь океан.

Не изъяснишь предвечного, ведь он
Очами зримых признаков лишен.

Избранники скакали в эти дали
И — друг за другом — все в пути отстали.

Конь никогда к той цели не домчит,
Отважнейшие там бросали щит.

А пред достигшим света откровенья
Захлопывались двери возвращенья.

Тот, кто из чаши откровенья пьет,
С вином познанья и забвенье пьет.

Кто предстоит— тому глаза зашили,
А кто глядит — тот падает без крылий...

Никто не знает, где Карунов клад;
Кто отыскал — тот не пришел назад.

И я погиб в кровавом этом море
Без кормчего — в бушующем просторе!

Коль хочешь ты весь мир земной пройти,
Ищи коня — надежного в пути.

Гляди в зерцало сердца неизменно
И свой совершенствуй постепенно.

На страдной той стезе благослови
Благоуханье истинной любви.

И, жаждою познанья опаленный,
Ты воспаришь — любовью окрыленный,

И солнце вечной истины взойдет
И мглу завес, обманных раздерет.

Туда, туда гони коня прозренья,
Покамест «стой!» — не скажет изумленье.

Сей путь проложен пастырем самим!
И горе тем, кто не пошел за ним.

И тем, что с полдороги возвратились.
Они во тьме глубокой заблудились.

Кто путь посланца бога покидал,
Тот цели никогда не достигал.

О Саади, путь к истине высокой
Лишь на стезе сияющей пророка!

ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОРОКА, ДА БЛАГОСЛОВИТ ЕГО АЛЛАХ

Великодушен — разумом высок
Заступник человечества — пророк,

Имам избранников, в долине праха
Для нас наместник истинный аллаха,

Защитник тварей, светоч бытия
И на суде последнем — судия.

По образу его был сотворен
Небесный свод, где свет его зажжен.

Великодушный, верных повелитель,
Свершитель благ, великий победитель —

Хоть в мире сиротой он бедным рос,
Но в мир он мудрость высшую принес.

Когда он веры правой вынул меч,
Сумел он месяц пополам рассечь.

Лишь прозвучало благовестья слово,
Как в бурю, рухнул кров и трон Хосрова.

Пророк великий идолов разбил,
Во имя веры Уззу сокрушил,

И в прах разбил и ниспровергнул Лата,
И упразднил он славу Таурата.

Однажды ночью на коня он сел
И в высоту небесную взлетел.

Так быстро дивный конь понес пророка,
Что Джабраил в пути отстал далеко.

Хоть Мухаммед взывал: «Не отставай!
На полпути меня не покидай!

Я помощи твоей был удостоен,
Так не бросай меня, небесный воин!»

Нельзя мне выше, — молвил Джабраил, —
И не осталось в крыльях больше сил.

Для нас запретно огненное небо,
И вмиг оно спалило крылья мне бы!»

Заложникам греха — надежду нам
Так вечно посылаешь ты, имам!

Воспеть тебя достойно не сумею.
Мир да почиет над главой твоею,

И пусть прославит ангелов хвала
Твоих святых сподвижников дела!

Да славится Бу-Бакр — мюрид твой старый,
Да славятся деяния Омара.

Премудрый да прославится Осман,
И твой Али, и весь твой ратный стан.

То — избранных столпа твои четыре,
И Фатимы права бессмертны в мире.

Я за полу избранника держусь,
От послушания не отрешусь.

О снизойди! Не будет в этом даре
Тебе урона здесь — в чертоге тварей.

Ведь в доме блага краткие лишь дни
Гостят, как прихлебатели, они.

Ты благодатью высшей озарился,
Сам Джабраил перед тобой склонился.

Из глины и воды рожден Адам,
Лишь ты по воле божьей послан нам.

Суть бытия ты с самого начала,
И все тобой живет, что после стало.

Превыше ты всего, что я сказать
Могу в словах... В тебе лишь — благодать.

Тебя «Лавлак» достойно восхваляет,
«Йасин» твоею славою сияет.

Что к ним я — Саади — прибавить мог?
Благословенье — мир тебе, пророк!

ПРИЧИНА НАПИСАНИЯ КНИГИ

По дальним странам мира я скитался,
Со многими людьми я повстречался,

И знанье отовсюду извлекал,
Колосья с каждой жатвы собирал.

Но не встречал нигде мужей, подобных
Ширазцам, — благородных и беззлобных.

Стремясь к ним сердцем, полон чистых дум,
И Шам покинул я, и пышный Рум.

Но не жалел, прощаясь с их садами,
Что я с пустыми ухожу руками.

Дарить друзей велит обычай нам,
Из Мисра сахар в дар везут друзьям.

Ну что ж, хоть сахару я не имею,
Я даром слаще сахара владею.

Тот сахар в пищу людям не идет,
Тот сахар в книгах мудрости растет.

Когда я приступил к постройке зданья,
Воздвиг я десять башен воспитанья.

Одна — о справедливости глава,
Где стражи праха божьего — слова,

Благотворительность — глава вторая,
Велит добро творить, не уставая.

О розах — третья, об огне в крови,
О сладостном безумии любви.

В четвертой, в пятой — мудрость возглашаю,
В шестой — довольство малым прославляю,

В седьмой — о воспитанье говорю,
В восьмой — за все судьбу благодарю.

В девятой — покаянье, примиренье,
В главе десятой — книги заключенье.

В день царственный, в счастливый этот год —
На пятьдесят пять свыше шестисот,

В день, озаренный праздника лучами,
Наполнился ларец мой жемчугами.

Я кончил труд; хоть у меня была
В запасе перлов полная пола.

Душа еще даров своих стыдится,
Ведь с перлами и перламутр родится.

Средь пальм непревзойденной высоты
В саду растут и травы и кусты.

И к недостаткам моего творенья,
Надеюсь, мудрый явит снисхожденье.

Плащу, что из парчи бесценной шьют,
Кайму из грубой бязи придают.

Нет в этой книге пестроты сугубой,
Ты примирись с ее каймою грубой.

Я золотом хвастливо не блещу,
Сам, как дервиш, я милости ищу.

Слыхал я: в день надежды и смятенья,
Аллах дурным за добрых даст прощенье.

Дурное услыхав в моих словах,
Ты поступай, как повелел аллах.

Коль будет бейт один тебе по нраву,
Прости всю книгу, истине во славу.

Мои стихи, ты знаешь, в Фарсистане —
Увы, — дешевле мускуса в Хотане.

Свои грехи я на чужбине скрыл
И в этот гулкий барабан забил.

И шутки ради, розу гулистану
Я приношу, а перец — Индостану.

Так — финик: кожа у него сладка,
Да косточка внутри ее крепка...

ВОСХВАЛЕНИЕ АБУ-БАКРА ИБН-СА'ДА ИБН-ЗАНГИ

Душою тверд, как адамант и лал,
Я шахов и царей не восхвалял.

Но имя это ставлю я вначале,
Чтоб мужи чести в будущем сказали.

«Шейх Саади красноречивым был,
Он в годы царства Абу-Бакра жил.

В тот век он грянул громом барабана,
Как наш пророк во дни Ануширвана».

Кто был после Омара справедлив,
Как верный Абу-Бакр, что ныне жив.

Глава прославленных, дарящий свет им?..
Вселенная, гордись его столетьем!

И те, кто ищут пристани средь смут,
В его стране прибежище найдут.

Здесь дом и стол детей и стариков
Неотторжимый на века веков.

К царю идет подверженный недугу,
И он бальзам ему дает, как другу.

Надеждой полн, к добру он устремлен,
И пусть творцом поддержан будет он.

Хоть он венцом зенита достигает,
Но в скромности чело к земле склоняет.

Коль скромен нищий, что ж, так было встарь,
Но в том величье, если скромен царь.

Слуга склонен издревле по сегодня,
Но государь склоненный — муж господний.

И слава о смирении его
Величия превыше самого.

Правителей не видел круг вселенной
Таких, как Абу-Бакр благословенный.

Обиженного не найдешь пред ним,
Чтобы стонал, насилием тесним.

Такого строя, мира и устава
И Фаридун не создал величавый.

Тем шаха честь у бога высока,
Что слабого рука пред ним крепка.

Он справедливость распростер над миром
И стал защитой слабым он и сирым.

Насилье и страдания несет
Народам этот гневный небосвод.

Но в дни твои изменчивое время
Людей живущих не гнетет, как бремя.

Покой ты людям дал. Но я, скорбя,
Взираю: что их ждет после тебя?

Жизнь Саади со временем совпала,
Когда твое светило засияло.

На вечные прославься времена,
Пока восходит солнце и луна!

Те имя доброе завоевали
Цари, что славе прошлого внимали.

У величайших прошлого царей
Учился ты в теченье жизни всей.

Румиец меднобашенной стеною
Мир защитил пред вражеской волною.

Ты вал — в защиту правды и добра —
Воздвиг из золота и серебра,

Чтоб укротить степных яджуджей ярость,
Чтоб защитить и молодость и старость.

Пусть златоуст навеки замолчит,
Коль он хвалы тебе не возгласит.

Из берегов ли вечных море выйдет,
В тебе оно всего себя увидит.

Так доблестями ты, мой шах, высок,
Что не вместить их в тесном строе строк.

Коль захочу твой образ воссоздать я,
Большую книгу должен написать я.

Склоняюсь, небеса благодаря,
И возношу молитву за царя.

Свети тебе удача неизменно,
Храни тебя всегда творец вселенной!

Твоя звезда высокая взошла
И темную врага звезду сожгла.

Пусть круг времен твоей державе служит,
Пусть сердце в опасениях не тужит,

Чтобы всегда спокойна и светла,
Душа твоя высокая была.

Да будет ум твой ясен, дух спокоен,
Да будет край отцов благоустроен.

Да будешь твердым в вере, как булат,
И царства твоего бежит разлад.

И пусть Шираз прекрасный процветает
И благоденствием благоухает,

И да хранит тебя святой аллах,
Все остальное — ветер, пыль и прах.

И все в господнем лишь благоволенье,
И нет нам пользы в многом говоренье.

Са’д, сын Занги, — могучий в цвете сил —
Достойнейшего сына породил.

Ликуй, что жизнь ты прожил не бесплодно,
Ветвь добрую дал корень благородный.

Да озарится милостью творца,
О шах, гробница твоего отца!

Са'д, сын Занги, навеки в мире славен,
Сын Абу-Бакра с ним величьем равен.

ВОСХВАЛЕНИЕ СА'ДА ИБН-АБУ-БАКРА ИБН-СА'ДА

Всяк возраст перед звездами велик, —
Со счастьем юный, с мудростью — старик.

Ты светел сердцем, знаньями украшен,
Ты в помыслах высок, в бою — бесстрашен.

Как хорошо, что берег над рекой
Обогатился нивою такой!

Ты море щедрости не исчерпаешь,
Ты Сурайю величьем затмеваешь.

И славит подвиги твои молва,
О муж, отважных витязей глава!

Полн перлов свод жемчужницы небесной,
Но перл средь них — один лишь полновесный.

И как светило, блещущее днем,
Ты ярко украшаешь отчий дом.

Когда судьба грозит, напасти множа,
Обереги царя от бедствий, боже.

Чтоб не на зависть, а в пример другим,
Над горизонтом он вставал земным.

Веди его путем благочестивым,
Желанья заверши венцом счастливым.

Да не коснутся шаха никогда
Изъян, смятенье духа и беда.

Туба в раю приносит плод подобный
Тебе, о добронравный и беззлобный!

Отец и сын, вы схожи меж собой,
Так будьте схожи славною судьбой.

Вам — твердым в вере, мудрым, правосудным,
Да будет шахской власти труд нетрудным.

Щедрот всевышнего не описать
И вам хвалу достойно не воздать.

Царя, что дом гостеприимный строит,
Что сонмы бедных кормит и покоит,

В делах его, во все земные дни,
Всевышний, защити и сохрани!

Взрасти цветущий сад его надежды,
В шелках зеленых лиственной одежды!

А ты правдивым будь и не ходи
Путями лицемерья, Саади.

Царь — путник в мире, будь его вожатым.
Царь жаждет правды, Хызром будь крылатым.

Как на девять престолов высоты
Поставить Кзыл Арслана можешь ты? —

Поставь, мол, ноги на небо надменно!
Скажи: «Эй, царь, чело склони смиренно,

К порогу храма ликом припади,
Вот верных путь единственный, гляди!»

Да, здесь ты царь, но раб ты перед богом.
Сними корону пред его порогом!

Пред ним — царем единственным во всем —
Рыдай, как нищий перед богачом,

И знай: пред богом ты других не выше,
Кричи пред богом, как кричат дервиши:

Один велик ты на века веков,
О ты, отец, владыка бедняков!

Я не владыка стран, не повелитель,
Я этого дворца случайный житель.

Ты помогаешь мне во всех делах,
А без тебя я — бесполезный прах!»

Итак, о царь, молись, горюй ночами,
А днем сиди на троне, царствуй нами.

Дух гордецов надменен и жесток,
А ты склоняй чело на сей порог

Пред храмом, что, как солнце, лучезарен,
И будь во всем аллаху благодарен.

И будешь ты тогда среди живых
Как солнце пред толпой рабов твоих.

Мы повесть о подвижниках слыхали,
О тех мужах, что истину познали.

Один — верхом на тигре выезжал,
Змеею вместо плетки погонял.

Его спросили: «Мудрый, молви слово,
Как ты достиг могущества такого?

Покорен кровожадный тигр тебе
И властен ты один в его судьбе».

Ответил мудрый муж: «Вы удивились,
Что мне и тигр и коршун покорились?

Покорствуй богу волею живой —
И тигр покорно ляжет пред тобой».

Когда правитель истине внимает,
Его аллах величьем осеняет.

Коль другом стал тебе всевышний сам.
Он не предаст тебя твоим врагам.

Вот путь величья истинный и верный,
Ты по нему иди нелицемерно, —

И все найдешь, что ищешь, впереди!..
Да внемлет мудрый речи Саади.

Г Л А В А П Е Р В А Я

О справедливости, мудрости и рассудительности

Ануширван, когда он умирал,
Призвал Хормуза и ему сказал:

«Покинь оковы мира и покоя,
Взгляни, мой сын, на бедствие людское!

Как можешь ты довольным быть судьбой,
Несчастных сонмы видя пред собой?

Мобеды оправданья не отыщут,
Что спит пастух, а волки в стаде рыщут.

Иди, пекись о нищих, бедняках,
Заботься о народе, мудрый шах!

Царь — дерево, а подданные — корни.
Чем крепче корни, тем ветвям просторней.

Не утесняй ни в чем народ простой.
Народ обидев, вырвешь корень свой.

Путем добра и правды, в божьем страхе
Иди всегда, дабы не пасть во прахе.

Любовь к добру и страх пред миром зла
С рождения природа нам дала.

Когда сияньем правды царь украшен,
То подданным и Ахриман не страшен.

Кто бедствующих милостью дарит,
Тот волю милосердного творит

Царя, что людям зла не причиняет,
Творец земли и неба охраняет.

Но там, где нрав царя добра лишен,
Народ в ярме, немотствует закон.

Не медли там, иди своей дорогой,
О праведник, покорный воле бога!

Ты, верный, не ищи добра в стране,
Где люди заживо горят в огне.

Беги надменных и себялюбивых,
Забывших судию, владык спесивых.

Тот лишь во сне обманном рай узрит,
Кто подданным насилие творит.

Позор, крушенье мира и оплота —
Последствия насилия и гнета.

Ты, шах, людей безвинно не казни!
Опора царства твоего они.

О батраках заботься, о крестьянах!
Как жить им в скорби, нищете и ранах?

Позор, коль ты обиду причинил
Тому, кто целый век тебя кормил».

И Шируйе сказал Хосров, прощаясь,
Навек душой от мира отрекаясь:

«Пусть мысль великая в твой дух войдет, -
Смотри и слушай, как живет народ.

Пусть в государстве правда воцарится,
Иль от тебя народ твой отвратится.

Прочь от тирана люди побегут,
Дурную славу всюду разнесут.

Жестокий властелин, что жизни губит,
Неотвратимо корень свой подрубит.

Война не столько принесет смертей,
Как плач и слезы женщин и детей.

В ночи, в слезах, свечу зажжет вдовица
И запылает славная столица.

Да, только тот, который справедлив,
Лишь тот владыка истинно счастлив.

И весь народ его благословляет,
Когда он в славе путь свой завершает.

И добрые и злые — все умрут,
Так лучше пусть добром нас помянут.

* * *

Правителей правдивых назначай,
Умеющих благоустроить край.

Кто, правя, тружеников обижает,
Тот благу всей державы угрожает.

А власть злодея — сущая беда, —
Да не уйдет он грозного суда!

Кто добр поистине — добро увидит,
Злодей же сам детей своих обидит.

О правде ли к насильникам взывать,
Когда их с корнем надо вырывать!

Казни судей, в неправде закоснелых,
Трави, как хищников заматерелых.

Бесчинствам волка положи конец,
От истребленья огради овец.

* * *

Купец какой-то хорошо сказал,
Когда он в плен к разбойникам попал:

«Толпе старух подобно войско шаха,
Когда грабители не знают страха!

Беда стране, где властвует разбой,
Не будет прибыли стране такой.

И кто поедет в край, забытый богом,
Где спит закон, где грабят по дорогам?»

Чтоб славу добрую завоевать,
Шах чужеземцев должен охранять.

Уважь пришельцев, что приюта просят,
Они ведь славу добрую разносят.

А если гостелюбья нет в стране,
Ущерб и царству будет и казне.

Ты по обычаям, по доброй вере,
Не запирай пред странниками двери.

Гостей, купцов, дервишей бедных чти,
Очисти от грабителей пути.

Но слух и зренье будут пусть на страже,
Чтоб не проник в твой дом лазутчик вражий.

Людей, несущих смуту, не казни,
А из своих пределов изгони.

Не гневайся на пришлеца дурного,
Сам жертва своего он нрава злого.

Но если Фарс — смутьяна отчий край,
В Рум, в Санаа его не изгоняй.

Ведь неразумно бедствие такое
На государство насылать другое,

Чтоб нас не проклинал иной народ, —
От них, мол, к нам несчастие идет.

* * *

Люби друзей, чей посвящен был труд
Всю жизнь тебе,— они не предадут.

И старого слугу изгнать постыдно,
Забвение заслуг его обидно.

Хоть стар, не в силах он тебе служить,—
Как прежде, должен ты его дарить.

Когда Шапур, состарясь, стал недужен,
Хосрову он на службе стал не нужен.

И в бедствие Шапур и в бедность впал,
И он письмо Хосрову написал:

«Царь, я служил тебе в былые лета!
Стар стал... Неужто изгнан я за это?»

* * *

На должности богатых назначай,
Кормило власти нищим не вручай.

С них ничего ты — царской пользы ради —
Не взыщешь, кроме воплей о пощаде.

Коль на своем посту вазир не бдит,
Пусть наблюдатель твой за ним следит.

Коль наблюдателя вазир подкупит,
Пусть к делу сам твой грозный суд приступит.

Богобоязненным бразды вручай,
Боящимся тебя не доверяй.

Правдивый лишь пред богом полн боязни,
За правду он не устрашится казни.

Но честного едва ль найдешь из ста;
Сам проверяй все книги и счета.

Двух близких на одну не ставь работу,
Дабы от них не возыметь заботу.

Столкуются и станут воровать,
И пред тобой друг друга покрывать.

Когда боится вора вор, то мимо
Проходят караваны невредимо.

* * *

Когда слугу решаешь ты сместить,
Ты должен позже грех его простить.

Порой больной росток трудней исправить,
Чем сотню пленных от цепей избавить.

Ты знай: надеждой изгнанный живет,
Хоть рухнул жизни всей его оплот.

Шах справедливый, истинный мудрец,
Глядит на слуг, как на детей отец.

Порой — правдивым гневом пламенеет,
Но он и слезы оттереть умеет.

Коль будешь мягок — обнаглеет враг.
Излишняя жестокость сеет страх.

Как врач, что ткань больную рассекает,
Но и бальзам на раны налагает,

Так мудр поистине владыка тот,
Что к добрым — добр, а злым отпор дает.

Будь благороден, мудр. Добром и хлебом
Дари людей; ведь одарен ты небом.

Никто не вечен в мире, все уйдет,
Но вечно имя доброе живет.

Ввек не умрет оставивший на свете
После себя мосты, дома, мечети.

Забыт, кто не оставил ничего,
Бесплодным было дерево его.

И он умрет, и всяк его забудет,
И вспоминать добром никто не будет.

* * *

Во имя доброй славы, в дни правленья,
Мужей великих не топи в забвенье.

Скрижаль твою великих имена
На вечные украсят времена.

И до тебя здесь шахи подвизались,
И все ушли; лишь надписи остались.

Один прославлен до конца времен,
Другой — навек проклятьем заклеймен.

* * *

Не верь доносчикам-клеветникам, —
А, вняв доносу, в дело вникни сам.

Не верь словам, коль честного поносят,
И пощади, когда пощады просят.

Просящих крова — кровом осени.
Слугу за шаг неверный не казни.

Но если пренебрег он добрым словом
И вновь грешит — предай его оковам.

Когда же не пойдут оковы впрок,
Ты вырви с корнем тот гнилой росток.

Но, все вины преступника исчисля,
Ты, прежде чем казнить его,— размысли:

Хоть бадахшанский лал легко разбить,
Но ведь осколки не соединить.

РАССКАЗ

Раз из Омана прибыл человек,
Он обошел весь мир за долгий век.

Таджиков, тюрков и руми встречал он,
Все, что узнал у них, запоминал он.

Всю жизнь он странником бездомным был,
Но в странствиях он мудрость накопил.

Он был, как дуб могучий, но при этом
Не красовался ни листвой, ни цветом, —

Убог и нищ, лишь разумом богат.
Халат его был в тысяче заплат.

Томимый голодом, изнемогал он,
И от жары и жажды высыхал он.

Вот он явился в городе одном,
Где некий муж великий был царем.

Страннолюбив и чужд мирской забавы,
Тот царь хотел себе лишь доброй славы.

Велел пришельца шах во двор впустить.
Насытить, в бане мраморной омыть.

И пыль и пот отмывши в царской бане,
Предстал он перед шахом на айване,

Приветствие султану возгласил
И руки на груди своей сложил.

А царь: «Поведай, из каких ты далей?
Какие беды к нам тебя пригнали?

Что в мире видел ты за долгий век?
Ответствуй нам, о добрый человек!»

Открыл уста пришелец: «О владыка!
Тебе да будет в помощь бог великий!

Я долго по стране твоей блуждал
И — честь тебе — несчастных не видал.

Не пьянствуют здесь, дух святой бесславя;
Закрыты кабаки в твоей державе.

И людям здесь обиду причинять
Запрещено, хоть негде пировать;

Зато в стране народ живет счастливо!» —
Так говорил пришлец красноречиво,

Как будто перлы сыпал океан...
Пленен его речами был султан,

Он гостя посадил с собою рядом
И милостей его осыпал градом.

Тот жизнь свою владыке рассказал
И ближе всех душе султана стал.

И в сердце шахском родилось решенье:
Пришедшему вручить бразды правленья.

«Но нужно — постепенно! — думал он, —
Чтоб я в глазах вельмож не стал смешон.

Сперва в делах я ум его проверю,
А уж потом печать ему доверю!»

Печали тот испытывает гнет,
Кто власть бездарным в руки отдает.

Судья, ты взвесил приговор сначала б,
Чтоб не краснеть от укоризн и жалоб.

Обдумай все, кладя стрелу на лук,
А не тогда, как выпустишь из рук.

Проверь сперва, — завещано от века, —
Как мудрого Юсуфа, человека,

Пока его познаешь — целый год
И даже больше времени пройдет.

Так изучал пришельца шах. На диво,
Он видит — честен муж благочестивый:

Нрав добрый, золотая голова,
Знаток людей, не ронит зря слова.

Разумней всех вельмож, исполнен миром.
И сделал царь тогда его вазиром.

Стал править царством этот человек
Так мудро, будто правил целый век.

Так все привел он под свое начало,
Что ни одна душа не пострадала.

Ни разу повода дурным словам
Он не дал. Рты закрыл клеветникам.

Не видя в нем изъяна ни на волос,
Завистник трепетал, клонясь, как колос.

Правитель новый солнцем всех согрел,
Вазир же старый завистью горел.

В том мудреце не находя изъяна,
Наклеветать не мог он невозбранно.

А праведник и клеветник-злодей,
Как бронзовый сосуд и муравей.

Хоть муравья сосудом придавили,
Да бронзу муравей прогрызть не в силе.

И было два гуляма у царя,
Красивых, словно солнце и заря;

Как солнце и луна; а ведь на свете
Им равный светоч не рождался третий.

Сказал бы ты: у них лицо одно
В другом, как в зеркале, отражено.

Мудрец очаровал юнцов речами,
Невольно овладел он их сердцами.

Они, увидя добрый нрав его,
Искали дружбы мудреца того.

И, сердцем чуждый низкому желанью,
Сам поддался мудрец их обаянью.

Дабы духовный охранить покой,
Беги, о мудрый, зависти людской!

Будь сдержанным, дружи с людьми простыми,
Чтоб клеветник твое не пачкал имя.

Вазир гулямов этих полюбил,
Для чистой дружбы сердце им открыл.

Завистник, дружбой возмущен такою,
Явился к шаху с гнусной клеветою.

Сказал: «Не знаю — кто он, кем рожден,
Но честно жить у нас не хочет он.

Чужак он, странник, здесь корней лишенный,
Что царь ему? Что царство и законы?

Он двух твоих рабов сердца пленил
И с ними в связь развратную вступил.

Имея власть в руках, не зная страха,
Бродяга сей позорит имя шаха,

А милостей твоих мне не забыть,
И я не мог его проделок скрыть.

Я долго сам сначала сомневался,
Пока до гнусной правды не дознался.

Один слуга мой верный наблюдал,
Как он их, улыбаясь, обнимал.

Ты сам, о царь мой, можешь убедиться!»
Вот так на свете клевета родится.

Пусть подлый злопыхатель пропадет,
Пусть клеветник отрады не найдет.

В сопернике он мелочь замечает,
Пожар из малой искры раздувает.

Три щепки подожжет, и запылал
Огонь, и дом, и двор, и сад объял.

Царь выслушал донос. И запылал он,
Как на огне котел, заклокотал он.

И кровь дервиша он пролить хотел,
Но гнев смирил, собою овладел.

Вскормленного тобою человека
Казнить — постыдным числится от века.

Насильем света правды не добыть
И правосудия не совершить.

Не оскорбляй вскормленного тобою!
С ним связан ты и честью и судьбою.

Безумие пролить живую кровь
Того, кому ты оказал любовь,

Кого приблизил к своему айвану,
Найдя в нем доблесть, чуждую изъяну.

О всех его делах дознайся сам
И на слово не верь клеветникам.

Царь подозренья черные скрывал,
Сам за вазиром наблюдать он стал.

Ты, мудрый, помни: сердце — тайн темница,
Коль тайна вырвется — не возвратится.

Стал он дела вазира изучать,
Изъяна отыскать хотел печать.

И вот случайно тайны он коснулся,
Вазир его гуляму улыбнулся.

Когда людей связует душ сродство,
Невольно взгляды выдают его.

И как не может Деджлою напиться
Водяночный, что жаждою томится,

Так на вазира юный раб глядел...
И в этом царь недоброе узрел.

Но гнев свой укротил он и спокойно
Сказал вазиру: «О мой друг достойный!

Досель светила мудрость мне твоя,
Тебе бразды правленья вверил я.

Я чтил твой дух и разум твой высокий,
Но я не знал, что ты не чужд порока.

Нет, не к лицу тебе, увы, твой сан!..
Виновен в этом сам я — твой султан.

Змею вскормившего удел печален,
Он будет, рано ль, поздно ли, ужален».

Главой поник в раздумье муж-мудрец
И так царю ответил наконец:

«Я не боюсь наветов и гонений,
У вас не совершал я преступлений.

Не знаю я, ты в чем меня винишь,
И не пойму, о чем ты говоришь!»

Шах молвил: «Чтоб исчезла тень сомненья,
Ты и в лицо услышишь обвиненье».

И здесь вазира старого навет
Открыв, спросил «Что скажешь ты в ответ?»

Тот молвил: «Спор внимания не стоит!
Завистник подо мной подкопы роет.

Он должен был мне место уступить..,
И разве может он меня хвалить?

Ты, государь, сместив, его обидел...
Он в тот же час врага во мне увидел.

Неужто царь, прославленный умом,
Не знал, что станет он моим врагом?

До дня суда он злобы не избудет,
И лгать всю жизнь, и клеветать он будет.

II я тебе поведаю сейчас
Когда-то мною читанный рассказ.

Невольно мне он в память заронился:
Иблис сновидцу некому приснился.

Он обликом был светел, как луна,
Высок и строен телом, как сосна.

Спросил сновидец: «Ты ли предо мною
Столь ангельскою блещешь красотою?

Как солнце, красота твоя цветет,
А ты известен в мире, как урод.

Тебя художник на стене чертога
Уродиной малюет длиннорогой».

Бедняга-див заохал, застонал,
И так ему сквозь слезы отвечал:

«Увы, мой лик художник искажает.
Он враг мне, ненависть ко мне питает!»

Поверь, мой шах, я чист перед тобой,
Но враг мой искажает облик мой.

От зависти и злобы, как от яда,
Бежать, мой шах, за сто фарсангов надо.

Но не опасен гнев твой мне, о шах,
Кто сердцем чист, тот смел всегда в речах.

Где мухтасиб идет, лишь тот горюет,
Кто гирями неверными торгует.

И так как только с правдой я дружу,
На клевету с презреньем я гляжу!»

Царь поражен был речью этой смелой,
Душа его от гнева пламенела.

«Довольно,— крикнул он,— не обмануть
Тебе меня! Увертки позабудь.

Мне не нашептано клеветниками,
Нет, все своими видел я глазами.

Средь сонма избранных моих и слуг
Ты не отводишь глаз от этих двух».

И засмеялся муж велеречивый:
«Да, это правда, о мой шах счастливый.

Скрыть истину мне запрещает честь,
Но в этом тонкий смысл сокрытый есть.

Бедняк, что в горькой нищете страдает,
С печалью на богатого взирает.

Цвет юности моей давно увял,
Я жизнь свою беспечно растерял.

На красоту, что юностью богата,
Любуюсь. Сам таким я был когда-то.

Как роза цвел, был телом, как хрусталь,
Смотрю — и в сердце тихая печаль.

Пора мне скоро к вечному покою...
Я сед, как хлопок, стан согбен дугою.

А эти плечи были так сильны,
А кудри были, словно ночь, черны.

Два ряда жемчугов во рту имел я,
Двумя стенами белыми владел я.

Но выпали они, о властелин,
Как кирпичи заброшенных руин.

И я с тоской на молодость взираю,
И жизнь утраченную вспоминаю.

Я драгоценные утратил дни,
Осталось мало, минут и они!»

Когда слова, как перлы, просверлил он,
Как будто книгу мудрости открыл он.

Шах посмотрел на мощь своих столпов,
Подумав: «Что есть выше этих слов?

Кто мыслит так, как друг мой, благородно,
Пусть смотрит на запретное свободно.

Хвала благоразумью и уму,
Что я обиды не нанес ему.

Кто меч хватает в гневном ослепленье,
Потом кусает руки в сожаленье.

Вниманье оклеветанным являй,
Клеветников же низких покарай!»

И друга честью он возвысил новой,
Клеветника же наказал сурово.

И так как мудр, разумен был вазир,
Не позабыл того султана мир.

Пока был жив, он был хвалим живыми,
И доброе, уйдя, оставил имя.

* * *

Тот шах, что в вере истинной живет,
Рукою правды счастья меч берет.

Таких не знал я, кроме сына Са'да,
Средь нынешнего общего разлада.

Как древо райское, ты — славный шах!
Ты — верных сень на жизненных путях!

Хотел я, чтоб Хумай ширококрылый
Отрадой озарил мой дом унылый.

Но разум говорит — Хумая нет...
И к дому шаха я иду на свет.

Спаси владыку, вечный вседержитель,
И доброй сей земли храни обитель.

Молю тебя за шаха и людей,
Да не лиши их милости твоей!

* * *

Не торопись виновного казнить,
Потом не сможешь голову пришить.

Тот царь, в котором правды свет не тмится,
От просьб о помощи не утомится.

Та голова для власти не годна,
Что лишь пустой надменностью полна.

Не будь в боях с врагом нетерпеливым,
Разумным будь во всем, неторопливым.

Лишь тот в совете — солнце, в битвах — лев,
Кто разумом смирять умеет гнев.

А если силы злобы и досады
Свои войска выводят из засады, —

И честь и веру — все они сметут,
От этих дивов ангелы бегут.

* * *

По шариату воду пить — не грех,
Злодея по суду казнить — не грех.

Кто по закону казни лишь достоин,
Казни его, не бойся, будь спокоен.

Но если он семьей обременен,
Раскаявшись, пусть будет он прощен.

Преступник за вину свою в ответе,
Но не должны страдать жена и дети.

* * *

Ты войском обладаешь, сам ты смел,
Но не вводи войска в чужой предел.

Султан в надежном замке отсидится,
А подданный несчастный разорится.

* * *

Сам узников расспрашивай своих,
Быть может, есть невинные средь них.

* * *

Когда у вас умрет купец чужой,
Забрать его богатство—грех большой.

Пятно бесчестья на султана ляжет,
Родня, умершего оплакав, скажет:

«Он, бедный, умер среди чуждых стран,
А все добро его забрал тиран!»

Помысли, мудрый, о его сиротах,
Подумай — нищета и голод ждет их.

Полвека в доброй славе можно жить,
И делом низким имя омрачить.

Цари, что вечной славой засияли,
У подданных добра не отнимали.

А тот, кто отбирал,— грабитель он,
Будь он над всей вселенной вознесен.

Муж благородный в бедности скончался,
Он хлебом бедняков не объедался.

* * *

Слыхал я — некий повелитель был,
Из грубой бязи платье он носил.

Ему сказали: «О султан счастливый,
Китайские б шелка носить могли вы!»

«Зачем? Я добрым платьем облачен!
Шелк — это роскошь», — так ответил он.

«Харадж я собираю для того ли,
Чтоб наряжаться, в неге жить и в холе.

Когда, как женщина, украшусь я,
Угаснет доблесть ратная моя.

Когда бы суета владела мною,
Что стало б с государственной казною.

Не для пиров *и* роскоши казна —
Она для мощи воинской нужна».

* * *

Султаном обездоленная рать
Не станет государство охранять.

Коль враг овец крестьянских угоняет,
За что султан с крестьян харадж взымает?

И будет ли народ царя любить,
Коль царь страну не может защитить?

Когда народ, как яблоня, ухожен,
Тогда лишь урожай его возможен.

И ты его под корень не руби
И, как глупец, себя не погуби.

Тот подл, кто меч над подданным подымет,
Кто зернышко у муравья отнимет.

А царь, не угнетающий людей,
Награду примет от судьбы своей.

Ты пуще стрел остерегись рыданий
Людей под гнетом непосильной дани!

* * *

Коль можешь миром покорить страну,
Не затевай напрасную войну.

О смерти помни, мощь и славу множа.
Ведь капля крови царств земных дороже.

Джамшид великий как-то, я слыхал,
У родника на камне начертал:

«Здесь сотни сотен жажду утоляли,
И, не успев моргнуть, как сон, пропали.

Мы покорили царства всей земли,
Но взять с собой в могилу не могли!»

* * *

Когда враги в полон к тебе попали,
Ты не терзай их, хватит с них печали.

Кто покорился, с миром пусть живет.
Кровь пролитая небу вопиет.

РАССКАЗ

Дара однажды — воин знаменитый,
Охотясь на горах, отстал от свиты.

И увидал он, оглядясь кругом,
Что муж-пастух бежит к нему бегом.

И вот Дара подумал благородный:
«Не зло ли умышляет сей негодный.

Сейчас его стрелой я поражу,
Предел его стремленью положу...»

«О властелин Ирана и Турана! —
Пастух воскликнул страхом обуянный.

— Всю жизнь я службу царскую несу,
Твоих коней отборных я пасу!»

Дара, слугу увидев, рассмеялся:
«О дурачок, добро, что ты назвался.

Видать Суруш судьбу твою хранил,
Ведь чуть было тебя я не убил!»

С улыбкою сказал пастух смиренно:
«Советом не побрезгуй, царь вселенной!

Тот царь не будет в мире знаменит,
Что друга от врага не отличит.

Знать должен слуг своих ты, царь великий,
И в этом суть могущества владыки.

Ты часто звал к себе меня, о шах,
Расспрашивал меня о табунах.

Навстречу я бежал к тебе любовно,
А ты — за лук, как будто враг я кровный!

Из тысячного табуна — любой
Скакун на свист предстанет предо мной.

Чтоб помнить всех, в делах мирских участвуй,
Хоть раз в году, мой царь, общайся с паствой.

И помни: участь подданных плоха
В краю, где царь глупее пастуха!»

* * *

Не ставь, султан, престол свой на Кейване
Там не услышишь стонов и рыданий.

Спи чутко, чтобы слышать крик истца
На ложе неги, за стеной дворца.

Кто злую власть клянет, ее насилье,
Знай — он клянет твой гнет, твое насилье.

Не пес полу прохожего порвал,
А муж, что пса такого воспитал.

Речь Саади, как меч в его деснице. —
Рази! И пусть нечестье покорится!

Разоблачай бесстрашно злость и ложь,
Ведь ты не грабишь, взяток не берешь.

Перед корыстью мира не склоняйся
Иль с мудростью и правдой попрощайся.

* * *

Иракский царь, что захватил полмира,
У врат своих услышал речь факира:

«Эй, царь! Внимай истцам у врат дворца!
Ты сам — проситель у дверей творца!»

* * *

Когда не хочешь жить со счастьем в ссоре —
Иди, спасай людей из бездны горя.

Был не один повергнут падишах
Стенаньями народными во прах.

В прохладе, в полдень дремлешь ты, не зная,
Что гибнет странник, от жары сгорая.

Пусть небо правосудие свершит,
Коль в мире правосудие молчит.

РАССКАЗ

Поведал древле муж благочестивый:
Был у Абдулазиза сын счастливый.

Он драгоценным камнем обладал,
Что, словно солнце, и во тьме блистал.

Игрою дивной изумлял он взоры,
Вселенной темной расширял просторы.

И вот в стране случился недород,
И страшный голод наступил в тот год.

Сын ал-Азиза, бедствие такое
Увидя, пребывать не мог в покое.

Ведь мужу честному не до еды
При виде общей муки и беды.

И продал камень он — без сожаленья,
Чтоб прекратить народные мученья.

Хоть он без счета денег получил,
Но все в одну неделю расточил.

Его вельможи горько упрекали:
«О шах! Какой вы камень потеряли!

Увы, такой ущерб невосполним!..»
И тихо, строго он ответил им:

«Противны государю украшенья,
Когда страна изнемогла в мученье.

Без камня я кольцо носить могу,
Чтоб пред голодными не быть в долгу!»

Велик тот царь, что роскошь презирает,
Но подданных от бедствий охраняет.

Муж благородный радостей нигде
Не ищет, коль народ его в беде.

* * *

Когда правитель дремлет недостойный.
Не думаю, чтоб спал бедняк спокойно.

Когда ж владыка мудрый бодро бдит,
Тогда и люд простой спокойно спит.

Хвала аллаху, что такого склада
Разумное правленье сына Са'да!

И смуты здесь при нем не закипят;
Здесь смуту сеет лишь красавиц взгляд!

Пять или шесть двустиший в обаянье
Вчера держали некое собранье.

И пели мы: «Я счастие познал!
Ее вчера в объятьях я держал.

И, увидав, что сном опьянена,
Склонилась головой моя луна.

Сказал я: «О проснись же на мгновенье,
Дай слышать голос сладкий, словно пенье.

О смута века — время ль нынче спать?
Давай вино веселья пить опять!»

Она спросонья: «Смутой называешь
Меня, и мне не спать повелеваешь?

Не знаешь разве ты, что смута спит,
Когда владыка истинный царит?»

РАССКАЗ

В преданьях наших древних я читал:
Когда Тукла престол Занги приял,

Хоть человеком сам он был незнатным,
Но правил мудро царством необъятным.

Учась у древних, к правде устремлен,
Он правды чистой утвердил закон.

И своему мобеду благородный
Сказал: «Я жив... И жизнь ушла бесплодно.

Отец, хочу я на покой уйти,
Итог Познанью жизни подвести.

Владыка, умирая, все теряет,
А счастье лишь отшельник обретает».

Мобед же, чья душа была светла,
Вспылив, сказал: «Довольно, о Тукла!

Ты знай, наш тарикат — служенье людям;
Его в молитвах мы искать не будем.

Пускай на троне царском ты сидишь,
И здесь — суфий ты истый и дервиш.

Отшельничество — истины не мера, —
В делах лишь добрых истинная вера!

Дела для тариката нам нужны,
Слова без действий смысла лишены.

Деяний власяницу под кабою
Пусть носят вознесенные судьбою!»

РАССКАЗ

Пред старым другом о беде великой
В слезах румийский говорит владыка:

«Хозяйничает враг в моей стране...
Одна осталась крепость эта мне!

В законах правды воспитал я сына,
Чтоб по себе оставить властелина.

Но яростный напор враждебных сил
Моей десницы локоть сокрушил.

Беда над государством распростерлась...
Душа моя от мук во прах истерлась.

Дай мне совет — где силу мне собрать,
Чтобы из царства выгнать вражью рать?»

Мудрец ответил: «О душе подумай!
Не предавайся горести угрюмой.

Есть крепость у тебя. Когда умрешь,
С собой и эту крепость не возьмешь.

Что мог, для царства сделал все ты...
Пусть сын твой примет все твои заботы!

Мир целый взять и выпустить из рук —
Напрасный этот труд не стоит мук.

Не обольщайся жизнью быстротечной.
К уходу приготовься, к жизни вечной.

Ведь были Фаридун, Заххак и Джам —
Владыки, что прославили Аджам.

И все исчезли. Персти — персть награда.
Один лишь в мире вечен трон Изада.

Конец постигнет всех земных владык, —
Любого, как бы ни был он велик.

Пусть власть над миром утвердить он тщится,
Умрет он — все величье истребится.

Но души тех, чья жизнь в добре тверда,
Благословенны будут навсегда.

Но по себе и праха не оставит,
Кто век свой добрым делом не прославит.

Взрасти добра и щедрости сады,
Дабы вкусить от жизни сей плоды.

Твори добро теперь, иль поздно будет —
Гореть в геенне вечной злых осудят.

Тот, кто добро творит всю жизнь, лишь тот
Величье истинное обретет.

Но, как изменник, казни пусть страшится,
Кто делать дело доброе боится.

«Эй, раб! — суровый прозвучит упрек, —
Остыла печь! Ты хлеба не испек!»

Не слабоумье ль прахом жизнь развеять, —
Вспахать поля и позабыть засеять?

РАССКАЗ

Муж некий в Шаме в горы удалился,
Оставил мир, в пещере поселился.

Там в созерцанье погрузясь душой,
Постиг он свет, и счастье, и покой.

В дервишеском обличье величавом
Он звался Худадуст, был ангел нравом.

И на поклон, как к Хызру самому,
Великие с дарами шли к нему.

Но не прельщен мирскою суетою,
Смирял он дух свой мудрой нищетою.

Блажен, кто плоть в лишениях влачит,
Не внемля, как она «давай» кричит.

А в том краю, где жил он одиноко,
Народом правил некий царь жестокий.

В насильях, в грабеже неумолим,
Он злой тиран был подданным своим.

Все жили в страхе, плача и печалясь,
Иные, все покинув, разбегались;

В другие царства от него ушли
И славу о тиране разнесли.

Другие ж — по беспечности — застряли,
И день и ночь султана проклинали.

В стране, где черный царствует злодей,
Улыбок не увидишь у людей.

Порой тиран к отшельнику являлся,
Но тот лицом от шаха отвращался.

И царь сказал ему: «О светоч дня,
Не отворачивайся от меня

С презреньем, с беспредельным отвращеньем!
Я с дружеским пришел расположеньем.

Считай, что я — не царь перед тобой!
Ужель я хуже, чем бедняк любой?

Мне от тебя не нужно почитанья,
Ты мне, как всем, дари свое вниманье».

И внял ему отшельник и в сердцах
Сказал сурово: «Выслушай, о шах.

В тебе — источник бедствия народа,
А мне любезны радость и свобода.

Ты — враг моих друзей. И не могу
Я другом стать моих друзей врагу.

С тобой сидеть мне рядом непотребно,
Тебе и небо вечное враждебно.

Уйди, не лобызай моих ты рук! —
Стань другом беднякам, кому я друг!

И хоть сдерешь ты с Худадуста кожу,
И на огне тебе он скажет то же.

Дивлюсь, как может спать жестокий шах,
Когда томится весь народ в слезах!»

* * *

О царь, не угнетай простой народ,
Знай: и твое величие пройдет.

Ты слабых не дави. Когда расправят
Они свой стан, они тебя раздавят.

Знай — не ничтожна малого рука!
Иль ты не видел горы из песка?

Где муравьи все вместе выступают —
То льва могучего одолевают.

Хоть волос тонок, если ж много их —
И цепь не крепче пут волосяных.

Творишь насилье ты, неправо судишь.
Но помни — сам беспомощен ты будешь.

Душа дороже всех богатств земных,
Казна пустая лучше мук людских.

Нельзя над бедняками издеваться,
Чтоб не пришлось в ногах у них валяться.

* * *

Терпи, бедняк, тирана торжество...
День будет: станешь ты сильней его.

Будь, мудрый, щедр, подобно вешней туче, —
Рука щедрот сильней руки могучей.

Встань, молви: «Улыбнитесь, бедняки!
Мы скоро вырвем изверга клыки!»

* * *

Звук барабана шаха пробуждает,
А жив ли, нет ли сторож — он не знает.

Рад караванщик — кладь его цела,
Пусть ноют раны на спине осла.

Не зная бедствий, весь свой век живешь ты;
Что ж помогать несчастным не идешь ты?

Здесь, о жестокосердые, для вас
Рассказ я в поучение припас.

РАССКАЗ

Такой в Дамаске голод наступил,
Как будто бог о людях позабыл.

В тот год ни капли не упало с неба,
Сгорело все: сады, посевы хлеба.

Иссякли реки животворных вод,
Осталась влага лишь в глазах сирот.

Не дым, а вздохи горя исходили
Из дымоходов. Пищи не варили.

Деревья обезлиствели в садах,
Царило бедствие во всех домах.

Вот саранчи громады налетели...
И саранчу голодных толпы съели.

И друга я в ту пору повстречал, —
Он, словно остов, страшно исхудал,

Хоть он богатствами владел недавно,
Хоть был из знатных муж тот достославный.

Его спросил я: «Благородный друг,
Как бедствие тебя постигло вдруг?»

А он в ответ: «С ума сошел ты, что ли?
Расспрашивать об этом не грешно ли!

Не видишь разве, что народ в беде,
Что людям нет спасения нигде,

Что не осталось ни воды, ни хлеба,
Что стонов гибнущих не слышит небо?»

А я ему: «Но, друг, ведь ты богат!
С противоядием не страшен яд.

Другие гибнут, а тебе ль страшиться?
Ведь утка наводненья не боится».

И на меня, прищурившись слегка,
Взглянул он, как мудрец на дурака:

«Да — я в ладье! Меня разлив не тронет!
Но как мне жить, когда народ мой тонет?

Да, я сражен не горем, не нуждой, —
Сражен я этой общею бедой!

При виде мук людских я истомился,
От сна, от пищи, от питья отбился.

Я голодом и жаждой не убит.
Но плоть мою от ран чужих знобит!

Покой души утратит и здоровый,
Внимая стонам горестным больного.

Ведь ничего здесь люди не едят!..
И пища стала горькой мне, как яд».

Муж честный не смыкает сном зеницы
В то время, как друзья его в темнице.

РАССКАЗ

Однажды ночью весь почти Багдад
Был океаном пламенным объят.

И некто ликовал средь искр и дыма,
Что сам он цел и лавка невредима.

Мудрец ему сказал: «О сын тщеты!
Лишь о себе заботой полон ты?

Ты рад тому, что все вокруг сгорело,
Что лишь твоя лавчонка уцелела?»

Бездушный лишь спокойно ест и пьет
В те дни, как голодает весь народ.

И как богач не давится кусками,
Когда бедняк питается слезами?

Во дни беды — бедой людей болей,
Дели с другими тяжесть их скорбей!

Друзья не спят, хоть к месту доберутся,
Когда в степи отставшие плетутся.

Пусть мудрый царь заботится везде,
Где труженика видит он в беде:

Осел ли дровосека вязнет в глине,
Иль заблудился караван в пустыне.

Ты, мудрый, внемля Саади, поймешь:
Посеяв терн, жасмина не пожнешь!

* * *

Слыхал ли ты преданий древних слово
О злых владыках времени былого? —

В забвенье рухнул их величья свод,
Распались их насилие и гнет!

Что ж он — насильник — в мире добивался?
Бесследно он исчез, а мир остался.

Обиженный, в день Страшного суда,
Под сень Яздана станет навсегда.

И небом тот храним народ счастливый,
Где царствует владыка справедливый.

Но разоренье и погибель ждет
Страну, где в лапы власть тиран берет.

Служить тирану муж не станет честный.
Тиран на троне — это гнев небесный.

Султан, твое величье создал бог, —
Но знай: он щедр, но и в расплате — строг.

Ты горше нищих будешь там унижен,
Коль будет слабый здесь тобой обижен!

Позор царю, коль он беспечно спит,
Когда в стране насилие царит.

Во всех заботах бедняков участвуй,
Будь с ними, как пастух заботлив с паствой.

А если в царстве правды глас умолк,
То шах для стада не пастух, а волк.

Когда от сердца он добро отринет,
Он мир с недобрым будущим покинет.

Воспрянут люди. Бедствия пройдут,
А извергов потомки проклянут.

Будь справедливым, чтоб не проклинали!
Чтоб век твой добрым словом поминали!

РАССКАЗ

Жил муж в пределах западной страны,
И были им два сына взращены.

Взросли богатырями, удальцами,
Разумными, с отважными сердцами.

Отец нашел: они повелевать
Способны и водить на битву рать.

И сыновьям своим он на две части
Всю разделил страну и бремя власти,

Чтоб не поссорились между собой
И не затеяли за царство бой.

Все разделив и дав им поученье,
Он отошел в блаженные селенья.

Меч Азраила нить его пресек,
Чем жил он век — утратил все навек.

А в государстве том два шаха стало.
Войск и казны досталось им немало.

И каждый у себя по своему
Уменью править начал и уму.

Один избрал добро. Другой — поборы,
Насилье, чтоб собрать сокровищ горы.

Один — природным нравом был таков,
Что думал сам о нуждах бедняков.

Давал голодным хлеб, жилище строил,
Угодных богу странников покоил.

Хоть тратил деньги, войско пополнял.
Простой народ нужды при нем не знал.

И мир в стране царили и отрада,
Как средь людей Шираза в дни ибн-Са'да.

Да принесет плоды для всех живых.
Владыка! Древо чаяний твоих!

Послушай о султане благородном,
Который в процветании народном

Трудов своих награду находил,
И справедлив ко всем и ласков был.

И благодать его страной владела,
Его землей Карун прошел бы смело.

И не была ничья душа при нем
Уколота и розовым шипом.

Добром так прочно царство утвердил он,
Что выше всех царей вселенной был он.

А брат другой, чтобы казну собрать,
Харадж с крестьян стал непосильный брать.

Купцов же пошлинам таким подверг он,
Что разорил их, в бедствие поверг он.

Брал у людей он — людям не давал.
Он в лихоимстве меру потерял.

И хоть казна его — гляди! — скоплялась,
От голода все войско разбежалось.

Слух средь купцов до дальних стран прошел,
Что в царстве том — грабеж и произвол.

Купцы в ту землю ездить перестали,
Полей своих крестьяне не пахали.

Беда постигла край царя того.
И тут враги напали на него.

И с корнем вырвал гнев его небесный...
Земля ему, ты скажешь, стала тесной.

Враги же становились все наглей,
Топча поля копытами коней.

Как защититься? Войска не осталось,
Густое населенье разбежалось.

Чего от жизни тот несчастный ждет,
На чью главу проклятие падет?

Забыл, отверг он слово назиданья
И, прогневив судьбу, погиб в изгнанье.

И люди к брату доброму пришли,
Сказали: «Будь царем его земли.

Добром обрел ты мощь и изобилье,
То, что напрасно он искал в насилье!»

На сук забравшись, некто сук рубил,
В саду в ту пору сам владелец был.

Сказал он: «Дерево мое он рубит,
Но не меня он, а себя погубит!»

Услышь совет мой: «В мудрости живи,
Рукою сильной слабых не дави.

Тот завтра будет к вечному приближен,
Кто ныне в прах перед тобой унижен.

Чтоб стать великим завтрашнего дня,
Живи сегодня, малых не тесня.

Когда величье минет — мгле подобно!
Тебя за полы нищий схватит злобно.

Гляди! — простерты бедных пятерни! —
Возьмут и сбросят в прах тебя они.

По мненью мудрых — знаний свет приявших, —
Постыдно, страшно пасть от длани павших.

Султан! Дорогой праведной иди!
Чтоб ведать правду — внемли Саади!

Не говори, что царь всего превыше!
Я царству предпочту покой дервиша.

О мудрый муж, кто нагружен легко,
Тот и пойдет, ты знаешь, далеко.

Хлеб бедняка и воля — радость сердца, —
Но целый мир забот у миродержца.

Бедняк, на бедный ужин хлеб добыв,
Как Шама царь, и весел и счастлив.

Но скорбь и радость — дней летящих злоба, —
Как дым, исчезнут за вратами гроба.

И тот, на чьем челе венец блестит,
И тот, кто весь свой век ярмо влачит,

И тот, чей трон вознесся до Кейвана,
И тот, кто стонет в глубине зиндана.

Едва лишь войско смерти нападет,
Не различишь их — этот или тот?..

* * *

Слыхал, когда я Хиллу посетил,
Как с духовидцем череп говорил:

«Когда-то царским фарром обладал я,
Войсками грозными повелевал я.

Передо мной бежал в смятенье враг,
И я пошел — завоевал Ирак.

И на Кирман я двинулся с войсками...
Но все прошло, и пожран я червями!»

Вынь вату из ушей, дабы внимать
Словам, что могут мертвые сказать.

* * *

Да не увидит дел исхода злого,
Кто никогда не делает дурного.

Злодей же злом повсюду окружен,
Как сам себя язвящий скорпион.

Коль добрых чувств вы к людям не храните,
Вы сердце замуруете в граните.

Нет, я ошибся, говорить не след,
Что в камне, в меди, в стали пользы нет!

Для крепких стен идущий камень вечный
Не лучше ли, чем изверг бессердечный?

Цари-тираны хищников лютей.
И тигр и лев не лучше ль злых людей?

Ведь ближних, словно хищник, не терзает
Тот, кто душой и сердцем обладает.

И зверь быть нами должен предпочтен
Тому, чья жизнь еда, питье и сон.

Коль всадник в пору в путь коня не тронет,
Тогда и пешеход его обгонит.

Чтоб урожай надежд твоих созрел,
Сей семена любви и добрых дел.

Но никогда я в жизни не слыхал,
Что тот, кто сеял зло, добро пожал.

РАССКАЗ

Тиран, которого и лев страшился,
В колодец как-то ночью провалился.

Зломыслящий — он сеял зло и грех,
И стал он вдруг беспомощнее всех.

Всю ночь стенал он, ужасом объятый.
И кто-то сверху крикнул: «А! Проклятый!

Кого ты ждешь? Ты разве помогал
Несчастным, кто на помощь призывал?

Ты мир засеял злобы семенами!
Теперь любуйся дел своих плодами.

Никто к тебе на помощь не придет...
Ты истомил, измучил весь народ.

Ты яму рыл под нашими ногами,
И — волей судеб — сам теперь ты в яме.

Знай: ро́зно ямы роют для людей —
Муж, благородный духом, и злодей:

Один — колодец водоносный роет,
Другой — для ближнего ловушку строит.

Кто по весне ячмень посеял, тот
Ведь не пшеницу, а ячмень пожнет.

Не жди добра, злодей с душою низкой!
Не снимешь сладких гроздей с тамариска!

И древо яда стоит ли трудов?
Не снимет садовод с него плодов.

Ведь финик от колючки не родится,
Посев злодейств бедою обратится».

РАССКАЗ

О неком муже повесть я слыхал,
Что честью он Хаджаджу не воздал.

Тот стражникам: «Схватить его — живее!
Казнить его за дерзость, как злодея!»

Когда добром не может зла пресечь,
Тиран безумный обнажает меч.

Бедняк пред казнью плакал и смеялся —
Тиран от изумленья приподнялся:

«Постой-ка! — молвил,— не руби, палач!
Что значат этот смех и этот плач?»

«Беспомощных сирот я оставляю, —
Сказал бедняк, — и потому рыдаю.

Я радуюсь, что честного конца
Здесь удостоен — милостью творца,

Что я иду в блаженную обитель,
Как светлый мученик, а не мучитель!»

Хаджаджу сын сказал: «О мой отец!
Пусть он живет! Суфий он и мудрец.

Помысли! — Он большой семьи опора,
Нельзя судьбу людей решать так скоро.

Подумай о сиротах. И прости.
Его великодушно отпусти!»

Слыхал я: тщетным было увещанье...
Что ж: каждому свое предначертанье.

Был некто этой казнью потрясен;
Казненного во сне увидел он.

Тот молвил: — Смерть моя была — мгновенье,
На нем же гнет — до светопреставленья.

Не спят несчастные — так берегись!
Стенаний угнетенного страшись!

В ночи бессонной вежды не сомкнет он,
Сто раз «Избави боже!» — воззовет он...

Иблис дорогой света не пойдет,
На ниве зла добро не возрастет.

* * *

Достойных не позорь во имя мести!
Сам не безгрешен ты — сказать по чести.

Не вызывай напрасно в бой. Глядишь,
Дойдет до распрей — ты не устоишь.

* * *

Ты не чуждайся мудрого совета
Наставника подростку в оны лета.

Не обижай слабейшего, дитя!
Сильнейший враг побьет тебя, шутя.

Волчонок глупый, не пускайся в игры,
Где можешь ты попасться в лапы тигра.

Я также в детстве малым крепким был, —
И маленьких и беззащитных бил.

Но вот — меня однажды так побили,
Что пальцем трогать слабых отучили.

* * *

Не спи беспечно, ставни затворя!
Запретен сон для мудрого царя.

О подданных пекись, о люде сиром.
С соседями старайся ладить миром.

Совета не приправит лестью друг,
Бальзам, хоть горек, исцелит недуг.

РАССКАЗ

Один правитель тяжко заболел,
Подкожный червь владыку одолел.

От той болезни страшно ослабел он,
На всех здоровых с завистью глядел он.

Пусть шах на поле шахматном силен,
А проиграл — так хуже пешки он.

Вазир ему сказал: «О шах великий!
Да будет вечным в мире трон владыки,

Живет у нас один почтенный муж,
Благочестив он и умен к тому ж.

Он не творит неправды в мире праха,
Его молитве внемлет слух аллаха.

Кто б к мудрецу тому ни прибегал,
Желаемого тут же достигал.

Ты позови его без промедленья,
И вымолит тебе он исцеленье!»

Тут приближенным шах велел пойти
И старца из пещеры привести.

И вот пришел подвижник знаменитый,
Дервишеской одеждою покрытый.

«О старец, помоги мне! — шах сказал, —
Недуг цепями ноги мне сковал».

А старец, об пол посохом ударя,
Так в гневе закричал на государя:

«Бог к правосудным милостив! А что ж,
Немилосердный, ты от бога ждешь?

Гляди — в твоих темницах люди стонут!
Твои молитвы в стонах их потонут.

Ты, царь, народа участь облегчи, —
Не то — страдай, и гибни, и молчи!

За все свои грехи и преступленья
Сперва у бога испроси прощенья.

Заботу людям страждущим яви,
Потом и шейха для молитв зови!

Покамест власть твоя страданья множит,
Тебе ничья молитва не поможет!»

Когда султан словам дервиша внял,
Он от стыда и гнева запылал.

Но овладев собой сказал: «На что же
Я гневаюсь? Ведь прав он—старец божий!..»

С колодников велел он цепи сбить
И всех их на свободу отпустить.

Велел народ освободить от муки...
Тогда дервиш воздел с мольбою руки:

«О ты, возжегший звезды над землей,
Ты оковал его в войне с тобой!

Он просит мира; дал он волю сирым... —
Ты отпусти его на волю с миром!»

Когда молитву старец заключил,
Султан — здоровый — на ноги вскочил.

На радостях он чуть не в пляс пустился;
Он от недуга мигом исцелился,

Сокровищницу он велел открыть
И царственно дервиша одарить.

И старец молвил шаху в назиданье:
«Знай, прятать правду — тщетное старанье.

Коль против бога снова ты пойдешь,
Ты в худшие несчастья попадешь.

Ты раз упал. Ходи же осторожно, —
Иначе снова поскользнуться можно!»

Кто раз упал, и встав, упал опять,
Кто знает? Может быть — не сможет встать.

* * *

Величье мира этого не вечно,
Все в нем неверно, бренно, быстротечно.

Ведь рассекая крыльями эфир,
Трон Сулеймана облетел весь мир;

Но ветер смерти и его развеял.
Блажен, кто мудро жил и правду сеял,

При ком народ в довольстве процветал,
Кто себялюбцем низменным не стал!

Блажен, кто груз добра с собой уносит!
И жалок тот, кто собранное бросит...

* * *

Правитель в Мисре жил. Внезапно он
Был грозным войском смерти осажден.

Страданья тело шаха иссушили.
Лик пожелтел, как солнце в туче пыли.

И стал немил врачам премудрым свет,
Что в их науке средств от смерти нет.

Всему конец наступит во вселенной,
Одно лишь царство вечного нетленно.

Правитель к своему концу предстал
И, шевеля губами, прошептал:

«Таких, как я, владык земля не знала,
Но все мое величье прахом стало.

Я целый мир собрал и вот во мрак
Прочь ухожу, гонимый, как бедняк!»

Ты собирай, тебя мы славить будем,
Коль щедрым будешь и к себе и к людям.

Бери и благом наделяй народ,
А что оставишь — прахом пропадет.

Кто в смертных муках руку прижимает
Одну к груди — другую простирает.

Он знак руками делает в тот миг,
Как ужас оковал ему язык.

Длань щедрости ты простирай при жизни,
А длань насилья сокращай при жизни!

Благотвори, спасай людей от мук,
Из савана не сможешь вынуть рук.

Умрешь — сиять, как прежде, солнце будет;
Тебя же только судный день разбудит.

РАССКАЗ

Шах Кзыл Арслан твердыней обладал.
Алванда выше гребень стен вставал.

В том замке он врагов не опасался,
Путь к замку краем бездны извивался.

Тот замок восхищал невольно взор,
Он красовался средь зеленых гор,

Яйцом белея в чаше изумрудной...
Дервиш явился раз в тот замок чудный.

Тот муж был избранных суфиев пир,
Правдоречивый, видевший весь мир,

Искусом долгой жизни умудренный,
Мудрец великий, златоуст, ученый.

«Всю землю обошел ты, — шах сказал, —
Ты замок крепче моего видал?»

Дервиш ответил: «Ах, осел ты пьяный,
Не испытал ты крепкого тарана!

Да прежде разве не было царей,
Сильней тебя, богаче и славней?

Они покрепче стены воздвигали,
И в них побыв мгновенье, пропадали.

Другие шахи, вслед к тебе придут,
И древа твоего плоды сорвут.

Отца ты вспомни — истинного шаха!
Освободи свой дух от гнета страха.

Что говорить — был славен твой отец,
А что ему осталось под конец?

Тот, кто надежду в жизни сей теряет,
Пусть лишь на милость божью уповает.

Для мудрого все блага мира — прах,
Ведь завтра же им быть в чужих руках!»

* * *

Сказал юродивый царю Аджама:
«О ты, наследник всех владений Джама,

Коль вечно б ими сам Джамшид владел,
То разве бы на троне он сидел?

Хотя б казной Каруна обладал ты,
Уйдя, с собой дирхема бы не взял ты!»

*** * ***

Как Алп-Арслана взял к себе творец,
То принял сын державу и венец.

И мертвый шах был предан погребенью,
А трон остался стрел судьбы мишенью.

Увидев сына шаха на коне,
Дервиш воскликнул: «Жалким зрится мне

Величье тех, которых скосит время! —
Отец ушел, сын ставит ногу в стремя!..»

Таков круги светил несущий мир,
Неверный и быстробегущий мир.

Когда дыханью смерти старец внемлет,
Дитя из люльки голову подъемлет

С надеждой новой... Мир с его тщетой
Тебя влечет, но он тебе — чужой.

Как музыкант, что сердце утешает,
Но в месте новом каждый день играет.

Достойна ль женщина любви твоей,
Меняющая каждый день мужей?

Твори добро, пока ты — бек селенья,
Ведь через год другим ты сдашь правленье.

РАССКАЗ

Слыхал я: в Гуре некогда султан
Насильно брал ослов у поселян.

Два дня иль три ослы свой груз таскали
И, ослабев без корма, погибали.

Когда судьба возносит подлеца,
Он бедных истязает без конца.

Подлец, воздвигший дом, соседних выше.
Сметает мусор на чужие крыши.

Вот о царе жестоком том рассказ:
Охотился он в поле как-то раз.

За быстроногой дичью он стремился,
От свиты, не заметил как, отбился.

И нехотя в селение одно
Он въехал, так как было уж темно.

В одной из хижин бедной той деревни
Жил некий сердцеведец, старец древний.

Царь, слыша говор, слух свой навострил;
Старик в ту пору сыну говорил:

«О сын мой, божья милость над тобою —
Ты в город не бери осла с собою!

Наш царь — неблагородный, царь — подлец...
Пошли — о боже, злой ему конец!

В насильях лютых не смыкает глаз он,
Он на служенье бесам опоясан.

С тех пор, как этот изверг сел на трон,
В стране — повсюду слышен плач и стон.

Ввек не испить до дна нам горькой чаши,
Коль не убьют царя проклятья наши!»

Сын отвечал: «Отец! В такую даль —
До города — пешком дойду едва ль.

Ты поразмысли, мудрый муж, вначале,
Чтоб я поехал — и осла не взяли!»

«Добро, мой сын! — сказал старик ему, —
Прислушайся к совету моему.

Возьми ты острый камень иль дубину,
И в кровь изрань ослу бока и спину.

Авось — осла с израненной спиной,
Не заберет мучитель этот злой.

Хызр корабли морского каравана
Крушил, дабы спасти их от тирана;

Хоть грабил тот тиран один лишь год,
Ну, а дурная слава все живет.

Пусть будет наш тиран добычей тленья!
Проклятье же на нем — до воскресенья!»

Сын речь отцову мудрою почел,
Он с болью сердца в хлев к ослу пошел.

И, взявши суковатую дубину,
Ослу изранил ноги он и спину.

Сказал отец: «Теперь спокоен будь,
О сын мой, и пускайся с миром в путь!»

Сын с караваном двинулся в печали;
Все в караване шаха проклинали.

Старик, оставшись в хижине один,
Взмолился богу: «Вечный властелин!

Продли мой срок! С одной мольбой к тебе я —
Дай мне увидеть смерть царя-злодея!

Пусть грянет и над ним твоя гроза,
Чтоб с миром я сомкнул свои глаза!

Да лучше матерью дракона быть,
Чем сына — нравом дива — породить.

Собака лучше злого властелина,
Блудница лучше, чем злодей-мужчина.

Да мужеложец даже, — выше он
Насильника, воссевшего на трон!»

Царь слышал все. Ни слова не сказал он,
Коня к приколу молча привязал он.

Сойдя с коня, попону сняв, прилег,
Но мыслями томим, заснуть не мог.

Лишь на рассвете под пастушье пенье
Вздремнул, забыв ночное злоключенье.

Всю ночь искали слуги царский след.
Нашли в степи, когда блеснул рассвет.

Верхом они султана увидали,
И спешились и к шаху побежали,

И раболепно ниц пред ним легли,
Как будто волны по морю пошли.

Один, что самым близким был у шаха,
С поклоном низким так спросил у шаха:

«Ища тебя, мы выбились из сил!
Как подданными, шах мой, принят был?»

Но хоть ответ на языке вертелся,
Скрыл все же царь, чего он натерпелся.

Он голову советника пригнул
И тихо на ухо ему шепнул:

«Мне здесь и ножки не дали куриной,
Но претерпел я от ноги ослиной!..»

Вот слуги поспешили стол накрыть,
И сели все. И стали есть и пить.

Султан припомнил, хмелем отуманен,
Как проклинал его старик-крестьянин.

Он сделал знак, и воины пошли,
Связали старца, к трону привели.

Меч обнажил султан неумолимый,
Несчастный, видя — смерть неотвратима,

Сказал: «Увы! Нельзя и дома спать
Тем, кто должны безвинно погибать!..

Да, царь, я проклинал тебя, не скрою;
Но проклят ты и небом и судьбою!

Зачем же гнев твой на меня падет? —
Не я один — народ тебя клянет!

Творя всю жизнь насилье, ты едва ли
Дождешься, чтоб тебя благословляли.

Ты отомстить мне хочешь? Что ж, казни,
Но за обиду сам себя вини.

А если хочешь, чтоб тебя любили,
Ты откажись от казней и насилий.

Опомнись, или скоро ты падешь,
Ты тяжести проклятий не снесешь.

Внемли совету: пред судьбою грозной
Смирись, покайся! Или будет поздно.

Тем разве царь прославлен и силен,
Что хором блюдолизов восхвален?

Тебя толпа придворных прославляет,
Старуха же за прялкой проклинает».

Так перед смертью старец говорил
И словом душу, как щитом укрыл.

«Режь горло мне! Но чем калам острее,
Тем и язык работает быстрее!..»

Тут отрезвился шах — губитель душ,
Явился и шепнул ему Суруш:

«Меч убери! Правдиво старца слово.
Иль помни — ждет тебя удел суровый!»

Шах крепко старца за ворот держал,
Опомнясь, руку он свою разжал,

Аркан с него своими снял руками,
И обнял правдолюбца со слезами.

За то, что был правдив и смел он с ним,
Назначил соправителем своим.

Тот случай стал сказаньем во вселенной,
Иди дорогой правды неизменно,

Во всем учись у мудрости живой,
И доброй будешь охранен судьбой.

И пусть твои пороки враг осудит,
Друг мягок, он тебя хулить не будет.

Нельзя больного сахаром кормить,
Где нужно горьким снадобьем целить.

От близких не услышишь правды слова,
Но совесть судит пусть тебя сурово.

Коль ты разумен и душой высок.
Достаточен тебе простой намек.

РАССКАЗ

В тот год, когда Мамун халифом стал.
Невольницу одну себе он взял.

Сиял, как солнце, лик ее красивый;
Нрав был у ней веселый, не сварливый.

И были ногти у нее от хны,
Как кровью обагренные, красны.

На белоснежном лбу, сурьмой блистая,
Чернели брови, сердце похищая.

Вот ночь настала звездами горя...
Но гурия отвергла страсть царя.

И в гневе он хотел мечом возмездья
Рассечь ее, как Близнецов созвездье.

Воскликнула она: «Руби скорей,
Но близко подходить ко мне не смей!»

«Скажи на милость, — ал Мамун смягчился, —
Чем я перед тобою провинился?»

«Да лучше смерть! — рабыня говорит, —
Так мне зловонье уст твоих мерзит!

Мгновенно насмерть меч разящий рубит,
А уст зловонье ежечасно губит».

Разгневан страшно и обижен был
Халиф, владыка необъятных сил.

Всю ночь продумав, вежды не смыкал он,
Врачей ученых поутру собрал он.

Чтоб мудрецы, что знают суть всего,
От бедствия избавили его.

И вот его дыханье чистым стало,
Нет, больше — розой заблагоухало.

И сделал эту пери царь-царей,
Ближайшею подругою своей.

Ведь молвил мудрый, разумом высокий:
«Тот — друг, кто мне открыл мои пороки!»

Благожелатель, искренне любя,
Не скроет горькой правды от тебя.

«Идете правильно!» — тем, кто блуждает,
Сказавший грех великий совершает.

Когда порок твой скроют лесть и ложь
Ты сам порок свой доблестью сочтешь.

«Мне нужен мед!» — не говори упрямо;
Нет! Горечь — свойство чистого бальзама!

Присловье вспомни мудрых лекарей:
«Ты исцелиться хочешь? Горечь пей!»

О друг, чтобы избегнуть заблуждений,
Пей в этих бейтах горечь наставлений.

Сквозь сито притчей процедил я их,
И сдобрил медом шуток золотых.

РАССКАЗ

Разгневался какой-то царь надменный
На то, что молвил муж благословенный.

Был мудрый муж дервиш правдоречив,
А падишах заносчив и гневлив.

И мудреца в темницу заточили, —
Творить насилье любо злобной силе.

Друг, к заточенному придя, сказал:
«Ты прав, отец... Но лучше б ты молчал...»

А тот: «Всегда кричать я правду буду!
Что мне тюрьма? Я здесь лишь час пробуду!»

И вот, подслушан кем-то, в тот же миг
Их разговор ушей царя достиг.

Царь засмеялся: «Час лишь проведет он
В моей тюрьме? Глупец! В тюрьме умрет он!»

Весть эту мудрецу слуга принес,
Ответил тот: «Иди, презренный пес!

Скажи тирану: «Не в твоей я воле! —
Весь этот мир нам дан на час — не боле.

Освободишь — не буду ликовать,
Казнить велишь — не буду горевать.

Сейчас ты властвуешь, твой трон — высоко,
А нищий — в бедствии, в нужде жестокой.

Но скоро — там, за аркой смертных врат,
Тебя от нищего не отличат.

Не лги себе, что жить ты будешь вечно,
Живых людей не угнетай беспечно!

Немало было до тебя царей,
Сильней тебя, богаче и славней.

Где все они?.. Как дым, как сон пропали...
Ты так живи, чтоб люди не сказали:

— Вот изверг был! Да будет проклят он,
Что беззаконие возвел в закон!

Какой бы славы не достиг властитель,
Возьмет его могильная обитель!»

Низкосердечный царь рассвирепел,
И вырвать мудрецу язык велел.

И молвил осененный божьей славой:
«Я не боюсь тебя, тиран кровавый!

Пусть безъязыким буду! И без слов
Читает помыслы творец миров!

Страшись! Труба суда для грешных грянет,
А правый перед господом предстанет!»

О мудрый! Праздником и смерть почти,
Коль не свернул ты с правого пути!

РАССКАЗ

Жил некогда один боец кулачный,
Он угнетаем был судьбиной мрачной.

Устал он кулаками добывать
Свой хлеб. И начал глину он таскать.

Изнемогал он. Тело изнывало.
На пропитанье денег не хватало.

Трудом измучен, полон горьких дум,
Он стал лицом печален и угрюм.

Смотря, как сладко жизнь других слагалась,
Гортань бедняги желчью наполнялась.

Он втихомолку плакал: «Бедный я!..
Чья жизнь на свете горше, чем моя?

Одним — барашек, сласти, дичь степная,
А мне — лепешка черствая, сухая.

И кошка носит шубку в холода...
Я — гол. Зима настанет — мне беда.

О смилостивься, боже, надо мною,
Пошли мне клад, когда я глину рою!

Я смыл бы с тела эту пыль и грязь
И зажил бы, в блаженство погрузясь!»

Вот так, ропща, трудом томил он тело
И вырыл древний череп почернелый.

Как перлы ожерелья, ряд зубов
Рассыпался давно — во мгле веков.

Но речью череп тот гласил немою:
«О друг, поладь покамест с нищетою!

Мой рот забит землей... И кто поймет,
Что пил, что ел я — слезы или мед?

Не огорчайся же из-за мгновенья
Своих скорбей в превратном мире тленья!»

Борец немому гласу тайны внял,
Он бремя горя с плеч широких снял.

И вольно к небу голову подъял он.
«О плоть безумная! — себе сказал он. —

Хоть будь ты раб с согбенною спиной,
Хоть будь ты самовластный царь земной,

Но ведь исчезнет в некое мгновенье
Все — и величие и униженье.

Растает радость; скорбь — как не была...
Останутся лишь добрые дела!»

Все тленно. Все — могил поглотят недра,
Богат ты, счастлив? — Раздавай же щедро.

Не верь величью блеска своего, —
Все будет вновь, как было до него.

Богатства, блага мира, — все минует,
Лишь правда чистая восторжествует.

Ты хочешь царство укрепить? Трудись.
В благодеяньях сердцем не скупись.

Благотвори, яви свои щедроты,
Отринь о бренном мелкие заботы!

Нет золота, мой друг, у Саади,
Тебе он перлы высыпал — гляди!

РАССКАЗ

Читал я: где-то жил султан один,
Страны, забытой богом, властелин.

Был людям каждый шаг его — невзгода,
Дни превратил он в ночи для народа.

Ночами в горе бедный люд не спал,
Проклятия он шаху посылал.

Не зная, как им дальше жить на свете,
Столпились горожане у мечети.

И обратились к шейху, говоря:
«О мудрый старец, образумь царя!

Авось, твоих седин он устыдится,
Скажи ему — пусть бога побоится!»

А шейх: «Напрасно бога поминать!
Он слову истины не сможет внять».

Не говори об истине высокой
С тем, чья душа — вместилище порока.

С невеждой о науках рассуждать,
Что злак пшеничный в солончак бросать.

Твоих советов добрых не поймет он,
Обидится, тебя врагом сочтет он.

О друг, правдолюбивому царю
Я правду с чистым сердцем говорю.

Печатка перстня свойством обладает
Тем, что на воске оттиск оставляет.

Тиран моею речью разъярен?
Ну что ж, я сторож, а грабитель — он.

Так стой, с господней помощью, на страже,
Без страха отражая натиск вражий.

Не следует тебя благодарить.
Хвалу лишь богу можно возносить.

На службу благу бог тебя направил,
Как друг, без дела в мире не оставил.

Хоть по тропе деяний всяк идет,
Но ведь не каждый славы меч возьмет.

О, наделенный ангелоподобным
Высоким нравом, кротким и беззлобным!

Ставь ноги твердо на стезе твоей,
Дай бог тебе побольше ясных дней.

Пусть жизнь твоя добром и счастьем дышит,
И пусть твою молитву бог услышит.

* * *

Где можно мудростью уладить спор,
Не затевай с мечом в руках раздор.

Порою, чем напрасно крови литься,
От грозной смуты лучше откупиться.

В войне урон великий в наши дни.
Подарком лучше рот врагам заткни.

Ведь мудростью сильнейших побеждают,
Дары и зубы тигра притупляют.

С врагами в мире и в ладу живи,
В деяньях рассудительность яви.

Ведь старческою мудростью Рустама
Был побежден Исфандиар упрямый.

Врага, как друга, надобно ласкать,
Успеешь кожу ты с него содрать.

Но ты страшись проклятий малых сил! —
Ведь силь растет из капель дождевых.

Твой гнев кипенья злобы не остудит,
И слабый враг пусть лучше другом будет.

Чем меньше у кого-нибудь друзей,
Тем будут и враги его сильней.

Коль враг сильнейшим войском обладает,
Глупец лишь безрассудный в бой вступает.

А если в битве ты врага сильней,
Топтать того нечестно, кто слабей.

Будь, как у льва, крепки твои запястья,
Мир все же — благо, а война — несчастье.

* * *

Коль видишь: разума бесплодна речь,
Тогда лишь можно обнажить свой меч.

Коль просит мира враг — не уклоняйся,
А ищет брани — то иди, сражайся.

А если первым враг войну начнет,
Давай отпор. Всевышний все зачтет.

И если враг врата войны закроет,
Он тем твое значение утроит.

Готовым будь на правые труды.
Не льсти любезно ищущим вражды.

Кто с дерзким мягок, тот не разумеет.
Что дерзкий только пуще обнаглеет.

С войсками на арабских скакунах
Скачи, неправых поражай в боях.

Но, если кроток, мягок он с тобою,
Не гневайся, не рвись напрасно к бою.

Коль враг покорно ко вратам твоим
Идет с поклоном, ты не ссорься с ним.

С врагом разбитым будь великодушен,
Покамест мир им снова не нарушен.

Советникам, прожившим долгий век,
Внимай!.. Разумен старый человек.

Порой, где сила сладить не сумеет,
Там все преграды мудрость одолеет.

* * *

В разгаре битв отхода путь проведай,
Покамест не увенчан ты победой.

И если дрогнул войск смятенный строй,
Ты безрассудно не бросайся в бой.

Когда проигран бой, уйти старайся,
Для новых битв себя спасти старайся.

Пусть в пять раз больше у тебя бойцов,
Беспечно ты не спи в стране врагов.

Ведь дома враг силен и с горстью малой,
Пять конных стоят пятисот, пожалуй.

Вперед в походе устремляя взгляд,
Остерегайся вражеских засад.

Коль от врага пути не меньше суток,
Ты ставь шатры, но зорок будь и чуток,

Чтоб нападение предотвратить
И череп Афрасьяба размозжить.

У тех для боя сил не остается,
Кому проделать путь дневной придется.

И разгромишь врагов ты без труда,
Невежда сам себе вредит всегда.

Стяг сокруши сперва во вражьем стане,
В сраженье будь Рустама неустанней.

Но вслед врагу далеко, в глубь степей,
Не уходи, не оставляй друзей,

Не то увидишь: в темной туче пыли
Тебя враги в засаде окружили.

Но хуже пораженья, — сам поймешь, —
Коль войско разбежится на грабеж.

Ведь если войско грабить разбежится,
Защиты сам великий шах лишится.

* * *

Бойца, что подвиг совершил хоть раз,
Ты возвеличь достойно — в тот же час.

Чтоб с новой силой он на бой стремился,
Чтоб и с яджуджем схватки не страшился,

В дни мира войско ты свое устрой,
Дабы всегда готово было в бой.

А воин, бедствующий ежечасно,
В бой за тебя не выйдет в день опасный.

Сейчас корми войска, а не тогда,
Как грянет у ворот твоих беда.

Являй добро и ласку ратным людям,
Тогда и в мире жить спокойно будем.

Тот падишах силен и знаменит,
Когда боец его одет и сыт.

Лишеньям подвергать несправедливо
Тех, кто хранит тебя, султан счастливый.

Когда обижен воин, обделен,
То и за меч свой не возьмется он.

Голодный, чуждый милости и благу,
И на войне не явит он отвагу.

* * *

Ты храбрых посылай на бой с врагом,
Чтоб каждый воин тигром был и львом.

Да будет твой советник — муж нескорый,
В решеньях — волк испытанный, матерый.

Не бойся храбрых юных удальцов,
Остерегайся мудрых стариков.

В бой молодой боец несется яро,
Не зная хитрости лисицы старой.

Тот мудр, кто и людей и мир познал,
Кто зной и стужу в жизни испытал.

В тех царствах, что сильны и процветают,
Юнцам бразды правленья не вручают.

Ставь полководца ты главой в войсках,
Испытанного в боевых делах.

Кто поручит юнцам войны веденье,
Тот сам себе готовит пораженье.

Войска водить и царством управлять,
Не в нарды и не в шахматы играть.

И на невежд не надо полагаться,
Чтоб горьким бедствиям не подвергаться.

Разумный пес и тигра уследит,
А молодого льва лиса страшит.

Охотою воспитывай, борьбою
Юнцов, чтобы привычны были к бою.

Вот воспитанье лучшее: стрельба
Из лука в цель, охота и борьба.

Но много мук претерпит в ратном поле
Возросший в неге, роскоши и холе.

Тот, кто без слуг в седло не может сесть,
Твою в сраженье не украсит честь.

* * *

Коль воин твой бежит — убей его,
Нет трусости презренней ничего.

И мужеложец более достоин
Почета, чем бегущий с поля воин.

Так сыну своему Гургин сказал,
Когда его в доспехи облачал:

«Когда ты ратного боишься спора —
Останься, не клади на нас позора!»

Трус, на войне спасающий себя,
Бежит, отважных воинов губя.

Отважней всех в бою два побратима,
Что бок о бок идут нерасторжимо,

Два равных, будто в них одна душа,
Идут на бой, все впереди круша.

Позор — уйти от тучи стрел крылатой,
Врагам оставив пленником собрата.

Дух ополченья — в этом мощь твоя,
Когда твои соратники — друзья.

* * *

О шах, чтоб твердо свой корабль вести,
Ты мудрецов и воинов расти.

Без воинов и без мужей познанья
Не возведешь ты царственного зданья.

Перо и меч — надежный твой оплот,
Которого и время не сотрет.

Забудь пиры, веселье, чанга звуки,
А укрепляй войска, лелей науки.

Не почерпнешь ты мужества в вине,
Когда враги готовятся к войне.

Мы царств великих видели крушенье,
Где властвовали роскошь и растленье.

Не бойся, если враг тебе грозит,
Страшись, когда о мире он кричит.

Ведь многие о мире днем кричали,
А в ночь, врасплох, на спящих нападали.

Муж брани чутко спит в броне с мечом,
А не на мягком ложе пуховом.

И тот не полководец и не воин,
Чей сон в покоях мирен и спокоен.

К войне тайком готовься, ибо так —
Тайком — всегда и нападает враг.

И пусть разведка будет неустанной, —
Она — ограда боевого стана.

* * *

Меж двух врагов ты зорким будь, хотя бы
Они перед тобой и были слабы.

Ведь сговорившись за спиной твоей,
Они внезапно могут стать сильней.

Ты одному приветливое слово
Пошли и вырви горло у другого.

И если враг на край твой налетит,
Хитри с ним, помни: мудрость победит.

Иди, дружи с его врагами смело,
Его броню его темницей сделай.

Когда средь вражьих войск кипит раздор,
Ты отойди, оставь напрасный спор.

Коль волки меж собой перегрызутся,
То овцы мирно на лугах пасутся.

* * *

Пусть враг с врагами спорит; отойди,
В беседе с другом искренним сиди.

А вынуть меч войны тебя принудят —
Добро, коль тайный путь и к миру будет.

Великие цари былых веков,
Искали мира и громя врагов.

Ты привлекай сердца клевретов вражьих,
Вниманьем, лаской, щедростью уважь их.

Вождя ль удастся чуждого пленить,
Ты в гневе не спеши его казнить.

Он может пригодиться для обмена,
Чтоб выручить людей своих из плена.

Ты помни, что заложники нужны
На темных и кривых стезях войны.

Взять и тебя арканом может время;
Так облегчай несчастных пленных бремя.

Тот муж не будет пленных угнетать,
Кому пришлось неволю испытать,

Кто пленного по-царски обласкает,
Сердца других невольно привлекает.

Привлечь к себе сердца десятерых
Не лучше ль сотни вылазок ночных.

* * *

Когда твой друг в родстве с врагом твоим,
Ты берегись, будь осторожен с ним.

Ведь может голос чувств заговорить в нем.
И жажды мести дух воспламенить в нем.

Хоть сладко злоумышленник поет —
Не верь, отравлен ядом этот мед.

Лишь тот избегнет бедствий и невзгоды,
Кто видит двойственность людской природы.

Порою вор имеет честный вид;
Будь зорким, пусть духовный взор не спит.

* * *

К себе на службу ты б не нанимал
Того, кто в чуждом войске бунтовал.

Не оценив добра, вождя он сменит,
И твоего добра он не оценит.

Ты перебежчику не доверяй,
А взяв на службу, зорко наблюдай.

И неука ты подтяни поводья,
Не то в свои ускачет он угодья.

Когда ты боем город взял чужой,
Все тюрьмы, все зинданы там открой.

Ведь испытавший гнет и муки узник,
Против тирана — ярый твой союзник.

* * *

Когда тобой предел врага пленен,
Ты подданных дари щедрей, чем он,

Чтоб прежний шах им скрягой показался,
Чтоб у ворот их он не достучался.

Но если вред ты людям причинишь,
Лазеек мести ты не уследишь.

Не говори: врага, мол, выгнал прочь я!..
Он здесь, он рядом — в самом средоточье.

* * *

Ты мудростью войну предотвращай,
Будь дальновиден, замыслы скрывай.

Будь как источник тайны непочатой
И помни: рядом ходит соглядатай.

Шах Искандер с Востоком воевал,
А дверь шатра на Запад открывал.

Бахман сказал, вступив на путь кровавый:
«Иду налево...» А пошел направо.

И помни: в прахе замысел поник,
Коль враг в твой тайный замысел проник.

Будь щедр и добр, не рвись к войне, к насилью,
И мир у ног твоих поляжет пылью.

Зачем война и смута и раздор,
Где можно мягкостью уладить спор?

Освобождай от мук сердца несчастных,
Коль сам ты мук не хочешь ежечасных.

Благословенье страждущих людей
Могучих войск и рук твоих сильней.

Молитвы гибнущих, тобой спасенных,
Сильнее войск на битву устремленных.

Перед молением дервишей слаб
Пыль до небес поднявший Афрасьяб.

Г Л А В А В Т О Р А Я

О благотворительности

Суть обрети в сей жизни быстротечной! —
Покров истлеет, суть пребудет вечно.

Кто высшим знанием не овладел,
Тот в оболочке сути не, имел.

Когда добро и мир несем мы людям,
То и в земле спокойно спать мы будем.

Ты здесь о жизни будущей своей
Заботься, не надейся на друзей;

Дабы не испытать страданий многих,
Не забывай о страждущих, убогих.

Сокровища сегодня раздавай,
А завтра все, смотри, не потеряй!..

Возьми в далекий путь запас дорожный,
Знай — сострадание близких ненадежно.

Кто долю здесь для будущего взял,
Тот счастья мяч перед собой погнал.

Ничья молитва душу не утешит,
И всяк своей рукою спину чешет.

Все, что имеешь — миру открывай,
И в землю, словно клад, не зарывай.

Блажен, кто в стужу бедняка укроет,
Грехи того творца рука прикроет.

От двери прочь скитальца не гони,
Чтоб не скитаться в будущие дни.

Мудрец, благодеяний грех чуждаться!
Твори добро, чтоб после не нуждаться.

Иди, давай бальзам больным сердцам,
Кто знает — вдруг больным ты будешь сам.

Иди, врачуй горенье ран душевных,
Не забывай о днях своих плачевных.

Давай просящим у твоих дверей,
Ведь ты не нищий у чужих дверей.

* * *

Ты сироту ребенка приюти,
Как сына, щедрой тенью защити,

Занозу вынь ему, омой от пыли,
Росток погибнет, что корней лишили.

Коль сироту увидишь пред собой,
С опущенною низко головой,

Ты не ласкай пред ним своих детей.
Кто сироту утешит средь людей?

Он плачет! Кто ему осушит слезы?
Он зол, кто стерпит сироты угрозы?

Страшись! Когда рыдает сирота,
Колеблется над миром высота.

Склонись к нему, о мудрый, милосердный,
Утешь его, ходи за ним усердно.

Он сень утратил — отчую семью;
Взлелей его, прими под сень свою.

Я был превыше венценосцев мира
В объятиях отца, на лоне мира.

Не смела муха моего лица
Коснуться перед взорами отца.

Теперь один я. Если враг нагрянет,
Моим уделом плен и рабство станет.

Утратив сень родную с детских лет,
Изведал долю я сиротских бед.

* * *

В пути у плачущего сироты
Колючку некто вынул из пяты,

И Пиру он Худжантскому приснился,
Что вечный сад за то пред ним открылся.

Кто милосердия путем идет,
Тот вечных удостоится щедрот.

Не сделав дела доброго, не чванься, —
Я — первый, мол, а ты за мной останься!

Когда судьба стрелой своей разит,
Она — как знать — и меч свой обнажит.

Ты — царь, ты видишь тысяч поклоненье,
Так возноси творцу благодаренье,

Что одаряя тысячи людей,
Ты сам не ищешь помощи ничьей.

А щедрость — шахское, по слухам, свойство;
Нет! Лгу я, — то высоких духом свойство!

РАССКАЗ

Слыхал я: у Халила две недели
Покои дома без гостей пустели.

А благородный муж не ест, не пьет,
Ждет: странник бедный, может быть, придет.

Он дом покинул, за оазис вышел,
И вот — шаги в степной тиши услышал.

И видит: странник по степи пустой
Идет один — согбенный и седой.

Халил ему навстречу устремился
И с ласковою речью обратился:

«О друг, мне милость оказать изволь!
Войди в мой дом, вкуси мой хлеб и соль!»

«Добро!» — сказал старик, и в двери дома
Высокого вошел он, как знакомый.

Прислужники Халиловы пришли,
В чертог с почетом странника ввели.

Велел Халил — и скатерть расстелили.
И сели все, и гостя посадили.

И общий глас молитвы прозвучал:
«Хвала аллаху!..» Только гость молчал.

«Почтенный гость, — сказал пророк великий, —
Скажи: неверный ты иль безъязыкий?

Закон наш — перед тем, как сесть вкушать,
С молитвой к богу вечному взывать!»

А гость: «Я чужд обычаю такому,
Я одному молюсь — огню живому!»

И понял тут Халил, что этот гость —
Огнепоклонник. Опершись на трость,

Он встал и гнать велел его с позором,
На скверну не глядеть пречистым взором.

Но вдруг раздался шум незримых крыл,
Суруш влетел и молвил: «О Халил!

Века прошли и был ему, как тень я...
А ты его отверг в одно мгновенье.

Пусть молится огню он! Почему ж
Вдруг милости лишать его, о муж?»

Эй, всадник, не глумись над тем, кто пеший!
На дверь щедрот, о царь, замка не вешай!

И ты, ученый муж, духовно слеп,
Коль хочешь мудрость продавать за хлеб.

И шариат и разум нам толкуют,
Что верою лишь низкие торгуют...

А ты — бери! Ведь — благо — люди тут,
Что продается дешево — берут».

* * *

Раз плут к ученому, что жил в соседстве,
Придя, сказал: «Увяз я в глине бедствий!

Меня терзает жадный ростовщик,
Тюрьмой грозит, хоть долг мой невелик.

Но срок прошел, и вымогатель старый
Взамен дирхемов требует динары.

Я по ночам не сплю! И каждый день
Он по пятам идет за мной, как тень.

Угрозами мне душу истомил он,
Дверь моего жилища сокрушил он.

Ведь он богат, но хищный, словно волк,
Содрать с меня он хочет этот долг.

Он в книге веры ничего не смыслит,
Он честь и разум лишь на счетах числит.

Чуть из-за гор возникнет солнца лик,
Стучится в дом мой этот ростовщик.

Как мне уйти от происков бесчестных,
Где взять мне два червонца полновесных?»

Ученый муж добросердечен был,
И два червонца плуту он вручил.

Как золото, от радости сияя,
Ушел он, золото в горсти сжимая.

Хозяину сказали: «О мудрец!
Ведь это — попрошайка и хитрец.

Обманом даже льва он оседлает,
И сам свои проделки прославляет!»

«О человек, ты лучше бы молчал! —
Ему хозяин в гневе отвечал, —

Ведь если впрямь попал он в сеть к невзгодам,
То честь его я спас перед народом.

А если он провел меня, ну что ж —
Я не жалею, ты и сам поймешь, —

Я дал червонец, честь свою спасая,
От этого дрянного негодяя».

Зло отстраняй, мудрец, добро твори, —
И злым и добрым серебро дари.

Блажен, кто в круге мудрых и счастливых,
Воспринимает нрав благочестивых.

Когда ты мудр, то мудро и суди,
С благоговеньем внемли Саади.

Не о кудрях и родинках поет он,
О добрых нравах речь свою ведет он.

РАССКАЗ

Скончался раз богач скупой один,
Наследником богатств остался сын.

Он не дрожал над золотом, как скряга,
Открыл он руки для добра и блага.

Любой дервиш во двор его входил
И там, как гость, радушно принят был.

Не стал держать он золото в оковах,
Презрел обычай он скупцов суровых.

Но некто начал сына порицать:
«Нельзя казну на ветер расточать!

В году один лишь урожай бывает,
Безумен тот, кто вмиг его сжигает.

Не в меру тратя, попадешь в беду!
Позволь тебе я притчу приведу:

Какой-то старец, сына провожая,
Сказал: «О ты, душа моя живая!

Поезди, страны дальние познай,
Будь щедрым, смело деньги расточай!»

Сын дальновидный, мудрый и смиренный,
Сказал отцу: «О муж благословенный!

Богат ты, но держи расчет и власть,
Дабы внезапно в бедствие не впасть».

Учила дочку женщина простая:
«На черный день оставь от урожая!

Держи кувшины полными. Вода
Течет в арыке нашем не всегда!»

Живя по вере, рай купить мы можем,
А золотом льва укротить мы можем.

Ты, тратя золото, расчетлив будь,
О кознях вражеских не позабудь.

Радушный, чье богатство расточится,
К друзьям вчерашним тщетно в дверь стучится.

Богат ты — и тебе твой предан друг...
А разоришься — он исчезнет вдруг.

Тот, кто богат — владеет всем на свете,
Он джинна Сахра завлекает в сети.

Красавицами ты любим теперь,
А обеднеешь — не стучи к ним в дверь.

Диви-сафеда златом одолеешь,
Но ты — ничто, коль денег не имеешь.

Всех нищих ты не сможешь накормить,
А сам ты — исхудаешь, словно нить!»

Так высказал отца его приятель
Те наставленья, как доброжелатель

Речам разумным благородный внял
Достойно, хоть от гнева он дрожал.

И молвил: «Замолчи во имя чести,
Почтенный муж, чье сердце не на месте!

Богатство, что отец мне подарил,
В наследство он от деда получил.

Всю жизнь они дрожали над казною,
И ни гроша не унесли с собою.

Они с глубокой горечью ушли,
Что взять с собой богатство не могли.

Народу раздаю я эту малость,
Что мне от деда и отца досталась.

Пусть лучше странник ест со мной и пьет,
Чем завтра деньги вновь скупец запрет!»

Итак — ешь, пей и пышно одевайся,
И бедным людям радость дать старайся.

Берет себе и раздает мудрец.
С тоской оставя все, умрет скупец.

Ты жив, так черпай благо ежечасно,
Лишь здесь твое добро тебе подвластно.

Благотворя, ты купишь благодать,
Спеши, чтобы потом не голодать.

Так юноша тот щедрый жил безбедно,
Покамест все не расточил бесследно.

И кто-то молвил: «О как много сил
Ты на пути служенья положил!»

И тот в ответ такое молвил слово:
«Нет ничего не делал я такого!..

Да будет то, что небом решено,
А за добро награды ждать грешно!»

Вот — тарикат! Идите неизменно
По нем, склоняя голову смиренно.

Шейх, что всю ночь в молитвах простоял,
Дервишам утром скатерть расстилал.

Не Саади, Сухраверди ученье,
Что доблесть мужа — на пути служенья.

Шихаб, муршид мой мудрый мне сказал,
Когда я с ним за море уплывал:

«О людях плохо никогда не думай,
Противен себялюбец лишь угрюмый!»

Он мне в слезах читал на корабле
О муках ада, о кромешной мгле.

Всю ночь тогда я пролежал бессонно,
Виденьем адской бездны потрясенный.

И молвил шейх: «Что ж, пусть я в ад сойду,
Чтобы другой не мучился в аду!»

Тот, кто о благоденствии народном
Заботился — и богу стал угодным.

РАССКАЗ

Жена сказала мужу: «Ты ступай,
Но хлеба здесь у нас не покупай.

Наш хлебопек — обманщик. Он бессменно
Хлеб не пшеничный продает — ячменный.

Его лепешек подгорелый дух
Не привлекает даже племя мух».

И тут с улыбкой муж благочестивый
Сказал жене: «О светоч мой счастливый!

Пекарню здесь завел он лишь для нас.
В убытке он — и ждет меня сейчас.

А если покупателя лишится,
Бедняга этот вовсе разорится!»

Упавшему спасительную длань
Протягивай — добросердечным стань!

Встань! Милосердия неси напиток
Открывшим лавку здесь, себе в убыток!

Будь Джаванмардом — скатерть расстели,
Твори добро, как царь мужей — Али!

РАССКАЗ

Слыхал я — старец раз, идя в Хиджаз,
Два шага сделав, совершал намаз.

Колючками изранен, он — в исподнем —
Шел, распаляясь на пути господнем.

И под конец, что он — и впрямь святой,
Возмнилось голове его пустой.

По наущенью дьявола, в пустыне,
Упал он в кладезь бедственной гордыни.

Хоть благодати он не заслужил.
Гордыни глаз его с дороги сбил.

Но некий ангел молвил милосердно
Ему: «О муж — в служении усердный!

Не мни, что богу прибыль ты даешь,
Коль через два шага поклоны бьешь.

Утешь сердца несчастных, изнуренных,
Не расточай души в пустых поклонах!»

РАССКАЗ

Сказала полководцу раз жена:
«Восстань, о муж мой, пища нам нужна!

Возьми в поварне царской нашу долю,
Пусть наши дети наедятся вволю!»

Военачальник молвил: «О жена,
Султан постится, кухня холодна!»

А сердце женщины нужда томила,
Она главу печально опустила:

«Увы, зачем постится наш султан?
Ведь праздник нам, когда он сыт и пьян!»

Дающий, сидя за вином и брагой,
Не выше ли чем богомольный скряга?

Поститься с чистым сердцем может тот,
Кто щедро хлеб голодному дает.

Запас себе на пир не сберегая,
Постись, других к посту не принуждая.

РАССКАЗ

Был некто очень щедр, но не богат,
Дарить хотел он — как цари дарят.

Не дай богатство низкому, — о боже!
Казну великодушному умножи!

Великодушные бедны. За что ж
Ты, боже, редко счастье им даешь?

Итак — тот щедрый муж, но не богатый,
Желанием творить добро объятый,

Как горный ниспадающий поток,
Все раздавал, а приобресть не мог.

Понятно — вовсе обеднел он вскоре
И получил письмо в своем он горе.

«О муж добросердечный, помоги,
В темницу я посажен за долги!»

А щедрый муж? — Хоть денег не имел он,
Но все ж спасти беднягу захотел он.

И уваженьем общим облачен,
Ручательство дал заимодавцам он.

Сказал: «Беднягу вы освободите!
А убежит он — долг с меня взыщите».

Потом пошел в тюрьму, сказал: «Вставай,
Пока ты жив. И быстро убегай!»

И тот, как воробей, из заключенья
Порхнул и не промедлил ни мгновенья.

Как будто вешним ветром унесен,
Пыль поднимая, вдаль умчался он.

Сказали мужу: «Ты его верни нам,
Иль серебром весь долг его плати нам!»

Но нечем было заплатить ему,
И он за долг чужой пошел в тюрьму.

За долг чужой надолго в плен попал он,
Но жалоб не писал и не стонал он,

Хоть мучился, хоть ночи он не спал.
И некто, навестив его, сказал:

«Как ты попал сюда — скажи на милость?
Ведь ты не вор! — Так что же приключилось?»

Тот отвечал ему: «О добрый друг,
К чужим деньгам не простирал я рук.

Но здесь бедняк томился в заключенье,
И сел сюда я — для его спасенья.

Свободным быть вменил себе я в стыд,
Увидев, что бедняк в цепях сидит».

И умер он в тюрьме, но с доброй славой
О жизнь прекрасная! О величавый,

Вовек неувядающий венец!
О чистый светоч истинных сердец!

Он мертв. Но выше сердцем и делами
Людей, живущих с мертвыми сердцами.

Все рушится, все сгинет и пройдет,
Но лишь живое сердце не умрет.

РАССКАЗ

В пустыне странник увидал усталый
Собаку, что от жажды издыхала.

Он в колпаке своем воды принес,
Но даже встать не мог несчастный пес.

Но он простер собаке длань служенья,
Приподнял, напоил, принес спасенье.

Избранник видел все, что делал он,
И был тот муж во всех грехах прощен.

Ты, злой тиран, возмездья опасайся!
Стань щедрым, искупить свой грех старайся!

Собаку спасший был прощен. Итак
Благотвори! Ведь выше пса — бедняк.

Будь щедрым, милосердным, сколько можешь,
Тем выше ты, чем больше щедрость множишь.

Пусть богачи кинтарами дарят,
Ты беден, но дороже твой кират.

Судья предвечный лишнего не спросит,
Пусть каждый в меру сил своих приносит.

Слона степной кузнечик тяжелей,
Коль им придавлен жалкий муравей.

* * *

Будь к людям мягок, мудрый муж, всегда,
Дабы найти защиту в день суда.

Тот, кто от века стал щитом несчастных,
Тебя не бросит на путях опасных.

Не обижай и жалкого раба,
Вдруг сделает царем его судьба.

Не угнетай униженных и слабых,
Будь им защитой, поддержи хотя б их.

Круговращенья лет изменчив круг,
Не ждешь — и ферзью пешка станет вдруг.

И тот, кто судьбы взглядом презирает,
В сердца посева злобы не бросает.

Чтоб сохранить свой щедрый урожай,
Идущих вслед жнецам не обижай.

Не бойся к бедным щедрым быть, как море,
Чтоб самого себя не ввергнуть в горе, —

Смотри: вчерашний царь в беде, а там —
Владыкою вчерашний стал гулям.

Не причиняй обид сердцам подвластным,
Страшись, чтобы не стал ты сам подвластным.

РАССКАЗ

Бедняк поведал богачу рыдая,
Что нищета его терзает злая.

Но жалостью не тронулась душа
Богатого. Он не дал ни гроша.

Затопал он ногами, рассердился,
И встал бедняк и небесам взмолился:

«Зачем, ему подобные, живут?
Как видно не страшит их божий суд!»

Богач услышал это. И вскипел он,
С позором бедняка прогнать велел он.

Имел он много, не дал ничего.
И счастье отвернулось от него.

И бедняка зачлась ему обида,
Беда пришла по воле Утарида.

Стал бедным он и голым, как чеснок,
Без помощи друзей он изнемог.

Он в сети лютой нищеты попался,
Как фокусник с пустым мешком остался.

И униженья, оскорбленья, зло
Изведал... Время некое прошло.

Слуга его, от найма став свободным,
На службу взят был мужем благородным.

Тот муж был щедр, несметно был богат,
Дервишу каждому, как гостю, рад.

Раз постучал к нему бедняк убогий
И хлеба попросил во имя бога.

Слуге сказал хозяин: «Встань! Прими
Несчастного! Досыта накорми!»

Слуга исполнить поспешил веленье,
Но, дверь открыв, он закричал в смятенье!

В слезах, с разбитым сердцем, потрясен,
К хозяину бегом вернулся он.

Спросил его хозяин: «Что с тобою?
С какой там повстречался ты бедою?»

Слуга сказал: «Весь дух потрясся мой,
Как бедный тот старик убит судьбой.

Свидетелем его величья был я,
Он был богат, и у него служил я.

Он разорился, и теперь — о стыд! —
Как нищий, там он за дверьми стоит».

Хозяин молвил: «Это не обидно. —
Таков закон возмездья, очевидно».

«Да, это злобный тот скупой богач,
Которого людской не трогал плач.

Я — тот бедняк, которого когда-то,
Гнать вон велел слуге скупец богатый.

Я погибал. Но милостью творца,
Отерты слезы моего лица!»

На смертных вечный промысел взирает,
Он, дверь закрыв, другую отпирает.

Пройдут года. Времен круговорот
Потопит гордых, тонущих спасет.

РАССКАЗ

Коль благороден ты в душе своей,
Внимай о жизни доблестных людей.

Да будет награжден твой подвиг каждый!
Шибли мешок зерна купил однажды;

Раскрыл мешок он в хижине своей,
Увидел: в груде зерен — муравей

Растерянно метался, изнемог он...
Жалея муравья, заснуть не мог он.

Встал утром, муравья того он взял,
Отнес его обратно и сказал:

«Лишиться мест родных для нас ужасно,
Пусть дома будет муравей несчастный!»

И ты смятенных души успокой,
И сам утешен будешь ты судьбой.

Как Фирдоуси промолвил несравненный,
Мудрец великий, муж благословенный:

«Ты муравья, влачащего зерно,
Не тронь! Ему дыхание дано!»

Жесток и милосердия не знает
Тот, чьей виною муравей страдает.

Могучей дланью слабого не бей,
Вдруг станешь сам пред ним, как муравей.

Утешь смятенных, в бедствии живущих.
Несчастий устрашись своих грядущих.

Не сжалилась над мотыльком свеча,
Сама сгорела вся потом свеча.

Ты думаешь, что все тебя слабее?
Но некто есть, и он тебя сильнее!

Будь щедр, будь милосерден без конца,
Добром лишь можно уловить сердца.

Как знать: губя врага, себя ты сгубишь,
Аркан же ласки сталью не разрубишь.

Прощай! Великодушие являй!
Напрасной кровью рук не обагряй!

Ведь добрый плод от семени дурного
Не возрастет. Не делай дела злого.

Исполненный гордыней лишь своей,
Ты лучших можешь потерять друзей.

Коль доброта твоя сердца притянет,
И прежний враг твой даже другом станет.

РАССКАЗ

Юнца я в поле встретил одного,
Бежал козленок по следу его.

Сказал я: «Друг, не упусти козленка!
Сорвется он с твоей веревки тонкой!»

Веревку юноша с козленка снял,
Сам резво, как козленок, побежал.

Козленок — вскачь за ним. Не отставал он.
Из рук юнца пучки травы хватал он.

И сделав круг с козленком, прибежал
Тот юноша ко мне и так сказал:

«Ты видишь? — Ласка лучше, чем веревка!
Его кормлю я. В этом — вся уловка».

Вот так погонщика не топчет слон, —
Ведь со слоном свирепым ласков он.

О мудрый! Будь ты добрым и со злыми!
Ведь ласков с псами злыми ты своими.

И пардус на тебя не нападет,
Коль ел он пять-семь дней твой сыр и мед.

РАССКАЗ

Дервиш, однажды проходя в лесу,
Без лап увидел жалкую лису.

Сказал: «О боже! Кто ж ей помогает?
Как зверь безногий пищу добывает?»

И вдруг раздался треск и шум в кустах,
Явился лев с добычею в зубах.

Сожрал добычу лев и напоследки
Уснул. Лиса же съела все объедки.

Дервиш, придя назавтра, увидал,
Что снова лев лисицу напитал.

Открылась мудрость промысла живая
Пред старцем. И пошел он уповая:

«Забьюсь, как муравей, я в тишину!
Не взять ведь силой пищу и слону...»

И, от мирских себя отторгнув дел, он
Забился в щель горы. И там сидел он.

Он верил — пищу бог ему пошлет...
Но ждет-пождет, никто к нему нейдет.

Вот отощал и страшно исхудал он,
От голода рассудок потерял он.

И голос тайный вдруг раздался в нем:
«Вставай, о лицемер! Стань хищным львом!

Ты здесь лисой безногой не валяйся,
Сам ешь и пищу дать другим старайся!

Кто падает, как жалкая лиса,
Хоть он могуч, как лев, — презренней пса.

Лови добычу, ешь, делись с другими!
Пренебрегай объедками чужими!

Ты рук своих трудом себя питай,
Трудись, как муж, и ближних утешай.

Лишь мужеложец гнусный, как блудница,
Чужим трудом питаясь, не стыдится.

В беде увидев старца — встань, беги,
Упавшему подняться помоги!

Господь того лишь счастьем одаряет,
Кто мужествен, кто гибнущих спасает,

Великодушный счастьем озарен,
Злодей бездушный радости лишен.

Добро созданьям божиим творящий
Счастлив и в жизни сей и в предстоящей.

РАССКАЗ

Слыхал о славном я одном ученом,
Что жил в пределе Рума отдаленном.

Осиротев в родном своем дому,
С толпой дервишей я пошел к нему.

Нас принял, обнял и расцеловал он,
Потом, с почетом, всех за стол позвал он.

Полна была хозяйская казна,
Да, горе нам, — еда была скудна.

Хоть видом был хозяин благороден,
Но сердцем, словно сук сухой, бесплоден.

Приветлив с нами он, радушен был...
Но — нас, голодных, он не накормил.

Хозяин наш всю ночь не спал, молился,
И я не спал. Я голодом томился.

Заря блеснула. Пали стены тьмы.
Хозяин наш спросил, как спали мы.

Был среди нас один сердитый малый,
Видавший виды, человек бывалый.

«Меня, — сказал, — ты б мог не обнимать!
Ты б лучше есть мне догадался дать!

Ты лаской лживой не гневил бы небо,
Ты дал бы лучше мяса нам и хлеба!»

Не бденье с мертвым сердцем в тьме ночей,
А щедрость — признак доблестных мужей.

Твори добро — вот к правде путь прямой!
Молитва — это барабан пустой.

В день пробуждения, в предел счастливый
С добром войдешь, а не с молитвой лживой.

Без действий притязания — ничто,
Молитвы без деяния — ничто.

РАССКАЗ

Речь о Хатаме древнем я слыхал,
Конем Хатам чудесным обладал.

Тот конь, глаза пленяя красотою,
С огнем небесным спорил быстротою.

Когда, бывало, вихрем он летит,
То искры сыплются из-под копыт.

В горах он, как поток ревущий в пене,
В полях он, словно ветерок весенний.

Когда легко в пустыне он скакал,
То от него и ветер отставал.

Молвой Хатам был восхвален без лести.
Румийский царь о нем услышал вести,

Что нет людей, чем тот Хатам, щедрей,
Что нет коней, коня его быстрей.

Что на коне Хатам, летя в просторе,
Пересекает степи, словно море.

Ответил вестнику румийский шах:
«Слова без доказательств — это прах.

Коль щедр Хатам, то пусть он Щедрость явит
И своего коня мне в дар отправит.

Тогда увижу: он велик душой,
А если нет, то слово — звук пустой».

И к роду Тай, где был Хатам вождем,
Гонец румийским послан был царем.

Там степи знойны и мертвы лежали,
Лишь по весне дожди их орошали.

Гонец шатров Хатамовых достиг,
От жажды пересох его язык.

Но отдохнул на ложе он отрадном,
В тени, в тиши, над родником прохладным.

Хатам, отцов и дедов чтя завет,
Коня гостям зарезал на обед.

Жарким и сладостями угостил их,
И золотом по-царски одарил их.

Спать уложил. Наутро встал посол,
Сказал хозяину, зачем пришел.

Хатам, как пьяный поводя глазами,
В отчаянье заскрежетал зубами

И возопил: «Ты сразу почему ж,
Об этом не сказал мне, славный муж!

Ведь скакуна того, что вам так нужен,
Вчера я сам зарезал вам на ужин!

Прошли дожди, и силь в горах велик,
Я табуна никак бы не достиг.

И не было мне выхода другого,
Как скакуна зарезать дорогого!

Коня, решил я, лучше потерять,
Чем добрый гость голодным ляжет спать.

Мне жаль коня, но знай — мне гость дороже!
Есть в табунах еще трехлетки тоже!..»

И почести гостям он оказал,
И кровных им коней в подарок дал.

Султан румийский, лишь о том дознался,
Хатамом беспредельно восхищался.

Вот повесть о Хатаме. Но сейчас,
О друг мой! Лучше выслушай рассказ.

РАССКАЗ

Дервиш, придя в суфийскую обитель,
Поведал: «Жил в Йемене повелитель.

Он счастья мяч перед собою гнал,
Он равных в щедрости себе не знал.

Весенней тучей над землей вставал он,
На бедных дождь дирхемов изливал он.

Но он к Хатаму неприязнен был,
С насмешкой о Хатаме говорил:

«Кто он такой? Мне он докучней тени!..
Нет у него ни царства, ни владений!»

Вот царь Йемена небывалый пир, —
Как говорят, — на весь устроил мир.

Вдруг раздалось Хатаму славословье,
Все гости стали пить его здоровье.

И зависть омрачила дух царя,
Раба он кликнул, злобою горя:

«Иди, найди и обезглавь Хатама!
Со мною в славе спорит он упрямо».

В степь, где Хатам в ту пору кочевал,
Подосланный убийца поскакал.

И некий муж, как бы посланник бога,
Раба-посланца повстречал дорогой.

Сладкоречив тот муж, приветлив был,
Гонца к себе в шатер он пригласил.

Его в степи безводной обласкал он,
Вниманием его очаровал он.

А утром молвил: «Добрый гость, прости,
Но все ж у нас останься, погости!»

А тот в ответ: «Промедлить ни мгновенья
Нельзя!.. Дано мне шахом порученье!»

Сказал хозяин: «Тайну мне открой,
Я помогу тебе, пойду с тобой!»

«О благородный муж! — гонец ответил. —
Ты доблестен, и тверд, и духом светел,

Ты тайну нашу сохранишь. Так знай,
Хатама я ищу в становье Тай.

Хоть муж Хатам прославлен во вселенной,
Убить его велел мне шах Йемена.

О добрый друг! Мне милость окажи,
Дорогу мне к Хатаму укажи!»

Хозяин рассмеялся: «Меч свой смело
Бери, руби мне голову от тела.

Ведь я — Хатам. Пусть я хозяин твой,
Я поступлюсь для гостя головой!»

Когда Хатам склонился добровольно
Под меч, посланец издал крик невольно.

Не в силах от стыда поднять зениц,
Перед Хатамом он простерся ниц.

И руки на груди сложив покорно,
Сказал: «Когда бы умысел позорный

Исполнил я и вред тебе нанес,
Не человек я был бы, гнусный пес!»

И встал он и, поцеловав Хатама,
Через пески в Йемен пустился прямо.

Султан Йемена меж бровей его
Прочел, что он не сделал ничего.

«Где голова? — спросил. — Какие вести
Ты мне привез? — Скажи во имя чести!

Быть может, в поединок ты вступил
И у тебя в бою не стало сил?»

Посланец пал на землю пред владыкой
И так ответил: «О султан великий!

Хатама видел я. Среди людей
Он всех великодушней и мудрей.

В нем доблесть, мужество и благородство.
Ему дано над всеми превосходство.

Груз милостей его меня сломил.
Великодушьем он меня сразил!»

Все рассказал гонец. Ему внимая,
йеменский царь восславил племя Тая.

И щедро наградил султан посла...
Хатаму щедрость свойственна была,

Как солнцу — свет, цветам — благоуханье,
Хатаму славу принесли деянья.

РАССКАЗ

Слыхал я: племя Тая как-то раз
Отвергло веры истинной указ.

Халил — разгневан их деяньем черным —
Послал войска, на горе непокорным.

Все племя казни осудил пророк,
Чтоб землю верных не осквернил порок.

Средь пленных женщина одна упрямо
Взывала: «Стойте, вы! Я — дочь Хатама!

Великодушьем он сражал сердца,
Судите и меня судом отца!»

Почтил Хатама судия суровый,
Снять приказал он с женщины оковы

И на свободу с миром отпустить,
А остальных без жалости казнить.

Вновь дочь Хатама, плача, закричала:
«Пусть мне отрубят голову сначала!

Где ж милость — отпустить меня одну,
Когда друзья на плахе и в плену?»

Так над несчастиями рода Тая
Она вопила, громко причитая.

И всех избранник разрешил от пут,
С тех пор вершил он милостивый суд.

РАССКАЗ

Один старик Хатама попросил,
Чтоб сахара он горсть ему ссудил.

Хатам ему, рассказывали люди,
Вьюк сахара отправил на верблюде.

Тут подняла жена Хатама крик:
«Зачем так много? Горсть просил старик!»

И вот, жену с улыбкой утешая,
Сказал Хатам: «О, светоч рода Тая,

Просил он мало, но в делах добра
Семья Хатама быть должна щедра!»

* * *

От первых дней вращения вселенной
Один Хатам был щедрый, несравненный.

Один лишь Абу-Бакр, сын Са'да, с ним
Великодушьем в наши дни сравним.

Ты подданным спасительные сени
Простер, и край цветет, как крин весенний.

«Благословенным» твой Шираз прослыл,
Юнан и Рум величием затмил.

Когда бы не Хатамова святая
Звезда, никто б не помнил рода Тая.

Хатаму в книгах — вечная хвала.
Тебя прославят добрые дела.

Хатам снискал земные восхваленья,
Ты ищешь божьего благоволенья.

Правдолюбив, в речах не льстит дервиш
Ты, мудрый, поучение услышь:

Твори благодеянья неизменно!
Все истребится, лишь добро нетленно!

РАССКАЗ

У путника осел однажды в глине
Завяз. Остался пеший тот в кручине.

Пустыня, стужа, дождь, потоки вод,
Покрылся мраком ночи небосвод.

Бедой застигнут, путник истомился,
Он проклинал, и плакал, и бранился.

Великое хуление творя,
Ругал словами скверными царя.

Царь мимо ехал утром, брань услышал
К ругателю он из носилок вышел

И внял проклятьям, множеству обид...
И охватил царя великий стыд.

И обернулся царь в смущенье к свите:
«За что он так бранит меня, скажите?»

А те: «Достоин казни сей злодей,
Бранящий ваших жен и дочерей!»

Тогда на путника взглянул владыка:
Осел увяз, бедняк в пустыне дикой

Остался пеший со своим вьюком...
И сжалился султан над бедняком.

Он шубу дал ему, коня и злата.
Добром на зло была его расплата.

И кто-то молвил: «Жалкий сумасброд,
Ты спасся чудом!» — И ответил тот:

«Молчи! Я погибал под гнетом горя,
Но спас меня он, сердцем щедр, как море!

Вы все за зло платить привыкли злом,
Великодушный лишь воздаст добром».

РАССКАЗ

Жил муж — надменен, спесью опьянен.
Раз перед нищим дверь захлопнул он.

Ушел бедняк в отчаянье, в печали,
Из сердца стоны горя излетали.

Один слепец услышал стон его,
Спросил: «Эй, друг, ты плачешь? Отчего?»

Сказал бедняк, что душу истомил он
В скитаньях, что богатым прогнан был он.

«Утешься, о бедняк! — сказал слепой.
Поужинаешь нынче ты со мной!»

И нищего слепец схватил за ворот,
Привел к себе в потемках через город.

Дервиш, утешась, молвил: «Пусть творец
Тебе воротит зренье, о слепец!»

Слепой насмешкой гостя не обидел,
Но утром, пробудясь, он свет увидел.

И дивный слух весь город облетел,
Что ночью, мол, вчера слепой прозрел.

Услышал эту весть, ушам не веря,
Богач, что бедняка прогнал от двери.

Прозревшего спросил он: «Удружи,
Как это все случилось, расскажи?

Как вновь зажглись угаснувшие свечи?»
Тот молвил: «Что с тобой вести мне речи!

Ты слеп душой, ты от добра ушел.
Сову ты Хумаюну предпочел.

Вернул мне свет дервиш, убогий нищий,
Кому ты отказал в тепле и пище.

Но знай: забрезжит свет в твоих глазах,
Коль верных ты облобызаешь прах.

Увы, мы — слепы сердцем и глазами —
Не знаем о целительном бальзаме!»

Богач надменный духом приуныл
И голову в раскаянье склонил:

«Ко мне летело счастье, а досталось
Слепому! В сеть к нему оно попалось!»

Коль точишь зубы алчности, как мышь,
Вдогонку соколу не полетишь.

О, ждущий блага от дервишей божьих,
Служи им сам, жди их на придорожьях!

Кто птицам всем дает зерно, лишь тот
Наверно Хумаюна обретет.

Пускай благодеянья стрелы всюду!
Добыча будет. Верь добру и чуду.

Средь ста жемчужниц перл в одной найдешь,
Сто стрел пустив, одною щит пробьешь.

РАССКАЗ

Отец в дороге сына потерял,
Он всю стоянку ночью обыскал.

У всех шатров расспрашивал — и где-то
Нашел, как в темноте источник света.

И людям каравана своего
Сказал: «Ведь как я отыскал его?

Из встречных никого не пропустил я...
«Он это!» — тень завидя говорил я».

Так люди истины в толпу идут,
Надеясь, что достойного найдут.

Лишений горьких груз несут тяжелый
И терпят множества шипов уколы,

Чтобы живое сердце обрести
И розы цвет средь терниев найти.

РАССКАЗ

В Манахе сын султана редкий лал
Раз на прогулке ночью потерял.

Сказал отец: «В потемках невозможно
Рубин от гальки отличить дорожной.

Ты утром, может быть, свой лал найдешь,
Когда все камешки перевернешь!»

Мир, где средь злых затерян сердцем чистый,
Подобен той дороге каменистой.

И если праведники средь людей
Рассеяны, как лалы меж камней,

Сноси ты грубость каждого невежды
И встретить друга не теряй надежды.

Тот ношею вражды не отягчен,
Кто чистою любовью опьянен.

И тот, чье сердце кровью обольется,
Тот, как гранат под осень, засмеется.

Вьюк всех забот на плечи возложи
И ради друга сотням услужи.

И пусть невежды, словно прах подножный,
В глазах твоих презренны и ничтожны, —

Ты будь слугою низких, темных, злых
Для друга, что затерян среди них.

Но не гляди глазами одобренья
На этот сброд, пусть бог им даст прощенье! —

И не суди людей своим судом,
Чтоб горько не раскаяться потом.

* * *

Открыты тем познания врата,
Для коих дверь чертогов заперта.

О, сколько бедных, мучимых скорбями,
В эдем вступают с чистыми полами.

В несчастье силы духа не теряй,
Царя в беде его не покидай.

Ведь в дни, когда расторгнет он осаду,
Он верным даст высокую награду.

Не жги зимою голые кусты,
Ведь будут вновь весной на них цветы.

РАССКАЗ

Жил человек; он был весьма богат,
Но, скупостью чудовищной объят,

Он голодом и нищетой томился,
Воров и разорения страшился.

Держа в оковах сундуки добра,
Он сох в оковах злата и сребра.

Узнал однажды сын его, бедняга,
Где прячет золото родитель-скряга.

Взял деньги он и на ветер пустил,
А вместо денег камни положил.

Как только юноше казна досталась,
Она в его руках не задержалась.

Проделкой той отец был разорен,
Плащ заложил и шапку продал он.

Он плакал, бога клял и убивался,
А сын с пирушки утром возвращался.

Старик в слезах все ночи проводил,
А сын ему с улыбкой говорил:

«Ведь для того, отец, дано нам злато,
Чтоб тратить, жить привольно и богато.

Когда под спудом спрятано оно,
То золото иль камень — все равно.

Зачем из камня злато добывали? —
Чтоб веселились мы и пировали!»

А если скряга золото хранит,
То вновь оно заточено в гранит!

Эй, скряга! Пусть тебя не обижает,
Что смерти вся семья тебе желает!

Твои родные вдосталь поедят
В тот день, когда ты смертью будешь взят.

Скупец, сребром и золотом богатый,
Ведь он — дракон, что клад хранит заклятый.

Но будет день: придет дракон другой,
Скупцу расплющит голову пятой.

И деньги, что хранил он так ревниво,
В другие реки устремятся живо.

Все, что собрал ты, словно муравей,
Истрать при жизни, щедро ешь и пей,

Пока не станешь сам ты пищей тленья...
Внемли живому слову наставленья, —

Будь мудр! И счастье в мире обретешь.
И жаль, коль мудростью пренебрежешь!

РАССКАЗ

Юнец, над нищим сжалясь стариком,
Пожертвовал последним медяком.

Потом проступок некий совершил он,
И осужден на казнь султаном был он.

Заволновались люди — стар и мал;
Глядеть на казнь весь город прибежал.

А тот старик, на перекрестке сидя
И юношу средь палачей увидя,

Душой скорбя, его спасти решил;
На весь майдан он громко завопил:

«Эй! Люди! Царь наш умер! Мир остался,
Как был, а справедливый царь скончался!»

Услышав эти вести, палачи
Остановились, опустив мечи.

Старик вопил, стенанья испуская.
А стража вся, друг друга обгоняя,

В смятении бежит в чертог царев
И видит: шах на троне — жив, здоров.

Преступник скрылся той порой. Схватили
Дервиша и к султану притащили.

Султан ему: «Ты что смущал людей?
Иль впрямь ты смерти захотел моей?

Я добр к народу, правлю справедливо,
Так что ж колдуешь ты, отродье дива?»

Дервиш не оробел перед царем,
Сказал: «Да будет мир тебе во всем! —

Я лгал, но ложь, как видишь, не опасна,
Ты жив, и спасся там один несчастный!»

Царь изумлен был. Старца он простил,
И одарил, и с миром отпустил.

Меж тем по закоулкам, задыхаясь,
Бежал несчастный, от людей скрываясь.

Спросил его знакомый: «Не таись,
Скажи: как удалось тебе спастись?»

«О друг! — тот молвил, полн еще боязни. —
Я откупился медяком от казни!»

Бросает в землю пахарь семена,
Чтоб житница зерном была полна.

Горсть ячменя предотвращает голод,
Дракон был странника жезлом заколот.

Избранника я притчу приведу:
«Благодеянье истребит беду!»

И здесь бояться вам врагов не надо,
Пока на троне Абу-Бакр сын Са'да.

О государь, улыбкою лица
Мир озаряй и покоряй сердца!

Закон твой правый — слабому защита.
Кошница милосердия открыта.

Кошница — ты, что нам послал аллах,
О муж, благословенный в двух мирах.

Пускай не всякий мыслит так! Наверно,
В ночь кадр молиться не встает неверный.

РАССКАЗ

Увидел некто судный день во сне:
Земля была раскалена, в огне.

Ужасны были грешников стенанья,
Мозг их вскипал на той тропе страданья.

Но лишь один средь них в тени сидел,
И был тюрбан его прохладно бел.

«О славный муж, — спросил счастливца спящий, —
Кем ты спасен в юдоли сей горящей?»

Ответил тот: «Я садом обладал.
В тени его однажды странник спал.

И за меня теперь он заступился,
Когда весь мир на грозный суд явился.

«Его помилуй, боже! — он сказал, —
Он в тень меня пустил и не прогнал!»

В сокрытом смысле этого рассказа
Есть вещий знак для нашего Шираза,

Простерта здесь великодушья сень,
Довольство людям здесь, и мир, и тень.

Плодообильным древом щедрый зрится,
А злой скупец лишь на дрова годится.

Пусть дерево плодовое живет,
Сухое ж выкорчует садовод!

Будь долговечно, дерево живое! —
Ты и плоды даешь и тень от зноя.

* * *

Здесь речи о благих делах вели мы,
Но не ко всем те речи применимы.

Ты добр, но щит тирана сокруши!
Ты крыльев птицу хищную лиши!

Изменник лишь стрелу и лук вручает
Тому, кто на святыню посягает.

В саду колючки с корнем вырывай,
Дерев плодовых корни поливай.

Возвысь того, кто правды не нарушит,
Кто бедный люд не топчет и не душит.

Кто на престол тирана возведет,
Тот сам над миром утверждает гнет.

Туши свечу, что миру угрожает,
Покамест все огнем не запылает.

Кто милостив к разбойнику, тот сам
Разбойникам подобен и ворам.

Мечом главу тирана отсекай!
Насилие насильникам являй!

РАССКАЗ

На потолке хозяин разглядел
Осиное гнездо и снять хотел.

«Не тронь их, муж! — жена сказала слово, —
Не оставляй их, бедненьких, без крова».

Муж неразумный глупой речи внял.
Но как-то вдруг осиный рой напал

На женщину. Она металась, выла,
А муж ей: «Прежде нужно думать было!

Жена! Не стыдно ль выть и голосить?
Ты их сама просила пощадить!»

Тот, кто злодеям низким помогает,
Тот сам их злодеянья умножает.

Злодей — виновник бедствий и обид,
Как хищник, истребленью подлежит.

Ведь скатерть для собак не расстилают —
Обглоданные кости им бросают.

Лягающихся мулов не жалей
Навьючивать в дорогу тяжелей.

Коль дремлет ночью сторож недостойный,
Едва ль хозяин будет спать спокойно.

Не всем твоим рабам одна цена, —
Одним — награда, плеть — другим нужна.

Кто выкормил лисенка, пусть он знает,
Что голубей лиса перетаскает.

Не возводи на зыбкой почве дом,
А коль возвел — не поселяйся в нем.

* * *

Конем однажды сброшен норовистым,
Сказал Бахрам-охотник в поле чистом:

«Другого должен выбрать я коня,
Такого, чтобы слушался меня!»

Плотину ставь, чтоб не был труд бесплоден,
Покамест Тигр могучий мелководен.

Бей насмерть волка, что в капкан попал,
Чтоб он опять овец твоих не рвал.

Как от иблиса богопочитанья,
От злых людей не жди благодеянья,

Лишай злодеев сил, пока ты жив;
Пусть будет враг в тюрьме, в бутыли — див.

Увидевши змею — бежать не время
За палкой. Камнем размозжи ей темя.

Коль вор и лихоимец — твой писец,
Мечом хищенью положи конец.

Советник твой, простых людей гнетущий,
Не друг, а демон — в ад тебя ведущий,

Не говори, что мудр его совет,
Когда виновник он народных бед!

Кто поученьям Саади внимает,
Тот зданье царства мудро созидает.

Г Л А В А Т Р Е Т Ь Я

О любви, любовном опьянении и безумстве

Прекрасны дни влюбленных, их стремленья
К возлюбленной, блаженны их мученья.

Прекрасно все в любви — несет ли нам
Страдания она или бальзам.

Влюбленный власть и царство ненавидит,
Он в бедности свою опору видит.

Он пьет страданий чистое вино;
Молчит, хоть горьким кажется оно.

Его дарят похмельем сладким слезы.
Шипы не стражи ли царицы — Розы?

Страданья — ради истинной любви —
Блаженством, о, влюбленный, назови!

Вьюк легок опьяненному верблюду,
Стремись, иди к единственному чуду:

Не сбросит раб с себя любви аркан,
Когда огнем любви он обуян.

Живут в тиши печального забвенья
Влюбленные — цари уединенья.

Они одни сумеют повести
Блуждающих по верному пути.

Проходят люди, их не узнавая.
Они, как в мире тьмы — вода живая.

Они подобны рухнувшим стенам
Снаружи. А внутри — прекрасный храм.

Они, как мотыльки, сжигают крылья,
И шелкопряда чужды им усилья.

У них всегда в объятьях — красота,
Но высохли от жажды их уста.

Не говорю: источник вод закрыт им,
Но жажду даже Нил не утолит им.

* * *

Да, ты своим кумиром увлечен, —
Но он, как ты, из глины сотворен.

Ты свой покой утратил и терпенье,
Ты от ланит и родинки в смятенье.

Прекрасный облик, что тебя сразил,
Весь этот мир от глаз твоих закрыл.

Когда кумир твой злато презирает,
И для тебя оно свой смысл теряет.

Весь мир готов ты для любви забыть, —
Одну ее ничем не заменить.

Она всегда в глазах перед тобою,
Она владеет всей твоей душою.

Готов презреть достоинство свое,
Ты часа жить не можешь без нее.

Ты душу ей отдашь. Ты без боязни
Из-за нее себя подвергнешь казни.

Но коль такую здесь имеет власть
Любовь, которой суть — дыханье, страсть,

Не удивляйся истинным влюбленным,
В пучину вечной страсти погруженным!

Они любви к Извечному полны,
От суеты мирской отрешены.

Устремлены лишь к истине единой —
Пьют, на пиру расплескивая вина...

Не исцелит их никакой бальзам,
Неведом их недуг земным врачам.

«Не я ли бог ваш?» — голос им взывает,
«О да! О да!» — весь круг их отвечает.

Они в пещерах уединены,
Но благостыни пламенем полны.

Сквозь толщу стен их проникают взоры.
Они дыханьем низвергают горы.

Они крылаты, словно ветр степной;
Как скалы, немы, но полны хвалой.

Глаза их, светлым током слез омыты,
Всегда для сокровенного открыты.

Они, коней своих загнав почти,
Горюют, что отстали на пути.

Живые жаждой счастья бесконечной,
Они плывут по звездам воли вечной.

Сердца спалил кумир небесный им,
Покой и отдых неизвестны им.

Кто созерцал слепящий взгляд кумира,
Тот навсегда отверг соблазны мира.

Оков не знает на пути земном
Упившийся божественным вином.

РАССКАЗ

Сын нищего, что век в нужде влачился,
Увидев шах-заде, в него влюбился.

В каких мучениях, — поймешь ли ты? —
Бедняк лелеял тщетные мечты...

На всех путях царевича стоял он,
У стремени коня его бежал он.

Он проливал потоки жгучих слез,
Не внемля ни насмешек, ни угроз.

Придворные его с дороги гнали:
«Эй, ты, бродяга, отойди подале!»

Он уходил. Но вновь, презрев позор,
Близ шах-заде свой разбивал шатер.

Его избили слуги. «Убирайся! —
Сказали. — На глаза не попадайся!»

Ушел факир. Но вновь вернулся он,
Покоя и терпения лишен.

Хоть в двери изгонялся он, как муха,
В окошко возвращался он, как муха.

Ему сказали: «Эй, ты, дуралей!
Ты сколько терпишь палок и камней?»

Ответил он: «Погибель друга ради
Приму! И не взмолюсь я о пощаде!

Пусть ненавистью полон он ко мне, —
В него влюблен я! Брежу им во сне!

Пусть на любовь мою он не ответит,
Я жив, пока он мне, как солнце, светит.

Всех этих мук снести я не могу.
И прочь — увы! — уйти я не могу.

«Прочь от шатра его!» не говорите,
Хоть голову у входа пригвоздите.

Не лучше ль мотыльку в огне сгореть,
Чем в пустоте и мраке умереть!»

«Мяч! Ты получишь рану от човгана!»
Факир ответил им: «А что мне рана?»

«Тебе отрубят голову мечом!»
А он им: «Голова мне нипочем!

Кто о пути своем грядущем знает —
Венец его иль плаха ожидает?

Увы! Терпения лишился я,
И от покоя отрешился я!

Пусть, как Иаков, я ослепну, все же
К Юсуфу приведешь меня ты, боже!

Не будет прахом мира ослеплен
Тот, кто любовью вечной опьянен».

Раз к стремени царевича припал он.
Разгневался царевич. «Прочь!» — сказал он.

Факир с улыбкой молвил: «Никого
Не гонит шах от солнца своего!

Из-за тебя свою забыл я душу.
Коль от тебя уйду, обет нарушу!

Тобой одним живу я и дышу,
Будь благосклонен, если я грешу!..

Твоих стремян коснулся я рукою
Затем, что я не дорожу собою!

Любви к тебе я предан целиком
И ставлю крест на имени своем.

Я насмерть поражен стрелою взгляда!
И обнажать свой меч тебе не надо!

Ты сам зажег меня. Так не беги.
И все леса души моей сожги!»

* * *

Раз на пиру под звуки струн и ная
Кружилась в пляске пери молодая.

Не помню: жар сердец иль огонек
Светильни полу платья ей поджег.

Она, увидев это, рассердилась.
«Не гневайся! — сказал я. — Сделай милость!

Ведь у тебя сгорела лишь пола,
А весь мой урожай сгорел дотла».

Влюбленные друг в друга — дух единый.
Коль суть цела — не жаль мне половины.

* * *

Внимал я пеням старца одного,
Что отошел в пещеры сын его.

Исчах отец в разлуке, одинокий.
Но сын его ответил на упреки:

«С тех пор, как я услышал глас творца,
Нет для меня ни друга, ни отца.

С тех пор, как наступило просветленье,
Все в мире для меня — лишь сновиденье!»

Тот не пропал, кто от людей ушел,
Кто духа свет утраченный обрел.

* * *

Есть люди, чистой преданы любви, —
Зверями ль, ангелами их зови, —

Они, как ангелы, в хвале и вере,
Не прячутся в пещерах, словно звери.

Они воздержанны, хоть и сильны,
Они премудры, хоть опьянены.

Когда они в священный пляс вступают,
То в исступленье рубище сжигают.

Они забыли о себе. Но все ж,
Непосвященный, ты к ним не войдешь.

Их разум — в исступлении, а слух
К увещеваниям разумным глух.

Но утка дикая не тонет в море.
Для саламандры ведь пожар — не горе.

Вот так и многотерпцы, — ты скажи, —
В пустыне живы божии мужи!

Они от взоров всех людей сокрыты,
Они не знатны и не имениты.

Не добиваются людской любви,
Довольно вечной им одной любви.

Они — плодовый сад щедрот безмерных,
А не злодеи в облаченье верных.

Они скрываются от глаз людских,
Как жемчуга в жемчужницах своих.

Не хвастаются, не шумят, как море,
Блестя жемчужной пеной на просторе.

Они — не вы! Вы — внешне хороши,
Но в обликах красивых нет души.

И не прельстите вы царя вселенной
Ни красотой, ни роскошью надменной.

Когда бы стала перлами роса,
То перлов не ценилась бы краса.

Как по канату, доблестный и верный
Пройдет и без шеста над бездной скверны.

Дервиш в блаженном хмеле изнемог,
Внимая зову: «Эй! Не я ль твой бог?»

Кому любовь — стекло, а ужас — камень,
Не страшны ни мечи вражды, ни пламень.

РАССКАЗ

Жил в Самарканде юноша. Был он
Индийскою красавицей пленен.

Она, как солнце, чары расточала,
Твердыню благочестья разрушала.

Казалось, красоту, какую мог,
В ней воплотил миров зиждитель — бог.

За нею вслед все взгляды обращались.
Ее встречавшие ума лишались.

Влюбленный наш тайком ходил за ней.
И раз она сказала гневно: «Эй!

Глупец, не смей, как тень, за мной влачиться,
Не для твоих тенет такая птица.

Не смей за мною по пятам ходить,
Не то рабам велю тебя убить!»

И тут влюбленному промолвил кто-то:
«О друг, займи себя другой заботой.

Боюсь, ты не достигнешь цели здесь,
А потеряешь даром жизнь и честь!»

Упреком этим горьким уязвленный,
Вздохнув, ответил юноша влюбленный:

«Пусть под мечом я голову мою
В прах уроню и кровь мою пролью.

Но скажут люди: «Вот удел завидный!
Пасть от меча любимой — не обидно».

Меня позорить можешь ты, бранить, —
Я не уйду. Мне без нее не жить.

Что мне советуешь ты, ослепленный
Тщетою мира, лишь в себя влюбленный?

Она лишь благом истинным полна,
Пусть хоть на казнь пошлет меня она!

Мечта о ней меня в ночах сжигает,
А утром снова, к жизни возрождает.

Пусть у ее порога я умру,
Но жив, как прежде, встану поутру!»

Будь стоек всей душою, всею кровью.
Жив Саади, хоть и сражен любовью.

* * *

Сказал от жажды гибнущий в пустыне:
«Счастлив, кто гибнет в водяной пучине!»

Ему воскликнул спутник: «О глупец,
В воде иль без воды — один конец».

«Нет! — тот воскликнул. — Не к воде стремлюсь я,
Пусть в океане духа растворюсь я!

Кто жаждет истины, я знаю, тот
Без страха бросится в водоворот.

Не дрогнет в жажде знанья, не остынет,
Хоть знает он, что в тех волнах погибнет.

Любовь, влюбленный, за полу хватай.
«Дай душу!» скажет — душу ей отдай.

Ты внидешь в рай блаженства и забвенья,
Пройдя геенну самоотреченья.

Труд пахаря во дни страды суров,
Но пахарь сладко спит после трудов.

На сем пиру блаженства достигает
Тот, кто последним чашу получает.

РАССКАЗ

Мне это раз поведали дервиши,
Те, что душой царей земных превыше:

«Один старик, не ведая, чем жить,
Близ храма милостыню стал просить.

Ему сказали: «Здесь — не дом вельможи,
Ты милостыни здесь не жди, прохожий!»

«А чей же это дом? — старик в ответ. —
Чей дом, где бедным милостыни нет?»

«Умолкни! — крикнул страж. — Исполнись страха!
Не видишь разве? Это дом аллаха!»

Михраб, сиянье увидал старик,
И на ступени пав, издал он крик:

«Ведь это божий храм, жилище чуда!
Как мне без радости уйти отсюда!

Мной ни один бедняк не пренебрег,
Неужто здесь не пустят на порог?

К тебе я, боже, руки простираю,
С пустой рукою не уйду я, знаю!»

Так простоял тот старец круглый год
У врат, куда молиться шел народ.

Сурово мимо шли единоверцы.
И вот у старца ослабело сердце.

И сторож в час обхода своего
Увидел умирающим его.

Старик пред смертью щебетал, как птица:
«Блажен, кто в дверь предвечного стучится!

Он вечный рай обрел!» Я не слыхал
Досель, чтобы алхимик унывал;

И он без счета тратить злато будет,
Пока из камня злата не добудет.

Ценою злата можно все добыть,
Но только сердца друга не купить.

Красавица тебе ли надоела,
Ну что ж, бросай, ищи другую смело.

Упреков кислоликой не сноси,
Огонь струею свежей погаси.

Но если нет по красоте ей равной —
Стезею прочь не уходи бесславной.

И оторвись, — когда нельзя простить, —
От той лишь, без которой можно жить.

РАССКАЗ

Дервиш не спал, и не пил, и не ел,
Молился он, других не делал дел.

И на моленья голос внял ответный:
«Эй, старец! Все твои молитвы тщетны!

В мир уходи. Как люди все, живи.
Небесной недостоин ты любви!»

И вновь дервиш не спал, не ел, молился.
Тут в нем мюрид ближайший усомнился.

Сказал он: «Все мольбы твои — тщета.
Не для тебя небесные врата!»

«О дерзкий раб! — дервиш ему ответил. —
Надеждой путь отверженного светел!

От этих врат мне некуда уйти,
Другого нет передо мной пути.

Не думай, коль от пира ты отбился,
Что я и сам от бога отвратился.

Лишь попрошайка, получив отказ,
В другую дверь стучать бежит тотчас.

Пусть я отвержен, но в любви и вере
Я тверд. И я другой не знаю двери!»

И смолк, и вновь он пал главой во прах,
И вновь раздался глас в его ушах:

«Явил ты доблесть на стезе суровой,
И здесь тебе прибежище готово».

* * *

Однажды в ярость некий старец впал,
Что все молитвы сын его проспал:

«Эй, сын, трудись, не спи, пока ты в силе!
Ты сана не достигнешь без усилий.

Когда бы Сулейман беспечно спал,
Он мудрецом великим бы не стал.

Стремись же к пользе, будь в трудах всечасно.
И знай — судьба бездельников несчастна.

РАССКАЗ

Раз молодая женщина пришла
К отцу и жаловаться начала:

«Отец мой! Муж меня совсем не любит...
Ах, вижу я, он жизнь мою загубит!

Гляжу, как к женам ласковы мужья,
И плачу. Знать, одна несчастна я.

Всяк льнет к жене, как голубок к голубке
Как дольки миндаля в одной скорлупке,

Все люди, погляжу я, кроме нас!
А муж мой улыбнулся ль мне хоть раз?»

Отец ее был мудр и духом светел;
И он с улыбкой дочери ответил:

«Неласков, говоришь, с тобою он?
Зато хорош собой, умен, учен!

Жаль человека потерять такого
И худшего в сто раз искать другого...

Будь с ним поласковей. Коль он уйдет,
Ведь на тебя бесчестие падет».

* * *

Раз на невольничьем базаре был я,
И там раба, из жалости, купил я

И отпустил. А он: «Куда пойду?
Где я тебе подобного найду?»

РАССКАЗ

Жил в Мерве врач, как пери, светлоокий,
В саду сердец, как кипарис высокий.

Не думал он, леча своих больных,
О чарах красоты и глаз своих.

И женщина одна мне рассказала:
«Когда я у него лечиться стала,

Сама хотела дольше я болеть,
Чтоб ежедневно на него смотреть».

Порою неожиданно бывает,
Умом могучим страсть овладевает.

А если страсть сумеет власть забрать,
То головы рассудку не поднять.

РАССКАЗ

Железные перчатки раздобыл
Один борец и биться с львом решил.

Но лапа льва к земле его прижала,
И сила у борца в руках увяла.

А зрители: «Эй, муж! Ты что лежишь,
Как женщина? Что льва ты не разишь?»

А тот вздохнул, не в силах приподняться:
«Увы, со львом не кулаками драться!»

Как лев могучий был сильней борца,
Так страсть порой сильнее мудреца.

Кулак — будь он в железной рукавице,
В бою со львом свирепым не годится.

О пленник страсти, позабудь покой!
Ты — мяч, гонимый по полю клюкой.

РАССКАЗ

Раз юноша и дева, что дружили
От детских лет, в супружество вступили.

Жена была счастлива. А супруг —
Смотри! — ее возненавидел вдруг.

Он прелестью подруги не пленялся,
Прочь от нее лицом он отвращался.

Она, как роза, красотой цвела;
А для него, как смерть, она была.

Ему сказали: «Эй, ты, непонятный.
Не любишь, так ушли ее обратно».

А тот: «Овец хоть тысячу голов
Отдам, чтоб разрешиться от оков!»

А им жена: «Приму любые муки,
Но знайте — с ним не вынесу разлуки.

На все отары мира не польщусь
И разлучиться с ним не соглашусь».

Порою друг, что друга отвергает,
Отвергнутому лишь милей бывает.

* * *

К Меджнуну обратились, вопрошая:
«Чего ты ищешь: ада или рая?»

А он: «Я за возлюбленной иду.
Мне и в раю с ней благо, и в аду».

РАССКАЗ

Спросили раз Меджнуна: «Что с тобой?
Что ты семьи чуждаешься людской?

И что с Лейли, с твоей любовью сталось?
Ужель в тебе и чувства не осталось?»

Меджнун ответил, слез поток лия:
«Молю, отстаньте от меня, друзья,

Моя душа изнемогла от боли,
Не сыпьте же хоть вы на рану соли.

Да, друг от друга мы удалены,
Необходимости подчинены».

А те: «О светоч верности и чести, Вели —
Лейли передадим мы вести!»

А он им: «Обо мне — ни слова ей,
Чтобы не стало ей еще больней».

РАССКАЗ

Махмуд, султан Газны, подслушал раз
Насмешку: «Очень некрасив Аяз.

А страстью соловей не воспылает
К той розе, что красой не обладает».

Насмешке той Махмуд угрюмый внял;
Но так, размыслив, он себе сказал:

«В Аязе нрав мне дорог благородный!
Что мне до внешности его негодной?»

Однажды был в пути султан Махмуд.
И вот в ущелье сорвался верблюд.

И в пропасти застрял между камнями,
На нем сундук разбился с жемчугами.

Царь подобрать тот жемчуг приказал,
А сам поспешно-дальше поскакал.

Все от султана всадники отстали,
Полезли жемчуг подбирать в провале.

Дорогой обернулся властелин
И видит — скачет с ним Аяз один.

Султан ему: «Ты что же не остался
И жемчуга собрать не попытался?»

Аяз в ответ: «Я у тебя служу
И долгом выше перлов дорожу».

Не забывай высокого служенья
Для благ земных и для обогащенья!

От Истины лишь Истины хотят
Те, перед кем открылся тарикат.

Не другом занят ты, а сам собой,
Коль в дружбе ищешь прибыли одной.

Пока ты дышишь алчностью презренной,
Ты не услышишь правды сокровенной.

Желанья — прах клубимый. А высок
И светел только Истины чертог.

Где буря тучи праха подымает,
Там зоркий глаз пути не различает.

РАССКАЗ

Однажды я и старец из Фариба
Уплыть решили морем из Магриба.

Отдав дирхем последний морякам,
Я сел. А спутник мой остался там.

Магрибский кормчий бога не боялся,
Бесплатно старца везть не соглашался.

Простясь со спутником, я зарыдал,
А старец засмеялся и сказал:

«Не плачь! Меня домчит куда угодно
Творец земли, небес и бездны водной!

Тут коврик свой раскинув на волнах,
Поплыл он. Охватил мне душу страх.

Матросы-негры паруса подъяли,
С попутным ветром в ночь корабль погнали.

И что ж, — гляжу я утром: за бортом
Дервиш плывет на коврике своем.

«Смотри, сказал, как море перешли мы,
Ты — на досках, я — господом хранимый!»

Так праведник в пучине не пропал,
И это я воочью увидал!..

Ребенка, что огонь свечи хватает,
Отец любовно предостерегает.

Того, кто к солнцу истины летит,
Всевидящий от гибели хранит.

От мук огня он уберег Халила,
Мусу живым пронес по волнам Нила.

Пучина тонущему не страшна,
Когда рука хранителя сильна.

Но как вам несть по волнам груз тяжелый,
Коль и на суше мокры ваши полы?

* * *

Пути ума извилисты. Но нет
Для верного святынь иных, чем Свет.

Не вам дано прямое пониманье,
Придирчивы в вопросах мужи знанья.

«Что есть земля? Что — небо в звездной мгле?
Кто суть сыны Адама на земле?»

О мудрый, ты глубоко вопрошаешь,
Тебе отвечу я, коль ты желаешь:

Моря, пустыни, горы, небосвод,
И человеческий несметный род,

И ангелы, и дивы-исполины —
Все живо только тем, что жив Единый.

Ты скажешь: как морской простор широк!
Ты скажешь: как небесный свод высок!

Увы, несведущий не постигает
Безбрежности, где сущность пребывает.

Семь океанов — капля пред творцом,
И солнце — искра пред его лицом.

Века подобны грезе быстротечной
Пред тем, что зодчий создает предвечный.

РАССКАЗ

Раз мимо стана царского в пути
Дехкану с сыном довелось пройти.

Увидел мальчик витязей с мечами,
Украшенных златыми поясами.

Азады с луками стояли там;
С колчаном — сзади каждого — гулям.

Они атласом и парчой блистали,
В кулахах, в шлемах золоченой стали.

Увидев этот блеск, вздохнул юнец:
«Как беден перед ними мой отец!..»

Отец же, в страхе увлекая сына,
Прочь убежал от ставки властелина.

«Ведь ты глава селенья! — сын сказал. —
Что ж испугался ты и убежал?

Ты сам — носитель княжьего кулаха,
Что ж испугался ты становья шаха?»

Сказал отец: «Да, повелитель я,
Но лишь в моей деревне — власть моя.

Но, страхом полн, склоняется великий,
Неустрашимый муж у врат владыки.

Не чти себя великим, о глупец,
Коль староста деревни твой отец!»

У древних не найдешь ты поученья,
Чтоб не привел я притчу в подтвержденье.

* * *

Вы червячка видали на полях,
Что, словно свечка, теплится в ночах?

Его спросили: «Вот ты ночью светишь,
А что же днем нигде тебя не встретишь?»

И в темноте светящийся червяк,
По мудрости своей, ответил так:

«Я здесь и днем! Мне ваш вопрос обиден.
Я только из-за солнца днем не виден!»

РАССКАЗ

Однажды Са'да ибн-Занги хвалили
(Благословение его могиле!).

Дервиш рассказывал, как принял встарь,
Как одарил его покойный царь.

Раз на монете царского даренья
«Аллах — нам все!» — он прочитал в волненье.

И, царский с плеч своих сорвав халат,
Бежал он в степь, раскаяньем объят.

Его спросил пустынник: «Что случилось?
Зачем ты убежал, скажи на милость?

Как ты сперва царем был обольщен!..
Так что же вдруг тобой покинут он?»

Дервиш сказал: «Влеком надеждой лживой,
Я в ожиданье трепетал, как ива.

И я прочел слова: «Нам все — аллах!» —
И царь ничтожен стал в моих глазах».

РАССКАЗ

Однажды в Шаме закипела смута.
Дервиша взяли стражи почему-то.

И до сих пор звучат в моих ушах
Его слова, когда он брел в цепях:

«Меня не взял бы ваш султан надменный,
Когда б не допустил творец вселенной!»

Врага благословляйте своего,
Коль знаете, что друг послал его.

Возвысят вас, или во тьму низводят,
Все благо, что от Истины исходит.

О мудрый, не страшись телесных мук!
Порой бальзамом горьким лечит друг.

Врач больше сведущ, чем больной. Без страха
Прими все, что он даст в жилище праха!»

РАССКАЗ

Был некто, как когда-то я, влюблен;
Терпел позор и униженье он.

И слух, как барабан, молвой утроен,
Гремел о нем, что ум его расстроен,

Но ведь из рук возлюбленной и яд
Таит противоядье, говорят.

Обидам, оскорбленьям не внимал он.
Как гвоздь, чело пред бедами склонял он.

И так мечтаний пламень им владел,
Что мозг под крышкой черепа кипел.

Был, как глухой он в хоре порицаний;
Что дождик тонущему в океане?

И немы для него позор и честь,
Кто должен муку страсти перенесть!

В возлюбленную див оборотился
И ночью в дом к несчастному явился.

Объятиями дива осквернен,
С постели встав, не мог молиться он.

И вышел он в глубоком сокрушенье
К бассейну своему для омовенья.

Была зима в ту пору. Водоем
Покрылся за ночь льдистым хрусталем.

Сосед, увидев, крикнул: «Друг, постой!
Себя убьешь ты ледяной водой!»

Хозяин им ответил: «Замолчи ты,
И сердце и душа во мне убиты.

Что я сношу? Да легче умереть!
Поверь, я больше не могу терпеть...

Но пусть презренье на любовь ответ мне, —
Я жив надеждой... Хоть надежды нет мне!»

Аллахом я из праха сотворен,
Мой свет его могуществом зажжен,

Мне радостно внимать его веленью
И верить вечному благоволенью.

* * *

О муж любви, иди своей тропой,
Чуждайся блеска роскоши людской!

Иди путем любви! Душой беспечен,
Пусть ты погибнешь — дух твой будет вечен.

Ведь из зерна и злак не прорастет,
Когда само зерно не пропадет.

Тогда лишь сможешь истины добиться,
Коль от себя сумеешь отрешиться.

И знай — ты истины не обретешь,
Пока в самозабвенье не впадешь.

Как музыка, поют шаги верблюда,
Когда тебе любви открыто чудо.

И тайну в крыльях мухи не узришь,
Когда ты страстью чистою горишь.

И, изумленный, в просветленье духа
За голову ты схватишься, как муха.

Влюбленный плачет, слыша пенье птиц,
Хоть небо пасть пред ним готово ниц.

Да — истинный певец не умолкает,
Но не всегда, не всяк ему внимает.

Пусть к нам на пир влюбленные придут
И упоенью души предадут!

Пусть кружатся, как чаша круговая,
Главу у врат смиренья опуская!

Когда дервиш в самозабвенье впал,
Не смейся, пусть он ворот разодрал

И машет, словно крыльями, руками...
Он — в море, он объят любви волнами!

«Где бубны, флейты ваши? — спросишь ты. —
Откуда песня льется с высоты?»

Не знаю я. Хоть песня мир объемлет,
Но ей лишь сердце избранного внемлет.

Коль птица с башни разума взлетит,
То ангелов небесных восхитит.

А низкий, в ком пристрастье к миру живо,
Готовит в сердце логово для дива.

Кто потакать готов своим страстям —
Не спутник он и не застолец нам.

Когда садами вечер пролетает,
Он не дрова, а розы рассыпает.

Мир, полный музыки, нам дал творец...
Но что увидит в зеркале слепец?

Ты не видал, как в пляс верблюд вступает,
Когда арабской песне он внимает?

Верблюда, знать, в восторг напев привел...
А тот, кто глух, тот хуже, чем осел.

РАССКАЗ

Играть на флейте юноша учился
И совершенства в музыке добился.

Сердца сгорали, как сухой камыш,
Когда звучал его живой камыш.

Отец сердился, флейту отнимал он.
«Бездельник!» — сына гневно упрекал он.

Но, как-то ночью, услыхав сквозь сон,
Игрою сына был он потрясен.

Сказал: «Не прав я был, его ругая,
Его искусства дивного не зная!»

Видал дервишей ты летящий круг?
Что означают эти взмахи рук?

Знай: в дверь они глядят иного мира,
Отмахиваясь от земного мира.

Но тот лишь видит, у кого жива
Душа в мельчайших складках рукава.

Так опытный пловец лишь обнаженный
В пучине не потонет разъяренной.

Намокнет грузный плащ, пловца губя, —
Ты скинь притворства рубище с себя!

Привязанный, в оковах ты плетешься,
Порвав все связи — с Истиной сольешься.

РАССКАЗ

«Бедняга! — кто-то мотыльку сказал. —
Себе ты лучше б ровню поискал!

Горящая свеча тебя не любит,
Влечение твое тебя погубит.

Не саламандра ты, не рвись в огонь!
Надежная нужна для битвы бронь.

Иначе, как с железноруким биться?
От солнца мышь летучая таится.

И тот, кто здравым наделен умом,
Не обольщается своим врагом.

Где разум твой? Свеча — твой враг смертельный,
Зачем ты рвешься к гибели бесцельно?

Бедняк, прося царевниной руки,
Получит в лучшем случае пинки.

Свеча султанам и царям сияет
И о любви твоей, поверь, не знает.

Она, блистая в обществе таком,
Прельстится ли ничтожным мотыльком?

Твоя любимая вельможам светит;
А ты сгоришь — она и не заметит!»

И мотылек ответил: «О глупец,
Пусть я сгорю, не страшен мне конец.

Влюблен я, сердце у меня пылает,
Свеча меня, как роза, привлекает.

Огонь свечи в груди моей живет,
Не я лечу, а страсть меня влечет.

Аркан захлестнут у меня на шее.
И мне не страшно, рад сгореть в огне я.

Сгорел я раньше, а не там — в огне,
Который обжигает крылья мне.

Она в такой красе, в таком сиянье.
Что глупо говорить о воздержанье.

Пусть я на миг в огонь ее влечу
И смертью за блаженство заплачу!

Я в жажде смерти рвусь к живому чуду.
Она горит! И пусть я мертвым буду!..

А ты мне говоришь: «Во тьме кружи.
Ищи достойную и с ней дружи!»

Скажи ужаленному скорпионом:
«Не плачь!» — не станет вмиг он исцеленным.

Советы бесполезно расточать
Пред тем, кто не желает им внимать.

Не говорят: «Полегче, сделай милость!»
Возничему, чья четвертня взбесилась.

В «Синдбаде» также сказано о том:
«Сравни советы с ветром, страсть — с огнем».

Костер под ветром ярче пламенеет,
Тигр, если ранен, пуще свирепеет.

Я прежде думал: ты мне добрый друг,
Не ждал я от тебя дурных услуг.

Советуешь мне: «Ровню, мол, ищи ты,
Пусть будут сердце и душа убиты!..»

Не дорожишь душой, так не взыщи,
Ты сам иди и ровню поищи.

К себе подобным лишь самовлюбленный
Идет, как пьяный в мрак неозаренный.

Я сам решил — во тьме ль погибнуть мне
Или сгореть в ее живом огне!

Тот, кто влюблен, тот смело в пламя мчится.
Трус, что влюблен в себя, всего боится.

От смерти кто себя убережет?
Пусть жар возлюбленной меня сожжет!

И, если смерть для нас неотвратима,
Не лучше ли сгореть в огне любимой,

Вкусить блаженство, пасть у милых ног,
Как я — в свечу влюбленный мотылек!»

РАССКАЗ

Однажды темной ночью я не спал
И слышал — мотылек свече шептал:

«Пусть я сгорю! Ведь я люблю... Ты знаешь..
А ты что плачешь и о чем рыдаешь?»

Свеча ему: «О бедный мотылек!
Воск тает мой, уходит, как поток.

А помнишь, как ушла Ширин-услада,
Огонь ударил в голову Фархада».

И воск, подобный пламенным слезам,
Свеча струила по своим щекам.

«О притязатель! Вспыхнув на мгновенье,
Сгорел ты. Где же стойкость? Где терпенье?

В единый миг ты здесь спалил крыла,
А я стою, пока сгорю дотла.

Ты лишь обжегся. Но, огнем пылая,
Вся — с головы до ног — сгореть должна я!»

Так, плача, говорила с мотыльком
Свеча, светя нам на пиру ночном.

Но стал чадить фитиль свечи. И пламя
Погасло вдруг под чьими-то перстами.

И в дыме вздох свечи услышал я:
«Вот видишь, друг, и смерть пришла моя!»

Ты, чтоб в любви достигнуть совершенства,
Учись в мученьях обретать блаженство.

Не плачь над обгоревшим мотыльком,
С любимой он слился, с ее огнем.

Под ливнем стрел, хоть смерть неотвратима,
Не выпускай из рук полу любимой.

Не рвись в моря — к безвестным берегам,
А раз поплыл, то жизнь вручи волнам!

Г Л А В А Ч Е Т В Е Р Т А Я

О смирении

Ты, вечным богом созданный из праха,
Служи ему, как раб, исполнен страха.

В алчбе, в высокомерии своем,
Земная персть, не станешь ты огнем.

Разбушевалось пламя с грозной силой,
А туча праха пламя погасила.

И дивом стал он, кто надменен был,
И человеком — кто смиренен был.

* * *

Из тучи капля долу устремилась
И, в волны моря падая, смутилась:

«Как я мала, а здесь простор такой...
Ничто я перед бездною морской!»

Она себя презрела, умалила;
Но раковина каплю приютила;

И перл, родившийся из капли той,
Царя венец украсил золотой.

Себя ничтожной капля та считала,
И красотой и славой заблистала.

Смиренье — путь высоких мудрецов,
Так гнется ветвь под тяжестью плодов.

РАССКАЗ

Однажды некто, ищущий познанья,
В Рум прибыл после долгого скитанья.

Он молод был, путями правды шел,
И у дервишей свой приют обрел.

Велел ему старейший в их совете
Убрать всю грязь и мусор из мечети.

Пришелец молча старшему внимал,
И вышел прочь, и без следа пропал.

Дервиши молвили: «В делах служенья
Не пользу видит он, а униженье».

И отыскав его на день другой,
Сказал слуга: «Ты человек дурной!

Иль ты, юнец, не ведал в самом деле,
Что путь служения приводит к цели?»

Беглец заплакал и сказал в ответ:
«О добрый друг, дарующий мне свет,

Мечеть была чиста, скажу по чести,
Один я грязен был в пречистом месте.

И не было другого мне пути,
Как поскорее ноги унести!»

О муж добра, в юдоли сей мгновенной
Пренебрегай своею плотью бренной.

В смиренье светит возвышенья свет —
Других на эту крышу лестниц нет.

РАССКАЗ

Однажды утром, по словам преданий,
Премудрый вышел Баязид из бани.

И некто полный таз золы печной
На старца высыпал — без мысли злой.

Чалма у Баязида распустилась,
А он приемля это, словно милость,

Отер лицо, сказал: «Мой дух — в огне,
Так от золы ли огорчаться мне?»

Пренебрежет собой познавший много.
Не жди от себялюбца веры в бога.

Высокий дух исканьям славы чужд,
И в почестях величью нету нужд.

Превыше всех подымет лишь смиренье,
Но душу в грязь повергнет самомненье.

Надменный, непокорный в прах падет.
Величье — само избранных найдет.

Нет правды в низменном земном исканье,
Нет света бога в самолюбованье.

Беги, мой дух, завистливых и злых,
С презрением глядящих на других.

Тот одарен высокою судьбою,
Кто не запятнан гневом и враждою.

Иди тобою избранным путем,
Прославься правдолюбьем и добром.

У тех, кто над тобой превозносился,
Безумием, ты скажешь, ум затмился.

И сам ты осужденье обретешь,
Коль над людьми себя превознесешь.

Высоко ты стоишь, но не надейся
На вечное... Над падшими не смейся.

Стоявшие всех выше — все ушли,
А падшие на место их взошли.

Ты беспорочен, с низменным не смешан,
Но ты не осуждай того, кто грешен.

Тот носит перстень К'абы на руке,
А этот, пьян, свалился в погребке.

Но кто из них войдет в чертоги света
Там — на суде последнего ответа?

Тот — верный внешне — в бездну упадет,
А этот в дверь раскаянья войдет.

РАССКАЗ

Слыхал я притчу: в дни, когда вселенной
Свой свет принес Иса благословенный,

Жил некий себялюбец на земле,
В невежестве погрязший и во зле.

В нем голос доблестей не пробуждался,
Иблису он в нечестии равнялся.

Бесплодно день за днем он жизнь губил
И в людях отвращение будил.

Богат, но полон в безумии упорства,
Изнемогал от пьянства и обжорства.

Ты, что погряз в неверии и лжи,
Пред будущей расплатою дрожи!

Но он был слеп для истинного света,
Был глух для слова правды и совета.

Возненавидел грешника народ
И проклинал его, как черный год.

Своим страстям не ведая управы,
Не проложил он русла доброй славы.

И вскоре письменами черных дел
Всю книгу жизни исписать успел.

Раб своего любого вожделенья,
Не пробуждался он от опьяненья.

Пророк Иса в то время проходил
Близ дома, где святой отшельник жил.

Из дома вышел этот муж безгрешный,
К стопам Исы припал лицом поспешно;

А грешник издали смотрел на них,
Как мотылек на свет лампад ночных.

Глядел, завидуя и сожалея,
Как нищий, на довольство богатея,

Раскаянья исполнен и стыда
За жизнь растраченную без следа.

От горя, от душевной боли жгучей
Заплакал он; так льется дождь из тучи:

«Как мот презренный, жизнь я расточил,
И вред и горе людям причинил!

Казнюсь в душевной муке, в укоризне...
И смерть отрадней столь презренной жизни!

Да, лучше в раннем детстве умереть,
Чем от стыда на склоне лет гореть.

Прости мне, боже, зло и прегрешенья!
Воззри на скорбь мою, отец творенья!»

И сел он прямо на землю, в пыли,
И слезы по щекам его текли.

Во прахе он сидел, стенанья множа:
«Услыши крик души моей, о боже!»

Отшельник, что беседовал с Исой,
На плачущего бросил взгляд косой:

«Что общего с тобой, святым пророком,
У нечестивца, полного пороком?

Погрязший в скверне жизненных утех,
По горло он в огне, и весь он — грех!

Каким благодеяньем он гордится?
Как может рядом с нами находиться?

Всю жизнь он сеял зло, и зло пожнет,
В геенну по делам своим пойдет.

На лик его легла печать разврата.
Уйдем отсюда! Место здесь не свято!

И в судный день меня ты пощади, —
Меня с ним рядом, боже, не суди!»

Так он сказал, исполнен отвращенья.
И тут Исе явилось откровенье:

«Те — нищи духом, те — умудрены,
Но их мольбы пред Истиной равны!

И коль душою грешник пробудился,
Раскаялся и к богу обратился,

Кто б ни был он, не отгоню его
От светлого порога моего!

Сниму грехов мучительное бремя
С его души и место дам в эдеме!

А если стыд терзает грудь твою,
Что сядешь рядом с грешником в раю,

Ты помни: кающийся безутешно
Простится. Ты же в ад пойдешь кромешный.

Тот, плача, стал нижайшим средь людей,
Ты возгордился святостью своей.

Забыл ты, словно царь в своей твердыне,
Что дух смиренья выше, чем гордыня!

В одеждах белых ты, но тьмой объят
Твой дух! И не минуешь адских врат.

Перед богатым нищий и убогий
Возвышен будет на моем пороге.

Ты плох, коль ты уверен, что хорош.
Ты знанья истины не обретешь!

Отважный муж не на словах отважен,
В игре в човган удар умелый важен.

Так луковица — в глупости своей —
Решила, что ядро таится в ней.

Ты молишься? Пустое благочестье...
Раскайся! Грех — такое благочестье!

Кутила и озлобленный аскет —
Бог видит — разницы меж ними нет.

Будь праведен, добро творить старайся,
Воздержан, но с пророком не равняйся.

Ты зря усердно молишься, пойми,
Коль с богом ты хорош, но плох с людьми».

Наследье мудрецов — источник света.
У Саади запомни слово это:

Коль грешник сердцем к благу устремлен —
Над лжесвятыми будет вознесен.

РАССКАЗ

Бедняк ученый, в рвани и в грязи,
Сел среди знатных на ковре кази.

Взглянул хозяин колко — что за чудо?
И служка подбежал: «Пошел отсюда!

Ты перед кем сидишь? Кто ты такой?
Сядь позади иль на ногах постой!

Почета место здесь не всем дается,
Сан по достоинству лишь достается.

Зачем тебе позориться средь нас?
Достаточно с тебя на первый раз!

И честь тому, кто ниже всех в смиренье,
Не испытал позора униженья.

Ты впредь на месте не садись чужом,
Средь сильных не прикидывайся львом!»

И встал мудрец, в ответ не молвив слова.
Судьба его в те дни была сурова.

Вздох испустил он, больше ничего,
И сел в преддверье сборища того.

Тут спор пошел средь знатоков корана:
«Да, да!» «Нет, нет» — орут, как будто спьяна.

Открыли двери смуты вековой,
И всяк свое кричит наперебой.

Их спор над неким доводом старинным
Сравнить бы можно с боем петушиным.

Так спорили в неистовстве своем
Факихи о писании святом,

Так узел спора туго завязали,
Что как распутать узел и не знали.

И тут в одежде нищенской мудрец
Взревел, как лев свирепый, наконец:

«Эй, знатоки святого шариата,
Чья память знаньем истинным богата!

Не брань и крик, а доводы нужны,
Чтобы бесспорны были и сильны.

А я владею знания човганом».
Тут общий смех поднялся над айваном:

— Ну, говори! — И он заговорил,
Раскрыл уста и глотки им закрыл.

Острей калама доводы нашел он;
От ложной их премудрости ушел он,

И свиток сути смысла развернул,
И, как пером, их спор перечеркнул.

И закричали всем собраньем: «Слава!
Тебе, мудрец, твоим познаньям — слава!»

Как конь, он обогнал их. А кази
Был, как осел, увязнувший в грязи.

Вздохнув, свою чалму почета снял он,
Чалму свою пришельцу отослал он.

Сказал: «Прости! Хоть нет на мне вины,
Что я не угадал твоей цены!

Средь нас ты выше всех! И вот — унижен...
Мне жаль. Но да не будешь ты обижен!»

Пошел служащий к пришлецу тому,
Чтоб на главу его надеть чалму.

«Прочь! — тот сказал, — иль сам уйду за дверь я!
Твоя чалма — венец высокомерья!

Слыть не хочу в народе, как святой,
С чалмою в пятьдесят локтей длиной.

«Мавлоно» нарекусь я несомненно,
Но это званье будет мне презренно.

Вода да будет чистою — в любом
Сосуде — глиняном иль золотом.

Ум светлый должен в голове таиться,
А не чалмой высокою кичиться.

Как тыква, велика твоя чалма,
Но в тыкве нет ни мозга, ни ума.

Не чванься ни усами, ни чалмою! —
Чалма — тряпье, усы — трава травою.

Те, кто подобны людям лишь на взгляд,
Но мертвы, как картины — пусть молчат.

Сам одолей высоты перевала;
Зла людям не неси, как знак Зухала.

На плётево идет тростник любой,
Но ценен сахарный самим собой.

Тебя, с душою низкою такою,
Я званья «Человек» не удостою.

Стеклярусную понизь отыскал
В грязи глупец. Стеклярус так сказал:

«Ты брось меня! Я бисер самый бедный!
И весь не стою я полушки медной.

Пусть в цветнике свинарь свинью пасет,
Но на свинью цена не возрастет.

Осел ослом останется вовеки.
По платью не суди о человеке!»

* * *

Так жгучим словом он обиду смыл
И чванных и надменных устыдил.

Обижен ими, он не пощадил их
И речью, как оружьем, поразил их.

Да не потерпит гнета и обид
Муж правды и неправых истребит!

Кази сидел, подавленный — в позоре:
«О стыд мне перед всеми! Стыд и горе!»

Он руки был свои кусать готов,
Молчал, не находя достойных слов.

А тот пришлец в убогом одеянье
Стремительно покинул их собранье.

Опомнились вельможи наконец
И закричали: «Кто он — сей наглец?»

Слуга его разыскивал повсюду,
Вопросы обращал к простому люду.

И все в ответ: «Напрасно не ходи!
Был это наш учитель — Саади.

Стократ хвала ему, что речью меткой
Так отхлестал он вас — умно и едко!»

РАССКАЗ

Жил царский сын в Гандже, тиран хвастливый,
Ругатель, винопийца нечестивый.

Раз он в мечеть, упившись до пьяна,
Ввалился с песней, с чашею вина.

А там о истине вещал с минбара
Учитель мудрости, отшельник старый.

Внимал ему в мечеть пришедший люд, —
Несведущего слушать не придут.

Все, кто у старца истине учились,
Кощунством нечестивца возмутились.

Злодей у власти — подданным беда, —
Нет на него управы, нет суда.

Чеснок дыханье розы заглушает,
При барабанном громе чанг смолкает.

Ты святотатства не терпи, о муж,
Вооружись, отвагу обнаружь!

Но если мощью ратной не владеешь,
Неверных словом убедить сумеешь.

А слово тщетно — карой не грози,
Великодушьем низость порази.

Один, внимавший старцу из пустыни,
При виде осквернения святыни

Заплакал: «Старче, укроти его!
Мы с ним не можем сделать ничего...

Ведь слово, светом правды пламенея,
Мечей разящих и секир грознее!»

И руки поднял пир, сказал: «Внемли,
Зиждитель мудрый неба и земли!

Сей юноша, — пусть он в себе не волен, —
Да будет вечно весел и доволен!»

И некто молвил: «Ты зачем, о пир,
Взмолился, чтобы счастлив был кафир?

Когда на трон воссядет царь неверный,
Где оборону мы найдем от скверны?»

И отвечал избранный средь людей:
«Вам темен тайный смысл моих речей?

Я к вечному с мольбою обратился,
Чтоб грешник сей прозрел и устрашился.

Коль от дороги зла отыдет он,
Блаженством вечным будет наделен.

Пять дней дано для радостей телесных,
Но радость вечная — в садах небесных».

Один из тех, кто мудрецу внимал,
Царевичу всю речь пересказал.

И речью той, как громом потрясенный,
Заплакал нечестивец беззаконный.

Раскаянья огонь его спалил,
Великий стыд гордыню сокрушил.

Надменный, буйный от начала века,
Послал он к старцу с просьбой человека:

«Прошу тебя со мной в мой дом войти,
Учи ходить по правому пути!»

И во дворец, с царевичем и свитой,
Вошел учитель правды знаменитый.

Светильники увидел и вино,
Пирующих; и все пьяным пьяно.

Тот голову бесчувственно склоняет,
Другой, держа бутыль, газель читает.

Певец стенает на одном конце,
Саки взывает на другом конце.

Все одурели от вина и банга,
Чангист склонился сонный к струнам чанга.

Те полупьяны, те совсем без чувств.
Смеялись лишь нарцисс и сахар уст.

Лишь бубен и струна согласно пели
Под звонкое стенание свирели.

«Всех — гнать! — сказал царевич, — полно пить!»
Все инструменты приказал разбить.

И струны рудов рвались и визжали.
Певцы, плясуньи с криком убежали.

Забили камнем погреба с вином,
Распарывали бурдюки мечом.

Из тыкв, бутылей, где вино хранилось,
Как из убитых уток, кровь струилась.

Большой кувшин, беременный вином,
До времени родил в разгроме том.

Ручьи вина по мрамору струились,
У драгоценных чаш глаза слезились.

Пришлось все плиты выломать, разбить,
И заново дворцовый двор мостить.

Так в мрамор красное вино впиталось,
Что краска та ничем не отмывалась.

Не диво, что забит был водосток, —
Ведь много выпил он в столь краткий срок.

И позже — каждый, кто бряцал струнами,
Как бубен, угощен был тумаками.

Всяк, бравший чанг, бежал — и зол и хмур,
С натертыми ушами, как тамбур.

Тот царский сын от пьянства и нечестья
Отрекся — стал примером благочестья.

Он прежде укоряем был отцом:
«Опомнись! Шествуй праведным путем».

Напрасны все отца угрозы были,
Ни цепи, ни тюрьма не пособили.

Но мудрый старец свет ему открыл.
О, если б он возмездием грозил,

В царевиче он злобу возбудил бы —
И нечестивец мудрого казнил бы.

От льва степного щит не защитит,
И тигра меч стальной не устрашит.

Будь ласков к зверю, и ручным он станет.
Будь с другом зол, врагом твоим он станет.

Ведь чем упорней молотом стучат,
Тем тверже станет кованый булат.

Не будь суровым, грубым в поученье,
Ожесточенным обещай прощенье.

Высоких, низких духом — всех познай,
И всем им уважение воздай.

Подымется от слов твоих презренный,
Опустит голову гордец надменный.

Мяч этот старец лаской взять сумел.
Но скорбь и горечь — злобного удел.

Учись делам добра и добрым думам.
«Горите в горе!» — злым скажи, угрюмым.

РАССКАЗ

Мед продавал веселый продавец,
Был смех его усладою сердец.

Как сахарный тростник перед народом,
Людей, как мух, он влек душистым медом

Своих речей. Когда бы яд, не мед
Он продавал, все б раскупил народ.

Ленивец некий, зноем усыпленный,
Завидуя торговле оживленной,

От зависти и от рожденья зол,
Мед приобрел и продавать пошел.

«Вот мед! Вот мед!» — кричал, что было духу.
Но мед его не приманил и муху.

Под вечер, с грузом меда своего
Он сел, не заработав ничего,

Угрюмый, словно узник в заточенье,
Как грешник без надежды на прощенье.

Жена сказала: «Так твой кисел вид,
Что мед твой поневоле всем горчит.

До ада доведет натура злая,
А доброму открыты двери рая.

И лучше мутный ток ручьев степных,
Чем ледяной шербет из рук твоих,

И чистый хлеб на скатерти у злого
Скверней всего запретного съестного.

Ты был озлоблен, продавая мед, —
Так знай: у злого прахом все пойдет!»

Ты счастлив, пусть ты не имеешь злата
Коль речь, как слово Саади, богата.

Слыхал я про пьянчугу, сквернеца,
Что спьяну взял за ворот мудреца.

Обиду претерпел, но духом светел —
Мудрец ничем сквернаву не ответил.

И некто молвил: «Меч свой обнаружь!
Бесчестье кровью смой! Иль ты не муж?»

И молвил старец мудрый благонравный:
«Себя ты речью не позорь бесславной!

Пусть пьяный неуч ворот мне порвет,
Безумного разумный не убьет».

Разумный муж, добро в себе несущий,
Ко всякой твари милостив живущей.

РАССКАЗ

Раз, в переулке, средь ночного мрака
Напала на ученого собака,

Промыв укусы, он не спал всю ночь.
С ним врач не спал и маленькая дочь.

Сказала дочь: «Что ж не вступил ты в драку?
Зачем ты сам не искусал собаку?»

Искусанный, стенанья затая,
Смеясь ответил: «Доченька моя!

Пусть пса зубастей и сильней я был бы,
Но я своих зубов не осквернил бы.

И осужденный острию меча,
Не укушу я ногу палача.

Пусть нелюди своей займутся дракой,
С собакой, человек, не будь собакой».

РАССКАЗ

Жил некий знатный муж, ему хвала.
Был ближний раб при нем — источник зла.

Всегда угрюмый, ликом безобразный,
Немытый, и всклокоченный, и грязный,

Озлобленный. И злобы не тая,
Он каждым словом жалил, как змея.

Был заглушаем чеснока излишек
Зловонным запахом его подмышек.

За пищу, не гонимый никогда,
С вельможею садился он всегда.

Хозяин говорит: «Хочу воды я»,
Раб отвечает: «Подадут другие».

Не исправим ни палкой ни кнутом,
Великий неустрой принес он в дом.

То на пол он колючек накидает,
А то цыплят в колодец побросает.

Хозяин скажет: «Сделай!» Он пойдет
И сделает, но все наоборот.

Ходжу спросили: «Притча ль в том какая,
Что терпишь ты такого негодяя?

Поверь, не стоит это существо,
Чтоб ты сносил все мерзости его.

Мы приведем тебе раба другого,
А этого сведем на круг торговый.

И если продадим его за грош,
И то добро! Ты пользу обретешь!»

Все выслушал вельможа добронравный
И засмеялся: «О, советчик славный!

Плох мой слуга и зол, — я признаюсь,
Но рядом с ним я лучше становлюсь.

Пусть мне при нем и скверно и постыдно,
Зато мне зло вселенной не обидно.

Сперва долготерпенье нас гнетет,
Но в дух войдя, становится, как мед.

РАССКАЗ

Тот, кто идет Маруфовой стезею,
Не гонится за славою земною.

Раз некий странник, падавший без сил,
Приюта у Маруфа попросил.

Он так был изнурен, что еле-еле
Держалась жизнь в его иссохшем теле.

Ухожен и уложен — он не спал,
Всю ночь на ложе охал и стонал.

Его стенанья душу раздирали,
Все люди в доме из-за них не спали.

«Смерть мне!» — вопил он, но не умирал
И никому покоя не давал.

То охал он, то начинал ругаться.
Из дома люди стали разбегаться.

И вот один Маруф остался с ним,
И сам ходил за стариком больным.

Не спал ночами, гостю услужая,
Давая пить, подушку поправляя.

Однажды сон Маруфа одолел,
Муж благородный тоже ослабел.

Но лишь закрыл усталые зеницы,
Старик сердитый громко стал браниться:

«Да будет проклят нечистивый род,
Что лицемерье совестью зовет!

Они о благочестии толкуют,
А сами лгут и верою торгуют.

Вот он — уснул, здоров, доволен, сыт,
Забыл, что рядом, мученик не спит!»

Так оскорблял он шейха и бесславил,
Что без вниманья, мол, его оставил.

И встал Маруф, стряхнул оковы сна.
Брань эту слышала его жена.

«О, господин, как он тебя поносит!
Он — гость, но он ведь требует — не просит.

Он всех измучил нас! Пускай уйдет!
Пускай, где сам захочет — там умрет!

Добро творить — всегда благое дело,
Но делать злым добро — дурное дело.

Негодному подушку не клади
Под голову; от злости отойди.

Ты добр и мудр, но выслушай без гнева:
На солонцах не вырастишь посева.

Твори добро, — таков завет отцов,
Но милостей не трать на подлецов.

Ведь люди злобные ни с кем не ладят.
Как кошку, пса пастушьего не гладят.

Но хуже пса, что служит нам весь век,
Неблагодарный злобный человек.

От скряги ты «спасибо» не услышишь,
Иль благодарность на воде напишешь.

Средь многочисленных твоих гостей
Я никого не видела подлей!»

Шейх засмеялся: «Милая супруга!
Наш бедный гость кричал от мук недуга.

Не он бранился — а болезнь его.
Не надо обижаться на него!

Я виноват, что дремою забылся...
Ведь он, несчастный, сна совсем лишился.

Пока ты молод, крепок и здоров,
Гнет облегчай тем, чей удел суров.

Ты молода, прекрасна и красива,
Но имя пусть в добре пребудет живо.

Кто древо благородства не взрастит,
Тот славы доброй сам себя лишит».

Некрополь в Кархе древними оставлен,
Но лишь Маруфа мавзолей прославлен.

Венец высокомерья растоптал
Маруф и вечной славой заблистал.

Не знает тот, кто званием кичится,
Что в скромности величие таится.

РАССКАЗ

Раз дерзкий нищий денег попросил
У мужа, что в тот день без денег был.

В кисете ни дирхема не сыскал он,
Все роздал раньше, будто разбросал он.

Тот наглый нищий наконец отстал
И мужа честного позорить стал:

«Таких смиренных надо сторониться!
Ведь это хищники во власянице.

Пусть шаг их не слышней кошачьих лап,
А дичь подстерегут и — цап-царап!

Не на торгу их лавка, а в мечети,
Там простаков они и ловят в сети.

Разбойники ограбят караван,
А эти снимут с нищего кафтан.

И пусть на их одежде — сплошь заплаты,
Но эти лицемеры все богаты.

Ячмень взамен пшеницы продают,
А нищему ни корки не дают.

Вот он с клюкой плетется — с виду хилый,
А на раденье где берутся силы?

Ух, как проворно кружатся они
В своей суфийской пляске,— сам взгляни!

Не верь, что этот старец изнуренный
Постится. Он прожорливей дракона.

На нем одежда грубая бедна,
Зато вся в жемчугах его жена.

Священной сунны он не почитает,
А лишь о сне и хлебе помышляет.

Как сядет есть, утробу так набьет,
Что после еле дух переведет!»

Вот так презренный попрошайка дерзкий
Порочил шейха клеветою мерзкой.

Кто низок сам, ни благородства тот,
Ни доблестей духовных не поймет.

И тот, кто по уши погряз в бесчестье,
Хотел бы утопить и нас в бесчестье.

Мюрид, что речи эти услыхал,
Все шейху второпях пересказал.

Пусть нас презренный клеветник поносит,
Но дурно, если друг хулу разносит.

Вот в спину враг тебе стрелу пустил,
Но не попал, вреда не причинил.

А друг стрелу порою подымает
И жало прямо в грудь, тебе вонзает.

И засмеялся шейх, и говорит:
«Пусть он меня порочит и хулит!

Но он не обличил и сотой части
Моих изъянов грубых — мне на счастье.

Ведь все, что в злобе им говорено,
И самому известно мне давно.

Когда бы знал невежда сей глубокий
Семидесяти лет моих пороки!

Один я знаю о своих грехах,
Свидетель им — всевидящий аллах!

О, если б этот клеветник презренный
Был прав — душой я стал бы совершенный!

Да обвиняй меня он в день Суда,
Я в божий рай вошел бы без труда!

Когда на мне столь малый грех он числит,
Клянусь, что обо мне добро он мыслит!»

Тот, перед кем открылся правды свет,
Был осыпаем в мире градом бед.

Молчи, пусть кожу мир с тебя сдирает,
А дух под бременем изнемогает.

Пусть прах святого на кувшин пойдет —
Его хула о камень разобьет.

РАССКАЗ

Салих — царь Шама — рано поутру
В мечеть пошел по длинному двору.

Закрыв лицо, — таков обычай старый, —
Прошел по уличкам, вокруг базара.

Он, мудрый, был щитом для нищеты, —
Вот — две царя достойные черты.

Он, подойдя к мечети, двух дрожащих
Бродяг застал на ступенях блестящих.

Продрогшие, тряслись они, стуча
Зубами и проклятья бормоча.

Один сказал другому: «Если станет
Все, как мы ждем, и судный день настанет —

Султаны эти, шахи и князья,
Упившиеся чашей бытия,

Они войдут в эдем с убогой братьей,
А я? Смогу ли голову поднять я?

Здесь наше бытие омрачено...
Пусть там нам царство вечное дано,

Я радостей эдема не познаю,
Коль там злодеев этих повстречаю.

От райских врат к геенскому огню
Пинками я Салиха отгоню!»

Слова дервиша царь Салих услышал
И, молча, из ворот мечети вышел.

И вот, заря рассвета занялась
И влагой утра смыла дрему глаз.

Салих велел позвать двух тех дервишей,
Их на айване посадил всех выше.

Он их возвысил, щедро одарил,
От пыли давних бедствий их отмыл.

И бедняки, что ночью коченели
От холода, среди вельмож сидели.

Горящего алоэ аромат
Овеивал их нищенский халат.

Один из них — измученный и сирый —
Сказал Салиху: «О владыка мира!

Вокруг тебя избранники судьбы.
Зачем мы здесь нужны твои рабы?»

И рассмеялся, словно роза светел,
От радости Салих и так ответил:

«Я не из тех презренных гордецов,
Что хмурятся при виде бедняков!

Коль здесь ко мне ты плохо отнесешься,
Как ты со мной в эдеме уживешься?

Здесь на пиру со мною восседай,
Но рай передо мной не запирай!»

Живи, но не забудь о мире высшем,
Десницу помощи простри дервишам!

Сей семена добра! Иль никогда
Не вкусишь ты от райского плода!

Где нет любви, там счастья не найдете,
Човганом зла свой мяч вы не возьмете.

Не будет лампа яркая светить,
Коль масло в ней водою заменить.

Лишь тот дорогу людям освещает,
Кто, как свеча горящая, пылает.

РАССКАЗ

Жил некий звездочет; в кругу доверья
В великое он впал высокомерье.

Учиться он к Хушьяру прибыл в дом,
Во всем высокомерии своем.

Взглянул Хушьяр на гордеца сурово
И пристально, и не сказал ни слова.

Но, провожая гордеца того,
Напутствие изрек он для него:

«Ты полон знаньями, тебе так мнится.
Чему же ты пришел ко мне учиться?

Ты полон гордости? Уйдешь пустым,
Наполнись содержанием живым!»

Как Саади, средь горестных скитаний,
Уйдя пустым, вернись — исполнен знаний!

РАССКАЗ

Бежал невольник шахский. Поскакали
За ним вдогон. Нигде не отыскали.

Вернулся раб к владыке своему,
А шах сказал: «Эй, стражи, смерть ему!»

Меч обнажил палач. И так блеснул он —
Тот меч, как будто влагою плеснул он.

И раб сказал: «Здесь — гибель бытию,
Но я врагу прощаю кровь мою.

В обиде я, но под его державой
Я осенен был милостью и славой.

"О, боже, кровь мою ему прости,
Погибели его не допусти!»

Потрясся, это слыша, царь жестокий,
Стал целовать раба в глаза и щеки.

И он слугу строптивого того
Главой поставил войска своего.

Судьба возвысила от места казни
К вершинам славы чуждого боязни.

Порой, как влага, ласковая речь
От пламени нас может остеречь.

Эй, друг, с врагом разгневанным, надменным
Будь, если нужно, мудрым и смиренным.

В бою — защита воину от ран
На шелке толстый стеганый кафтан.

РАССКАЗ

Шел некто мимо хижины дервиша
И стал, собачий вой внутри услыша.

Подумал: «Здесь живет святой захид;
Что за собака у него скулит?»

Вошел прохожий в бедное жилище
И видит: молится отшельник нищий.

С ним нет собаки, и не может быть.
В чем тайна — постеснялся он спросить.

Сказал святой: «Что стал ты у порога?
Входи, о человек, во имя бога!

Тебя собачий вой остановил?
А это сам я по-собачьи выл.

Бог — щит несчастным. Навсегда теперь я
Отверг и гордость, и высокомерье,

И взвыл, как пес, я пред творцом всего!
Ведь пес — несчастнейшее существо».

Сойдя с вершин гордыни в дол смиренья,
Духовного достигнешь возвышенья.

Наступит срок и станет выше всех
Тот, кто себя поставит ниже всех.

Поток, рожденный горного грозою,
Грохочет, в бездну рушась головою.

Роса на луг ложится — не слышна,
Но к звездам подымается она.

РАССКАЗ

Твердят, что был глухим Хатам из Тая;
Не верьте! Это выдумка пустая!

Раз он жужжанье мухи услыхал,
В сетях паучьих муху увидал.

Все поняли, что шейх лишь притворялся
Глухим; он тонким слухом отличался.

На муху поглядел Хатам мудрец:
«Вот — Жертва алчности! Тут ей конец!

Не знала, что не только мед и соты,
А есть в углах ловушки и тенета».

И некто из старейшин произнес:
«О, мудрый муж, ответь на мой вопрос:

Как внял ты, при отсутствующем слухе,
Чуть слышное жужжанье этой мухи?

Позволь мюридам преданным твоим
Отныне не считать тебя глухим!»

Хатам в ответ: «Не лучше ль, человече,
Оглохнуть, чем пустые слушать речи?

Узнав, что я не глух, наперебой
Начнут мне льстить сидящие со мной.

Я не услышу правых осуждений,
Испорчусь я от низких восхвалений.

Прикидывался долго я глухим,
Чтоб вольно было говорить другим.

Слывя средь вас глухим, я жил счастливо,
Судимый и хвалимый справедливо.

Бывало так. Порок осудят мой —
Я избавлялся от черты дурной».

Не попадай, как муха, в сети лести,
Будь чуток, как Хатам, к веленьям чести!

Кто смысла этой притчи не поймет,
Тот счастья и добра не обретет.

РАССКАЗ

Жил муж святой в Табризе; он не спал
Ночами — в созерцанье пребывал.

Однажды ночью, странный шум услыша,
Он видит вора на соседней крыше.

А муж святой? — тревогу поднял он.
Сбежалась вмиг толпа со всех сторон.

Сбежались — кто с дубиной, кто с тешою.
А вор прощаться не хотел с душою, —

Хоть он от страха смертного дрожал,
Но, улучив мгновенье, убежал.

Одумавшись, суфий сказал: «Несчастный!
Его судьба поистине ужасна».

И в темноте, ведом чутьем своим,
Пошел за вором и предстал пред ним.

Сказал: «Ты храбр. Но друг, во имя бога,
Ты больше этой не ходи дорогой.

Ты храбр, но ты не лезь в гнездо врагов.
Есть мужество и храбрость двух родов:

Сражаться насмерть иль, предвидя беды,
Бежать, когда зашла звезда победы.

В обоих случаях — я восхищен.
Я доблестью твоею покорен.

Ты воровством живешь — коль молвить честно...
Так вот — мне место некое известно.

Дверь на замке, хозяев нет давно,
А за стеной — добра полным-полно.

Пойдем-ка, друг, туда без дальней речи!
Я у стены взберусь тебе на плечи.

Все заберем, что сможем там забрать,
Дабы хоть два—три дня не голодать!»

Так хитрой лестью вора он опутал,
Повел с собой. Их мрак ночной окутал.

Привел он вора к дому своему
И взгромоздился на плечи ему.

Одежду всю свою, что поновее,
Бросал, шепча: «Увязывай живее!»

И с крыши закричал: «На помощь! Эй!
Ко мне забрался вор! Сюда живей!»

А вор с большим узлом, в переполохе,
Бежал средь этой новой суматохи.

Вот так утешился тот муж святой,
Что вор домой вернулся не пустой.

Тот вор, что людям был врагом извечным,
Прощен был мудрецом добросердечным.

Не удивляйся мудрецам былым,
Что милость проявляли к людям злым.

Так злой под сенью доброго спасется,
Хоть он добра от злого не дождется.

РАССКАЗ

Муж некий с чистым сердцем и душой
Пленен был воплощенной красотой.

Злословье, что он слышал непрестанно,
Как легкий мяч от крепкого човгана,

Отскакивало. Он бровей своих
Не хмурил, слыша хор клевет людских.

Спросили: «Как ты терпишь вздор их злобный,
Камням в тебя кидаемым подобный?

Тебя позорят! Как же сносишь ты
Такое поношенье клеветы?

Ужель, свое оружье обнаружа,
Не можешь ты явить им доблесть мужа!?»

Он помолчал и так им отвечал —
На золоте б ответ я написал:

«Душа — любви и красоты жилище;
Все в ней. Но лишь для мести нет в ней пищи».

Раз двух отшельников Бахлул застал
Дерущимися и, вздохнув, сказал:

«О, если б солнце красоты из мрака
Взошло для них, не началась бы драка!»

Для тех, кто суть познал, весь мир, как дым,
Струящийся перед лицом твоим.

РАССКАЗ

Мудрец Лукман был черен, как арап,
Невзрачен, ростом мал и телом слаб.

Приняв за беглого раба, связали
Вождя людей и строить дом пригнали.

Хозяин издевался над рабом;
Но в год ему Лукман построил дом.

И тут внезапно беглый раб вернулся.
Хозяин все узнал и ужаснулся.

Валялся у Лукмана он в ногах.
А тот, смеясь: «Что мне в твоих слезах?

Как я свою обиду вмиг забуду?
Твою жестокость век я помнить буду!

Но я тебя прощаю, человек.
Тебе — добро, мне — выучка навек.

Теперь ты в новом доме поселился,
Я новой мудростью обогатился:

Раб у меня есть; я жесток с ним был,
Работой непосильною томил.

Но мучить я его не буду боле, —
Так тяжко было мне в твоей неволе».

Кто сам не знает, что такое гнет,
Тот состраданья к слабым не поймет.

Ты оскорблен правителем законным?
Не будь же груб с бесправным подчиненным!

Как тут Бахрамовых не вспомнить слов:
«Не будь, правитель, к подданным суров!»

РАССКАЗ

Джунейд, хранитель правды и святыни,
Увидел пса беззубого в пустыне.

Огромный пес, что прежде льва хватал,
Сегодня от шакалов убегал.

Он — бывший горных серн ловцом вчерашним,
В пустыню изгнан был козлом домашним.

Так жалок пес и так измучен был,
Что с ним учитель хлеб свой поделил.

Сказал: «Кто лучше? Я иль пес несчастный?
Неведом путь грядущего опасный.

Коль твердо путь пройду я до конца,
То не лишусь я милости творца.

А если заблужусь в духовном мраке,
Не стану ли несчастнее собаки?

Издохнет бедный пес, — но не придут
За ним. И в вечный ад не уведут».

Таков твой путь!.. Все, кто — с душой живою,
Не преклоняются перед собою.

В том праведных духовная краса,
Что числили себя не выше пса.

РАССКАЗ

Об голову захида расколол
Пьянчужка лютню. Он с пирушки брел.

Захид, едва забрезжил луч рассвета,
Пришел к пьянчужке: «Вот тебе монета!

Ты пьян был, темя мне раскровянил.
Но ты, глупец, и свой барбат разбил!

Я жив, на лбу из пластыря заплата.
А чем тебе кормиться без барбата?»

Кто злобою людской не пощажен,
Возвышен будет, к свету вознесен.

РАССКАЗ

В пределах Вахша, средь пустыни дикой,
Жил некогда отшельник — муж великий.

Он был суфий по сущности своей,
Не клянчил подаянья у людей.

Врата пред старцем счастье распахнуло,
Но двери для людей к нему замкнуло.

Завистник некий мудреца того
Решил унизить, оболгать его:

«Остерегайтесь от его обмана, —
Он злобный див на троне Сулеймана!

Как кошка, моясь, он намаз творит,
А сам за дичью бедною следит.

Для славы мучит он себя жестоко!
Пуст барабан, да слышен звук далеко».

Так говорил он, толпы собирал,
Так он мужчин и женщин потешал.

И тут мудрец из Вахша, духом ясный,
Взмолился: «Пусть покается несчастный!

А если прав он, боже, как мне быть?
Как душу мне свою не погубить?

Не прав ли был, когда меня хулил он?
Мое нутро дурное мне открыл он!»

Прав он, коль я им право обвинен;
А коль не прав — скажи: «Изыди вон!»

Пускай невежда скажет: «Муск воняет!..»
Глупец, он свойства мускуса не знает!

Он скажет: «Неприятно пахнет лук!..»
Ты на него не обижайся, друг.

Не купит муж разумный, светоч знаний,
Бумажку с письменами заклинаний.

Ты светел будь! И не найдет злодей
Изъянов в чистой сущности твоей!

Когда тебя враги язвят жестоко,
Проверь-ка, нет ли у тебя порока.

Мне друг лишь тот, кто правды не таит
И о моих пороках говорит.

РАССКАЗ

К Али-халифу некто в затрудненье
Пришел, прося: «Ты тяжбе дай решенье!»

Эмир великий, покорявший свет,
Просящему разумный дал ответ.

И молвил некто, бывший близ владыки:
«Неправильно решил ты, муж великий!»

И Лев-Али сказал: «Ну, удружи —
Как лучше нам решить их спор — скажи?»

Открыл тот море мудрости глубинной.
Источник солнца не замажешь глиной.

Одобрил Лев-Али его ответ:
«О друг, ошибся я! Ты — прав; я — нет.

Но выше нас один, чье «Тайна» имя.
Что мы пред ним, со знаньями своими?»

То был — Али. А нынче властелин
Убил бы старца, не щадя седин.

А в лучшем случае — схватить велел бы,
Ни за что ни про что избить велел бы.

Мол, нас, владык, ты не бесчести впредь!
Против рожна бессмысленно переть!

О друг! Нет к слову истины доверья
У тех, в чьей голове — высокомерье.

Наука — скука им, и впрок нейдет.
Степной тюльпан на камне не растет.

Коль перлы ты достал из бездны знанья,
Дервишам их раздать — благодеянье.

И пред тобой, едва весна придет,
Воспрянет куст и роза расцветет.

Не расточай ума перед тупою,
Надменной и презрительной толпою.

Кто сам себя великим возомнит,
Тот осуждения не избежит.

Себя не превозносит благородный.
Хвалящийся, не жди хвалы народной!

РАССКАЗ

Халиф Омар базаром проходил
И на ногу дервишу наступил.

Дервиш Омара не встречал дотоле;
Он выругался, застонав от боли:

«Ты что — ослеп? Иль переулок мал?»
И так ему властитель отвечал:

«Я не ослеп. Но не суди же строго!
Мою вину прости мне, ради бога!»

Так обращаться с подданным своим
Им было свойственно — мужам святым.

День будет: пред величием смиренных
Поникнут от стыда главы надменных.

Страшись суда и, духом восскорбя,
Прощай, эмир, страшащихся тебя!

Не притесняй стоящих под тобою, —
Ведь есть рука и над твоей рукою.

РАССКАЗ

Жил некто; никого он не хулил,
Добро и в скверных людях находил.

И после смерти другу он приснился;
А тот: «Скажи мне, где ты очутился?»

И дух, раскрыв уста, как вешний цвет,
Как соловей, пропел ему в ответ:

«Я не унижен здесь и не обижен
За то, что мной никто был не унижен».

РАССКАЗ

Однажды Нил — небесный водонос —
Большой воды Египту не принес.

К горам и небу лица обратили
Египтяне, дождя послать молили.

И хоть взывал и плакал весь народ,
Не плакал безответный небосвод.

И наконец Зун-Нуну сообщили,
Что дни беды в Египте наступили.

«О мудрый, помолись о бедняках!
Ведь внемлет сам твоим словам аллах!»

И в Медиан ушел Зун-Нун. И вскоре
Пошли дожди; Нил разлился, как море.

Весть в Медиан лишь через двадцать дней
Дошла, что Нил в разливе от дождей.

И встал Зун-Нун, что о дожде молился,
В Египет — восвояси устремился.

«Скажи учитель! — некто вопросил, —
Зачем ты к нам молиться приходил?»

Зун-Нун сказал: «От бедствий не укрыться
За грех чужой — ни муравью, ни птице.

В Египте хуже нет людей, чем я!
В том бедствии была вина моя.

И вот поистине свершилось чудо,
Когда поспешно скрылся я оттуда!»

Так, добрый счел себя причиной зла.
Добро тебе за добрые дела!

Кто за людей пожертвует собою —
Прославится народною хвалою.

Великий, кто себя не вознесет,
Величье истинное обретет.

Лишь тот от праха суеты и тленья
Очистится, кто жизнь прошел в смиренье.

Ты, что увидишь будущие дни,
Меня молитвой доброй помяни!

Не плачет Саади, что стал он прахом. —
Он был и в жизни — прах перед аллахом.

Не сетуя, он принял свой удел,
Хотя весь мир, как ветер, облетел.

Пройдут века, рассыплются гробницы...
И снова прах над миром заклубится.

Но, кто еще так пел, как Саади,
В саду расцветшей мысли? — Сам суди!

Смолк соловей! Меня в мазар опустят,
Но роза куст свой надо мной распустит.

Не пропадет такой певец, как ты,
Без цвета розы — в бездне темноты!

Г Л А В А П Я Т А Я

О довольстве юдолью

В ночи раздумий зажигал я лен;
И светоч речи мною был зажжен.

И стал хвалить меня пустоголовый,
Пути признанья не найдя иного.

Но в похвалу он влил немало зла;
И зависть, словно боль, в нем изошла.

Писал он: «Мысли Саади высоки! —
Гласили так лишь древние пророки.

Но как он слаб, — кого ты ни спроси, —
В картинах битв — в сравненье с Фирдуси!»

Должно быть, он не знал, что мир мне нужен,
Что с громом браней сердцем я не дружен.

Но если нужно, как булатный меч,
Язык мой может жизнь врага пресечь.

Что ж, вступим в бой, но заключим условье:
Нам вражий череп будет — изголовье...

Но в битве меч сильнейшим не помог, —
Победу лишь один дарует бог.

Коль счастье озарять нас перестанет,
Храбрейший муж судьбу не заарканит.

И муравей по-своему силен;
И лев, по воле неба, насыщен.

Ничтожный перед волей небосклона,
Иди путем предвечного закона!

А тот, кому столетний век сужден,
Львом и мечом не будет истреблен.

Коль осужден ты небом — не во власти
Тебя спасти бальзам от злой напасти.

Рустама не злодей Шагад сгубил,
А смертный срок Рустама наступил.

РАССКАЗ

Жил в Исфахане войска повелитель,
Мой друг — отважный, дерзостный воитель.

Всю жизнь он воевать был принужден,
Был город им и округ защищен.

С утра, разбужен ржаньем, ратным гулом,
Его в седле я видел — с полным тулом.

Он львов отважных видом устрашал,
Быков рукой железной поражал.

Когда стрелу во вражий строй пускал он,
Без промаха противника сражал он.

Так лепесток колючка не пронзит,
Как он пронзал стрелой железный щит.

Когда копье бросал он в схватке ратной,
Он пригвождал к челу шелом булатный.

Как воробьев, он истреблял мужей;
Так саранчу хватает воробей.

Коль он на Фаридуна налетел бы,
Тот обнажить оружье не успел бы.

С его дороги пардус убегал,
Он пасти львов свирепых раздирал.

Схватив за пояс вражьих войск опору —
Богатыря он подымал, как гору.

Он настигал врага быстрей орла
И разрубал секирой до седла.

Но в мире был он добрым и беззлобным;
Нет вести ни о ком ему подобном.

Он с мудрыми учеными дружил;
В те дни, как лучший друг, он мне служил.

Но вот беда на Исфахан напала.
Судьба меня в иной предел угнала.

В Ирак ушел я, переехал в Шам, —
И прижился я, и остался там.

Я жил в стране, где помнили о боге, —
В заботах, и в надежде, и в тревоге.

Довольство там царило и покой.
Но потянуло вдруг меня домой.

Пути судьбы затаены во мраке...
И снова очутился я в Ираке.

Я там обрел и кровлю и досуг;
Но вспомнился мне исфаханский друг.

Открылась память дружбы, словно рана;
Ведь с одного с ним ел я дастархана.

Чтоб повидать его, я в Исфахан
Пошел, найдя попутный караван.

Но, друга увидав, я ужаснулся:
Его могучий стан в дугу согнулся.

Вершина темени оделась в снег,
Стал хилым старцем сильный человек.

Его настигло небо, придавило,
Могучей длани силу сокрушило.

Поток времен гордыню преломил.
В слезах, пред ним чело я преклонил.

Спросил: «О, друг мой! Что с тобою стало?
Как, лев, ты превратиться мог в шакала?»

Он усмехнулся: «Лучший божий дар
Я растерял в боях против татар.

Я, как густой камыш, увидел копья...
Как пламя, стягов боевых охлопья!

Затмила туча пыли белый свет...
И понял я: мне счастья больше нет.

Мое копье без промаха летало,
Со вражеской руки кольцо сбивало.

Но окружил степняк меня кольцом...
Звезда погасла над моим челом.

Бежал я, видя, — сгинула надежда!
С судьбой сражаться выйдет лишь невежда.

Ведь не помогут щит и шлем, когда
Погаснет счастья светлая звезда.

Когда ты ключ победы потеряешь,
Руками дверь победы не взломаешь.

На воинах моих была броня,
От гребня шлема до копыт коня.

...Как только рать туранская вспылила,
Вся стала наша боевая сила.

Мы молнии мечей, — сказать могу, —
Обрушили на войско Хулагу.

Так сшиблись мы, сказать хотелось мне бы,
Как будто грянулось об землю небо.

О, стрелы! — Как от молний грозовых,
Нигде спасенья не было от них.

Арканы вражьи змеями взлетали,
Сильнейших, как драконы, настигали.

Казалась небом степь под синей мглой,
В пыли мерцал, как звезды, ратный строй.

Мы скоро в свалке той коней лишились —
И, пешие, щитом к щиту сразились.

Но счастье перестало нам светить;
И наконец решил я отступить.

Что сделать сильная десница может,
Коль ей десница божья не поможет.

Не дрогнули мы, не изнемогли, —
Над нами звезды бедствия взошли.

Никто из боя не ушел без раны.
В крови кольчуги были и кафтаны.

Как зерна, — прежде в колосе одном, —
В тумане мы рассыпались степном.

Рассыпались бесславно те; а эти,
Как стая рыб, врагу попали в сети.

Хоть наши стрелы сталь пробить могли,
Ущерба степнякам не нанесли.

Когда судьбы твоей враждебно око,
Что щит стальной перед стрелою рока?

Что воля перед волею судьбы? —
О, вы, предначертания рабы!

РАССКАЗ

Жил в Ардебиле муж; идя на бой,
Щит и броню он пробивал рукой.

И вышел некий, небывалый прежде,
Из степи всадник в войлочной одежде.

Как шах Бахрам, не обнажив меча,
Круги он делал, сняв аркан с плеча.

Его увидев, ардебилец смелый
Напряг свой лук звенящий до предела.

Он пять десятков стрел в него пустил,
Но не одною войлок не пронзил.

А тот, одетый в войлок, раскрутил он
Аркан — и ардебильца запетлил он.

Сорвал его с седла и в плен угнал,
И руки, как разбойнику, связал.

Не спал в ночи тот пленник, полн обидой.
И страж сказал: «Удаче не завидуй!

Но как же ты — людей в броне разил —
А войлочной одежды не пронзил».

И пленник отвечал: «Никто не знает,
Где час его последний ожидает.

Ведь я Рустама мог бы поучить
Стрелять из лука и копьем разить.

Когда рука судьбы меня хранила,
Железо для меня, как войлок было.

Но рыхлый войлок крепкой стал броней
Для стрел моих. Я обречен судьбой.

Что пред судьбою панцирь исполина?
Судьба за нас — нам панцирь и холстина.

Коль меч судьбы над смертным занесен,
Стальной броней не будет он спасен.

Но сталь сразить раздетого не сможет,
Когда сама судьба ему поможет.

От часа смерти мудрость не спасет;
Час не пробьет — невежда не умрет».

РАССКАЗ

Курд животом страдал, всю ночь не спал он.
Врач осмотрел больного и сказал он:

«Больной долмы чрез меру съел вчера, —
Едва ли он дотянет до утра!

И стрел туранских раны исцелимы,
Но хуже — вред от пищи несваримой.

Когда в кишках начнется заворот,
Его ничье искусство не спасет!»

Врач умер по неведомой причине.
Прошло лет сорок. Курд здоров доныне.

РАССКАЗ

Осел у земледельца околел,
Хозяин череп на сучок надел.

И некий старец, шедший вдоль селенья,
Сказал, смеясь, хозяину владенья:

«Не думай, что ослиный череп сей
Спасет от сглаза сев твоих полей.

Ведь сам спастись от палки не умел он,
Пока от немощей не околел он».

И врач, — что о недугах знает он?
Ведь сам в недугах умирает он.

РАССКАЗ

Раз уронил динар бедняк убогий,
Искал его он долго на дороге.

И не найдя, домой к себе побрел;
А некто, не искав, динар нашел.

На счастье иль беду обречены мы
Судьбой, когда еще не рождены мы?

Судьбу не скрутишь силою своей.
Порою сильный слабого слабей.

Как часто врач премудрый умирает,
Невежда и несчастный выживает.

РАССКАЗ

Ударил сына палкою старик,
«Не бей меня! — бедняга поднял крик. —

Ты щит мой от людского притесненья,
Коль ты меня теснишь — где мне спасенье?»

* * *

У бога нам покров, как у отца,
Но не к кому взывать против творца.

РАССКАЗ

Жил некто под высокою звездою —
Муж Бахтиар, обласканный судьбою.

Был дом его, как закрома зерном,
Наполнен золотом и серебром.

Он был богат и счастлив, а в соседстве
Томились люди от нужды и бедствий.

А бедняка, при виде богачей,
Огонь нужды сжигает горячей.

Жил некто; всё из рук его валилось,
Не ладилось. И с ним жена бранилась:

«Чей есть удел несчастней моего?
Скажи, что ты имеешь? Ничего!

Ты поучись, как жить, у Бахтиара!
Не то уйду совсем — ты мне не пара.

Ты на соседей богачей взгляни.
Зачем же не живем мы, как они?»

Чистосердечный в нищенской одежде
Ответил ей, отчаявшись в надежде:

«Я делал все, что мог. Но труд любой
Напрасен был, не сладил я с судьбой.

Чему учиться мне у Бахтиара,
Коль не дано мне счастливого дара?»

РАССКАЗ

Портной почтенный, живший в Киш стране
Сказал своей уродливой жене:

«Коль щеки оспою твои изрыты,
Смирись, румян, белил не изводи ты.

Напрасно в спор вступать с судьбой самой,
Не скроешь безобразия сурьмой».

Мудрец не ждет добра от твари злобной,
Собака шить одежду не способна.

Не знали средств ни Греция, ни Рум,
Чтоб делать мед из дерева закум.

Людьми четвероногие созданья
не станут, — тут напрасны все старанья.

И сколько грубый туф ни шлифовать,
Он зеркалом не может заблистать.

Ивняк цветеньем роз не заалеет,
И после бани негр не побелеет.

От стрел судьбы стена не защитит.
Смирение — один у смертных щит.

РАССКАЗ

Однажды коршуну, высоко рея,
Гриф прокричал: «Я вижу всех острее!»

Ответил коршун: «С этой высоты
Что там в степи безлюдной видишь ты?»

И к коршуну, исполненный презренья,
Гриф на земь глянул с высоты паренья.

И отвечал: «Поверишь ли, одно
Я вижу там пшеничное зерно».

А коршун удивился: «Неужели?»
И оба вниз, как стрелы, полетели.

Гриф черный первым на зерно упал
И сразу лапой в западню попал.

Гонясь за целью жалкою такою,
Не знал, что будет пойман он судьбою.

Не в каждой раковине перл растет,
Не каждый в цель стрелою попадет.

И крикнул коршун: «Ты, чье зорко око,
Как ты не видел западни жестокой?»

И черный гриф в ответ проклекотал:
«Глупец, я в западню судьбы попал!

Мне зоркость глаз моих не изменила,
Сама судьба мне зрение затмила».

Гордыня не помощник для пловцов
В пучине, где не видно берегов.

РАССКАЗ

Как мудро молвил ткацкий подмастерье,
Симурга выткав радужные перья:

«Я образ на ковре создам любой,
Когда подскажет мне наставник мой.

О смертный, нашу радость и мученье
Предначертало предопределенье.

Коль скажешь: «Зейд и Амр меня теснят!» —
Поверь, твой дух неверием объят.

Ведь Зейд и Амр лишь призрак — не преграда
Пред светом проницательного взгляда.

Пусть труженик молитву не прочтет,
Десница божья хлеб ему пошлет.

Создатель чашу благ твоих умножит;
Коль он не даст, никто другой не сможет.

Верблюдице в дороге сосунок
Кричал: «Я спать хочу, я изнемог!»

А та: «Когда б кольцо не понуждало,
Я на горбу вьюки бы не таскала!»

Так буря, руль разбив, корабль несет
По бурным волнам... кто его спасет?

О Саади, средь бедствий избавленья
Не жди от шахов; бог — твое спасенье.

Ты твердо верь и, верящий, найдешь,
А отвернется он — к кому пойдешь?

Один он сделает тебя счастливым!
Но в бедствиях не предавайся дивам.

* * *

Сильна молитва о делах добра.
Что скорлупа ореха — без ядра?

Что толку в колпаке, в одежде рваной,
Когда она надета для обмана!

Не хвастай доблестью, а покажи
На поле, где сражаются мужи.

Ты будь, каков ты есть — да не осудят.
Коль сильный скромен — посрамлен не будет.

Стыд, коль парчу, что взял ты напрокат,
Сорвав, твои лохмотья обнажат.

Тебе ходули роста не прибавят,
Тебя, как исполина, не прославят.

Не серебри, лукавый, медяки, —
Теперь не примут их и простаки.

Не золоти пашизы, ведь бывалый
Лишь посмеется над тобой меняла.

И медь от золота отделена,
Когда в плавильню брошена она.

* * *

Так поучал Бобокухи бывало
Ученика, чья совесть не дремала:

«Будь в вере тверд, путем добра иди,
А от людей добра себе не жди.

Те, кто тебя доныне прославляли,
Твою лишь форму внешнюю узнали».

Что пользы облаченному парчой,
Коль под одеждой он покрыт паршой.

В рай не попасть обманом. В день суровый
Все с лицемерия спадут покровы.

РАССКАЗ

Поститься малолетний захотел,
До полдня муки голода терпел.

Увидя в нем так много доброй воли,
С него урок не спрашивали в школе.

А дома принялись отец и мать
Ласкать его, хвалить и одарять.

Но лишь обеда время миновало,
В его желудке пламя запылало.

Подумал он: «Я ослабел совсем...
Пойду и ото всех тайком поем».

На пост он для родителей решился,
Поел, а сделал вид, что день постился.

Кто уличит творящего намаз
Не для всевышнего, а напоказ?

Противен ростовщик немилосердный,
Что пред народом молится усердно.

О, лицемерье набожных святош,
Ты прямиком в геенну их ведешь.

И коврики пойдут в геенну следом
За сонмом осужденных вечным бедам.

РАССКАЗ

Богач, сходя по лестнице, упал
И тут же бездыханным трупом стал.

Поплакал сын его; и вновь ночами
Пошел кутить с гуляками-друзьями.

И вот приснился раз ему отец.
А сын: «Ну как? Ты спасся наконец?»

«О, сын! — ответил дух и омрачился, —
С той лестницы я прямо в ад скатился!»

Неверный-честный выше средь людей.
Чем славою увенчанный злодей.

Ночной разбойник в пору воздаянья
Правей, чем грешник в чистом одеянье.

Виновникам насилий и обид
Великий судия да возместит.

Когда ты в доме Зейда в услуженье,
Не жди от Амра, сын, вознагражденья!

Придет ли странник к другу своему,
Коль друг лицом не обращен к нему?

Ты день за днем иди прямой дорогой,
Пока не станешь у его порога.

Или, подобно лошади слепой,
Вертеть ты вечно будешь жернов свой.

Как те, что от михраба отвратятся,
Должны средь нас неверными назваться.

Так тот к неверным будет приобщен,
Кто к Истине лицом не обращен.

Смотри зимой, ухаживай по вёснам
В саду своем за древом плодоносным.

Но ты душой бесплоден, человек,
Коль в сердце корни верности пресек.

Кто сев ячменный на камнях посеет,
Тот ни зерна по жатве не отвеет.

Ты чести низкого не доверяй,
Водою чистой грязь не называй.

И пусть я буду внешне благороден,
Что пользы, если подл я и негоден.

Из лицемерья шьет хырку * подлец,
Но примет ли хырку его творец?

Кто язвами постыдными страдает,
Сам знает что под платьем он скрывает.

Что весит полный воздухом бурдюк,
Коль мера — правда, а оценщик — друг.

Притворщика ученым называли,
А умер он — ни строчки не сыскали.

Парче всегда в подкладку бязь дана, —
Подкладка скрыта, а парча видна.

Что слава людям истинного толка?
Суровы, но подкладка их из шелка.

Коль хочешь быть поистине богат,
Сними с себя свой золотой халат.

Не шутка было слово Баязида:
«Неверный безопаснее мюрида».

Султаны, что вершат над нами суд,
Просителями к вечному придут.

Муж правды на несчастных не подымет
Руки! Суму у нищих не отнимет!

И если ты жемчужиной чреват,
Своим богатством в тайне будь богат.

Коль друга свет тебе при жизни светит,
Не Джабраил тебя, а бог заметит.

Коль у тебя сомнение в груди,
Внемли, о сын, советам Саади!

Внемли сегодня и раскайся слезно.
Раскаешься потом, да будет поздно.

Внимать сегодня мудрым надлежит.
Кто знает — что нам завтра предстоит?

Г Л А В А Ш Е С Т А Я

О довольстве малым

В стяжании пекущийся о многом
Не знает бога, не доволен богом.

Сумей богатство в малом обрести
И эту правду жадным возвести.

Чего ты ищешь прах, алчбой гонимый?
Злак не растет ведь на праще крутимой.

Живущий духом чужд телесных нег.
Забыв свой дух, убьешь его навек.

Живущий духом доблестью сияет.
Живущий телом доблесть убивает.

Суть человека постигает тот,
Кто сущность пса сперва в себе убьет.

О пище мысли бессловесной твари,
Мысль человека — о духовном даре.

Блажен, кто сможет на земном пути
Сокровища познаний обрести.

Кому творенья тайна явной станет,
Тот света правды отрицать не станет.

А для невидящих, где мрак и свет,
Меж гурией и дивом розни нет.

Как ты в колодец, путник, провалился?
Иль твой, в степи открытой, взор затмился?

Как сокол в высь небесную взлетит,
Коль, птицу камнем алчность тяготит?

Как можешь ты с крылатыми сравняться,
Когда привык вседневно пресыщаться?

Ведь ангелом парящим, как звезда,
Не станет жадный хищник никогда.

Стань Человеком в помыслах, в делах,
Потом мечтай об ангельских крылах.

Ты скачешь, как несомый злобным дивом,
На необъезженном коне строптивом.

Скрути узду! Иль волю он возьмет, —
Сам разобьется, и тебя убьет.

Обжора тучный, духом полусонный,
Ты человек иль ум обремененный?

Утроба домом духа быть должна,
А у тебя она едой полна.

"Бурдюк словам о боге не внимает,
И алчный от обжорства умирает.

Кто вечными пирами пресыщен,
Тот мудрости и знания лишен.

Глаза и плоть вовек не будут сыты,
Все мало им, и хоть кишки набиты,

Они — геенна, — грешников полна:
«Еще прибавьте!» — вопиет она.

Ел мало сам Иса, светильник веры;
Что ж кормишь ты осла его без меры?

Что приобрел ты в этом мире зла,
Сменивший откровенье на осла?

Ведь алчностью свирепой обуянных
Зверей и птиц находим мы в капканах.

Тигр над зверями царь, а поглядишь —
Попался на приманку, словно мышь.

И как бы мышь к еде не кралась ловко,
Ее поймает кот иль мышеловка.

РАССКАЗ

Мне человек, что речь мою любил,
Слоновой кости, гребень подарил.

Но за слово обидевшись, однако,
Он где-то обозвал меня собакой.

Ему я бросил гребень, молвив: «На!
Мне кость твоя, презренный, не нужна!»

Да, сам к себе я отношусь сурово,
Но не стерплю обиду от другого!

В довольстве малым мудрые сильны.
Дервиш и сам султан для них равны.

Зачем склоняться с просьбой пред владыкой,
Когда ты сам себе Хосров великий?

А себялюбец ты? Ну, что ж, смирись:
Ходи, проси, у всех дверей стучись!

РАССКАЗ

Однажды скряга некий, полный страха,
Явился с просьбой к трону Хорезмшаха.

В прах перед шахом он лицо склонил,
Подобострастно просьбу изложил.

И сын его спросил недоуменно:
«Ответь на мой вопрос, отец почтенный!

Ведь Кыбла там, на юге, где Хиджаз!
Что ж ты на север совершал намаз?»

Будь мудр, живи, страстями управляя.
У жадных Кыбла каждый день другая.

Кто страсти низкой буйство укротит,
Себя от горших бедствий защитит.

Довольный малым шествует высоко;
А жадность, как ярмо, гнетет жестоко.

Два зернышка ячменных жадный взял,
Зато подол жемчужин растерял.

Лишь низкий из-за снега честь теряет,
А жажду из ручья не утоляет.

Ты, мудрый, вожделенья укроти,
Чтобы с сумою после не пойти.

Укороти десницу! Свет надежды
Не в длинных рукавах твоей одежды!

Кто от стяжанья духом не ослаб,
Тот никому не пишет: «Я твой раб!»

Просителя, как пса, порою гонят.
Кто мужа независимого тронет?

РАССКАЗ

Ученый лихорадкою страдал.
«Возьми у Амра сахар»,— врач сказал.

А тот: «Да пусть умру я лучше, боже,
Лишь бы не видеть Амра кислой рожи!»

От спеси выражение лица
Кислее уксуса у гордеца.

Тщеславье, жадность сердце не прояснят.
От жажды власти свет души погаснет.

Душою овладев, любая страсть
Гнетет, как унизительная власть.

Коль все подряд возьмешь, чем жизнь богата,
Ты знай, что неминуема расплата.

Чревоугодник ныне ест и пьет,
А завтра крошки хлеба не найдет.

Когда нам яства лучшие предложат,
Среди пирующих он есть не сможет.

Огромным животом отягощен —
Обжора — о как жалок будет он!

Постись, чтоб муки не изведать худшей!
Пустой живот пустого сердца лучше.

* * *

Как гроздья спелых фиников, для Вас
Из Басры я привез один рассказ:

Близ рощи финиковых пальм, однажды
Мы шли, томясь от голода и жажды.

Обжора некий к нам в пути пристал.
Терпели голод мы, а он страдал.

Он влез на пальму, есть плоды пустился...
Потом упал и до смерти убился.

В еде бедняга удержу не знал;
Съел, видно, слишком много и упал.

Страж прибежал: «Убийцу укажите!»
А я сказал: «Почтенный, не кричите!

Живот беднягу с дерева сорвал,
Объелся он без меры и упал».

Как цепи на ногах, большое брюхо.
Раб живота не внемлет зову духа.

Объестся саранча, как ловко с ней
Справляется тщедушный муравей!

Воздержан будь, исполнись божьим страхом!
Нутро навек насытится лишь прахом.

РАССКАЗ

Разносчик сахарный тростник на блюде
Носил повсюду, где толпились люди.

Остановясь пред неким стариком,
Сказал: «Бери, а долг отдашь потом!»

И старец так разносчику ответил —
И в сердце я ответ его отметил:

«Терпенья у тебя не хватит ждать,
Когда я долг смогу тебе отдать».

Не будет сладок сахар тростниковый,
Коль долг над головой висит суровый.

РАССКАЗ

Владыка, правивший страной Хотан,
Дервишу подарил цветной кафтан.

Как роза тот расцвел, душою светел,
Надел подарок и царю ответил:

«Пышна одежда шаха и мягка,
Но лучше — рваная моя хырка!»

РАССКАЗ

У нищей кошка в хижине жила;
Всегда голодной кошка та была.

Прокралась кошка во дворец эмира
В тот час, как там готовились для пира.

И заметалась, увидав вокруг
Гулямов грозных, разъяренных слуг.

И вырвалась, визжа от перепуга:
«Пусть буду я, и мыши, и лачуга!

Мне лучше всех дворцов старухин кров.
Пиры не стоят палок и пинков».

Не радует зиждителя вселенной
Уделом недовольный раб надменный.

РАССКАЗ

Чуть зубы у ребенка одного
Прорезались, вздохнул отец его;

«Хоть я любить его не перестану,
Но где я, нищий, хлеб ему достану?»

Услышала слова его жена
И так ему ответила она:

«Не бойся за него, побойся неба!
Кто зубы нам дает, пошлет и хлеба.

Ведь бог сильнее всех, в конце концов.
Ты больше не бросай подобных слов!

Тот, кто живое породил созданье,
Предначертал и жизнь, и пропитанье.

В руках жизнетворящего судьба
И будущее божьего раба.

А ты, как раб строптивый пред владыкой,
Не веришь божьей милости великой».

* * *

Бывало — камень в руки брал абдал —
Тот камень в серебро он обращал.

Для мудрого, в чьем сердце веры пламень,
Равны в цене и серебро, и камень.

Он, как младенец — алчности далек —
Равно глядит на злато и песок.

Вот — пред царем склоняются дервиши;
Ты им скажи: «Владыка вас не выше!»

О благородный, спи на ложе праха,
Но в прах не падай и у трона шаха.

РАССКАЗ

Жил некто; лук был пищею его,
И не имел он больше ничего.

Ему сказали: «Как ты жив, убогий?
Иди, воруй, кругом богатых много!

Пусть наживешь ты даже кличку «вор»,
А вечный голод хуже, чем позор».

Тот воровать пошел. Его поймали,
Сломали руку, всё на нем порвали.

И плакал он: «Куда теперь пойду?
Вот сам я на себя навлек беду.

Жил в мире, лук и хлеб ячменный ел я,
Но беса жадности не одолел я.

Не лучше ль свой ячменный хлеб и лук
Позора этого, и слез, и мук».

Вчера свободный, плакал он в темнице,
Добром чужим решивший поживиться.

Дирхем накормит вас и напоит,
А Фаридун Ираком был не сыт.

Тревоги шаха — о стране огромной...
Но сам, как падишах, дервиш бездомный.

Счастливей тот, чье сердце — не в цепях,
Чем скованный заботой падишах.

Так сладко спят усталые крестьяне,
Как царь не спит на золотом айване.

Во сне равны сапожник и султан,
Когда их разум дремой обуян.

Людей уносит сон, как наводненье,
Степняк ты или царь — в том нет значенья.

Идет вельможа — спесью опьянен, —
Порадуйся, бедняк, что ты — не он!

Что права не дано тебе такого —
Теснить и мучить бедняка другого!

РАССКАЗ

Жил муж, душой высок и нравом прост;
Он дом построил, высотой — в свой рост.

Сказали: «Строить мог бы ты привольно!»
А он: «С меня и этого довольно.

Зачем чертог высокий возводить,
Когда и здесь я век могу прожить?»

Эй раб, не строй жилища в руслах силей!
Здесь прежде строили — и уходили.

Ты — на степном, разбойничьем пути —
Едва ль свой дом захочешь возвести.

РАССКАЗ

Султан могучий, славный жил когда-то.
Склонялся век его к черте заката.

Владыка этот сына не имел —
И шейху завещал он свой удел.

Почтенный шейх, прияв бразды правленья,
Забыл молитвы и уединенье.

Он в трубы бранные велел трубить,
Пошел соседей грабить и теснить.

Такой десницей сильной обладал он,
Что всех царей окрестных устрашал он.

И вот — увидя: всем грозит война,
Окрест объединились племена.

И не на жизнь, а на смерть вышли в драку,
Кольцом стеснили старого вояку.

В предвиденье позорного конца,
К былому другу шейх послал гонца:

«Силен мой враг. Перед последней битвой
Ты поддержи меня своей молитвой!»

Дервиш ответил: «Что он мир презрел?
В довольстве малым жить не захотел?»

Не знал Карун, свои богатства множа,
Что мир душевный золота дороже.

Да, щедрость — признак истинный добра;
Но щедрость сердца выше серебра!

Ведь если вдруг подлец Каруном станет,
Он делать подлости не перестанет.

У щедрого пусть даже хлеба нет,
Он людям раздает духовный свет.

Ведь щедрость — пашня, а богатство — семя.
Ты сей, и нивой всколосится время!

Не верю, чтоб забыл нас хоть на час
Творец, из глины изваявший нас.

Нет в себялюбии пути к высотам.
Вода в низине отдает болотом.

Стремись дарить! Потоку щедрых вод
На помощь небо горный силь пошлет,

Когда скупец богатый разорится,
Ему на путь добра не возвратиться.

Но если сам ты — перл, пусть ты в беде,
Тебе судьба не даст пропасть нигде.

Дорожный камень мохом обрастает,
Никто на камень взгляда не бросает.

А золота крупица упадет —
Ее хозяин со свечой найдет.

Коль из песка хрусталь прозрачный плавят,
Неужто ржавым зеркало оставят.

Богатство, власть — приходит и уйдет...
Но вечно слава добрая живет.

РАССКАЗ

Рассказ я помню необыкновенный:
Жил в неком граде старый муж почтенный.

Седой свидетель амровых времен,
Он был судьбою щедро одарен.

И был у старца — жизни утешенье —
Сын, как небесное благословенье.

Был юноша разумен и учен,
А красотой блистал, как солнце он.

Такой он редкой красотой лучился,
Что старец кудри снять ему решился.

И темя сына, как ладонь Мусы,
Он сделал, чтоб лишить его красы.

И на пол под рукою брадобрея
Упали кудри, мускуса чернее.

Так лиственный в саду спадает свод...
А бритве жало спрятали в живот.

Склонился юноша, стыдясь, печалясь,
А волосы его у ног валялись.

А в юношу безумно влюблена
Была в том граде женщина одна.

Сказали ей: «Что ты себя терзаешь?
Его увидя вновь, ты не узнаешь,

Лишась волос, утратил он черты
Своей необычайной красоты».

Она в ответ: «Старания напрасны, —
Пусть были волосы его прекрасны,

Пусть голову ему отец обрил,
Но душу сына он не изменил.

Не к волосам его горю любовью,
Я связана с ним всей душой и кровью!»

Сняв волосы, не надо горевать,
Ведь отрастают волосы опять.

И у лозы на все свое есть время —
То свежий лист на ней, то гроздей бремя.

Великий дух, как солнце, он — везде...
Завистливый, как уголек в воде.

Опять заблещет солнце, чуть прояснит;
А уголек, шипя, в воде погаснет.

Не бойся в мраке двигаться ночном! —
Источник Хызра где-то льется в нем.

В круженье твердь и земли отвердели,
Скитался я, пока дошел до цели.

Ты не крушись, о брат, что путь далек:
Минует ночь и днем блеснет восток!

Г Л А В А С Е Д Ь М А Я

О воспитании

Не о конях, ристалищах и славе,
Скажу о мудрости и добром нраве.

Враг твой — в тебе; он в существе твоем;
Зачем другого числишь ты врагом?

Кто победит себя в борьбе упрямой,
Тот благородней Сама и Рустама.

Не бей в бою по головам людей,
Свой дух животный обуздать сумей.

Ты правь собой, как Джам смятенным миром.
Пусть будет разум у тебя вазиром.

В том царстве хор несдержанных страстей
Сравню с толпой вельмож и богачей.

Краса державы — мудрость и смиренье,
Разбойники — порывы вожделенья.

Где милость шаха злые обретут,
Там мудрецы покоя не найдут.

Ведь алчность, зависть низкая и злоба,
Как в жилах кровь, в тебе живут до гроба.

Коль в силу эти все враги войдут,
Они восстанут, власть твою сметут.

Но страсть, как дикий зверь в плену, смирится,
Когда могуча разума десница.

Ведь вор ночной из города бежит,
Где стража ночи бодрая не спит.

Царь, что злодеев покарать не может,
Своей державой управлять не может.

Но полно говорить, ведь все давно,
Что я сказал, до нас говорено.

Держи смиренно ноги под полою
И ты коснешься неба головою.

Эй, мудрый, лучше ты молчи всегда,
Чтоб не спросили много в день суда.

А тот, кто тайну подлинную знает,
Слова, как жемчуг, изредка роняет.

Ведь в многословье праздном смысла нет.
Молчащий внемлет мудрого совет.

Болтун, который лишь собою дышит,
В самозабвенье никого не слышит.

Слов необдуманных не изрекай,
В беседе речь других не прерывай.

Тот, кто хранит молчанье в шумных спорах,
Мудрее болтунов на слово скорых.

Речь — высший дар; и мудрость возлюбя,
Ты глупым словом не убей себя.

Немногословный избежит позора;
Крупица амбры лучше кучи сора.

Невежд болтливых, о мудрец, беги,
Для избранного мысли сбереги.

Сто стрел пустил плохой стрелок, все мимо:
Пусти одну, но в цель неуклонимо.

Не знает тот, кто клевету плетет,
Что клевета потом его убьет.

Ты не злословь, злословия не слушай! —
Ведь говорят, что и у стен есть уши.

Ты сердце, словно крепость, утверди
И зорко за воротами следи.

Мудрец закрытым держит рот, — он знает,
Что и свеча от языка сгорает.

РАССКАЗ

Такаш в беседе как-то не сдержался,
Рабам о некой тайне проболтался.

И тайна та, что в сердце береглась,
По всей округе за день разошлась.

И встал Такаш, и палача позвал он,
Казнить рабов несчастных приказал он.

Один вскричал, отчаяньем объят:
«Не убивай! Ведь сам ты виноват!

Сам разболтал ты, что хранил глубоко...
Открыв плотину, не сдержать потока.

Сам ты виновен, на тебе твой грех, —
Ты сделал тайну достояньем всех!»

Пусть страж хранит казны потайной дверцы,
Но тайну сам храни в твердыне сердца.

Молчи о тайном! А произнесешь —
Сам в руки разнотолков попадешь.

Ведь слово — див в колодце заточенный;
Но власти нет над тайной изреченной.

Див этот вырваться на волю рад,
Но не заманишь ты его назад.

Ведь если злобный див с цепей сорвется,
Он в плен без высшей воли не вернется.

Ребенок Рахша выпустит. Но сам
Его едва ль стреножит и Рустам.

Коль тайна станет сплетен достоянье,
Отравишь ты свое существованье.

Есть назиданье — мудрости ключи:
Скажи, что знаешь твердо, иль молчи!

Честь береги, как светлую зеницу;
Ячмень посеяв, не пожнешь пшеницу.

Хорош завет брахмана одного:
«Честь каждого — зависит от него!»

Ни суета, ни многоговоренье
Тебе не завоюют уваженья.

Браня людей, привета не найдешь;
Сам знаешь: что посеял — то пожнешь!

Шаг соразмерь, узнав, долга ль дорога.
Ведь мера нам во всем дана от бога.

Коль будешь резок, ближних не взлюбя,
Все люди разбегутся от тебя.

Великий грех — насилье, угнетенье;
Но также грех — и робость униженья.

* * *

В Египте жил отшельник. Много лет
Он сохранял молчания обет.

Мудрейшие, что к знанью устремлялись,
Как мотыльки на свет, к нему слетались.

И вот подумал он в душе своей,
Что скрыл себя молчаньем от людей:

«Ведь если век я проживу в молчанье,
Как людям передам свои познанья?»

И вот он всех, когда заговорил,
Невежеством ужасным поразил.

Осмеян всеми, одинок на свете,
Он начертал на воротах мечети:

«О, если бы я сам себя познал,
Я ни пред кем бы рта не отверзал!

Открыло б зеркало самопознанья,
Какое я презренное созданье!

В молчанье мудром славу береги,
А если молвил низкое — беги».

Молчаньем знанье истины сокрыто,
А для невежд молчание — защита.

Мудрец величье губит в болтовне,
А болтовня глупцу беда вдвойне.

Таи в себе глубокой мысли семя.
Созреет мысль — откроешь перед всеми.

В открытье тайного нельзя спешить;
А то что стало явным, то не скрыть.

Калам хранил, что замышлял владыка,
Пока он был тростинкой безъязыкой.

Безгласен скот, нам дан язык живой;
Но скот почтенней, чем болтун пустой.

Коль говоришь — толкуй умно и ясно.
А если глуп, молчи, как скот безгласный.

Ты в слове мысль живую открывай,
А не болтай, как глупый попугай.

Всех тварей выше ты в словесном даре,
Но лжец презренней самой низшей твари.

* * *

Бранился грязно некий муж в запале.
Ему за это ворот разорвали.

Избит, оборван в клочья, он бежал;
И сел в углу, и сам себе сказал:

«Когда бы я молчал степенно в споре,
Не испытал бы я такого горя!»

Глупец впустую много говорит, —
Ведь и тамбур без мозга, а бренчит.

Язык сравню с горящею свечою:
Светильник гаснет вмиг, убит водою.

Кто доблестью высокой одарен,
Пусть доблестью не хвастается он.

Ведь мускус, хоть в ларце его скрывают,
Благоухание распространяет.

Коль портит примесь золото твое,
Сам знаешь, проба выявит ее.

О Саади идет дурная слава,
Что он, мол, неуживчивого нрава.

Я кожу дам с себя содрать врагу,
Но слов пустых я слушать не могу.

РАССКАЗ

Сын разболелся сильно у Азада —
Его любовь надежда и отрада.

Дервиш сказал: «На волю отпусти
Всех птиц, чтобы несчастье отвести».

Азад пошел — все клетки отворил он,
Дроздов, синиц на волю отпустил он.

Оставил соловья лишь одного
На пышной арке сада своего.

Встал поутру здоровым сын Азада,
Увидел соловья на арке сада.

«Соловушка! — окликнул он его. —
Ты в клетке из-за пенья своего!»

Мысль высказав, подашь ты к спору повод;
Утихнет спор, коль приведешь ты довод.

До времени молчание храни,
Как Саади в его былые дни.

Пусть тайна сердца вызреет в покое!
Ей вреден шум и сборище людское.

Ты о людских пороках не кричи, —
Сперва свои пороки изучи!

Не слушай лжи и клеветы обидной,
И отвернись от наглости бесстыдной.

РАССКАЗ

Раз на пирушке турки напились,
И перессорились, и подрались.

Чангисту чанг о голову разбили
И за волосы с места потащили.

Всю ночь избитый охал и стонал,
А утром старый шейх ему сказал:

«Не спорь с толпою дикой и презренной!
Пой и, как чанг, склоняй главу смиренно!»

* * *

Камнями и подошвами сандалий
Дрались в толпе; а двое наблюдали.

Один ушел, ввязался в брань другой,
И прочь побрел с разбитой головой.

Будь сдержанным, не лезь в чужую драку,
Не превращайся в злобную собаку.

Ты слухом, речью, зреньем одарен,
Ты высшим разуменьем одарен.

Но не суди о ближних бестолково,
Не отличая доброго от злого!

РАССКАЗ

Рассказывал мне старец, — век бы стал их
Я слушать — славных стариков бывалых:

«Однажды в Индии, в толпе людей,
Я встретил негра — тьмы ночной черней.

Нес девушку в руках тот негр громадный,
К ее устам прильнув губами жадно.

Ты не ошибся бы, его сравнив
С иблисом; он уродлив был, как див.

Так девушку ту крепко обнимал он,
Что мнилось: словно тьма на день напал он.

Коня души не смог я осадить, —
Решил я девушку освободить.

Я негра по спине ударил палкой,
Крича: «Скотина! Раб! Невольник жалкий!»

И эту девушку, — я говорю, —
От мрака отделил я, как зарю.

Негр спасся бегством, туча улетела...
Но под вороною яйцо белело.

Едва бежал тот черный, тьмы темней
Повисла дева на руке моей,

Кричала: «Ты, дорогой лжи идущий,
За благо мира правду продающий!

Пойми — я в негра влюблена того!
А ты, о подлый, палкой бил его?

Ты отнял у меня, когда сварилась
Та пища, по которой я томилась!»

Она вопила, всех смутив кругом,
Что видно нет сочувствия ни в ком.

И что она кричала, погляди ты, —
Что нет, мол, ей от старика защиты.

«Запретной части тела моего
Коснулся он! Держи, хватай его!»

И так она визжала, так кричала,
Так крепко за полу меня держала,

Что только разум ясный мне помог:
«Из оболочки вырвись, как чеснок!»

И убежал я, голый, бога славя,
Хитон в руках у женщины оставя.

И срок спустя, ее я повстречал:
«Ты узнаешь меня? — я ей сказал, —

Я дал зарок, сумев с тобой расстаться,
В дела чужие больше не вторгаться!»

О мудрый, делом занятый своим,
Будь чужд деяньям низменным, чужим.

И да минет лучей живого взора —
В толпе безумной — зрелище позора.

Крепись, о мудрый, за собой следи,
Молчи! Иль говори, как Сзади!

РАССКАЗ

Таи Дауду * ученик сказал:
«Я пьяного суфия повстречал.

Валяется он, рвоту изрыгая,
И рвет его хырку собачья стая!»

Дауд угрюмо выслушал рассказ,
Блеснули молнией зеницы глаз.

Сказал: «Бедняга пьян или недужен —
Не все ль равно? Ему защитник нужен!

Беги за ним, проворен будь и скор,
И знай: его позор и наш позор.

Коль он без чувств, взвали его на плечи
И волоки сюда, без лишней речи!»

И в размышленье ученик увяз
Ослом, что в глине по уши погряз.

Приказу он не мог не подчиниться
И пьяного тащить не мог решиться.

Нет выхода! Обида велика,
Но воля пира, как закон крепка.

Он поднял пьяного и потащился
Домой. Народ, смеясь, над ним глумился.

Кричали: «Эй! Видали вы таких?
Святая вера держится на них!

В мечети, что ль, вина они хватили?
Знать за вино лохмотья заложили!

Тот вовсе пьян — взгляните на него,
А полупьяный волочит его!»

Нет, лучше меч над шеей занесенный,
Чем брань и злоба черни разъяренной.

Хоть ученик хлебнул стыда до слез,
Но пьяного к пристанищу принес,

Всю ночь не спал он, мыслями терзался.
Дауд, увидя это, рассмеялся:

«Не брось в бесчестье брата, человек,
Иль обесчестишься на весь свой век!»

Хорошего ты встретишь иль плохого —
Не говори о людях злого слова.

Плохого сделаешь своим врагом,
А доброго хулить — считай грехом.

Когда один хулить другого будет, —
Знай: по себе самом о нем он судит.

Когда ты их поступки разберешь,
Поймешь — где правда, где таится ложь.

Коль ты о людях говоришь плохое,
Пускай ты прав — нутро в тебе дурное.

Ушедших некто жалил речью злой;
Мудрец прервал: «Почтеннейший, постой!

Ты не черни людей, которых знал я,
Чтоб думать плохо о тебе не стал я!

Ты много злобных слов о них нашел,
Но доброго и сам не приобрел!»

Мне молвил некто мудрое присловье:
«Разбой, ей богу, лучше, чем злословье!»

«О друг! — смущенно молвил я ему, —
Я притчи этой странной не пойму.

Как? Лучше преступление разбоя,
Чем об отсутствующем слово злое?»

А он: «Чтоб лютый голод утолить,
Разбойник должен смелость проявить.

А этот — человека очернил он —
Но что, скажи, за это получил он?»

* * *

Когда в Низамийе я поселился,
Упорно, днем и ночью я учился.

И пиру молвил раз: «О знанья свет!
Завидовать мне начал мой сосед.

Когда я смысл хадиса открываю,
Он злобится в душе — я это знаю».

Когда моим словам наставник внял,
Нахмурился он гневно и сказал:

«Как? Ты в его молчанье зависть ловишь
А за спиной его о нем злословишь?

Пусть зависть — путь в геенну для него,
Другой тропой догонишь ты его!»

* * *

Сказал юнец: «Так зол и кровожаден
Хаджадж, что не было подобных гадин!

Последнее у нищих он берет.
Отмсти ему, о боже, за народ!»

И старец, мудростью высокой светел,
Разгневанному юноше ответил:

«За все воздастся в будущем ему,
Но взыщут и за ненависть к нему.

Ты не бери на плечи это бремя!
Он — раб судьбы. Теперь такое время.

Он зол. Но и злословья твоего
Я не одобрю — за спиной его!»

Для злого, чьих деяний список черен,
В пылающую бездну вход просторен.

Но ведь и те, кто словом зло творят,
Отправятся своей дорогой в ад.

* * *

Дервиш, услыша смех младенца звонкий,
Порадовался радости ребенка.

Седые старцы, бывшие кругом,
Злословить низко начали о нем.

Но их злословье не осталось скрыто.
Наставник мудрый стал его защитой.

Сказал: «Есть тайна скрытая от всех,
Но добрый смех — не грех, злословье — грех».

* * *

Поститься в детстве я решил со славой,
Хоть левую не отличал от правой.

А омовению лица и рук
Взялся меня учить отцовский друг:

«Скажи-ка: «Дух, о боже, укрепи мой!»
И укрепись душой и руки вымой.

И рот и нос прополощи бодрей,
Прочисть мизинцем крылышки ноздрей.

А указательным протри все зубы,
В посте зубная щетка — грех сугубый.

Теперь же — от волос до бороды —
Плесни в лицо три пригоршни воды.

И до локтей потом омывши руки,
Святых имен творца промолви звуки.

По омовеньи головы и ног,
Промолви: «Бог — един! Велик пророк!»

Учись, сынок! Обряд я знаю древний
Всех лучше. Я ведь старше всех в деревне!»

Когда об этом староста узнал,
Письмо он старцу тайное послал:

«Ты славно говоришь, прекрасно учишь;
За что же ты людей злословьем мучишь?

Сказал ты — в пост, мол, зубочистка грех!
Ну а не грех ли клеветать на всех?

Ты учишь: «Рот после еды очисти»...
Ты лучше рот от клеветы очисти.

И чье бы имя не произнесли,
Ты похвали хоть раз, а не хули!

Ты называешь всех людей ослами,
А знаешь ли, как сам ты назван нами?

Когда б ты мне в лицо сказал, старик,
Что обо мне тайком болтать привык!

Коль нам глядеть в глаза тебе не стыдно,
Ты знай слепец: есть тот, кому все видно.

Ты не стыдишься пред самим собой —
Так устыдись, услыша голос мой».

* * *

Однажды знатоки пути святого
Уединились в ханаке суровой.

И вдруг один, прервав беседы нить,
Стал одного несчастного бранить.

Другой сказал ему: «О, друг смятенный,
Ходил ты с франками на бой священный?»

А тот: «За двери капища сего Н
и шагу я не сделал одного».

Дервиш сказал: «Я не встречал от века,
Нигде, тебя несчастней человека!

Неверный франк тобою пощажен,
А верный речью злою поражен!»

* * *

Провидец некий в Мерве пребывал,
И он такую притчу рассказал:

«Я словом, может быть, людей обижу,
Когда я матери своей не вижу...»

Служенье богу избранным дано,
И матерью оно им внушено.

Коль друг в отлучке давней, безответной,
Две вещи для друзей его запретны:

Грех не сберечь его добро и дом,
Не меньший грех его припомнить злом.

Тем, кто отсутствующих злобно судит,
Не доверяй! От них добра не будет!

Они начнут и за спиной твоей
Тебя позорить, как других людей.

Лишь тот разумен в этом мире бренном,
Кто думает о вечном, не о тленном.

* * *

Три рода в мире знаю я людей, —
Скажи о каждом прямо: он — злодей!

И первый — царь, творящий утесненья,
Всеобщего достойный осужденья.

О нем гласить всю правду не страшись,
Чтоб люди изверга остереглись.

Второй — святоша, грешник лицемерный,
Благочестивый внешне, полный скверны.

Всем о его обмане объяви,
Завесу благочестия сорви!

А третий — плут с неверными весами
Его поступки вы судите сами.

* * *

Степной разбойник, страхом обуян,
Пришел за хлебом поутру в Систан.

Вмиг обсчитал торговец — местный житель
На грош его. И закричал грабитель:

«О господи, не осуди меня!
Взгляни, здесь грабят среди бела дня!»

* * *

Сказал суфию некто: «Безобразно
Клевещет на тебя твой друг заглазно».

«Брат, замолчи! — суфий ему в ответ, —
До клеветы людской мне дела нет!

А пересказчик клеветы досужей
И самого врага пожалуй хуже!

Поистине, ты, в рвении своем,
Мне худшим предстаешь клеветником!

Коль не решился он сказать мне смело
Все, отчего мое трепещет тело,

Ты, осветивший этой злобы мрак,
В моих глазах предстал, как худший враг!»

Чужие распри сплетник подымает
И злобу в сердце добрых вызывает.

Гласящих ссоре дремлющей: «Вставай!» —
Клеветников зловещих избегай.

Сидеть в цепях не лучше ль в темной яме,
Чем разносить раздоры меж друзьями.

Вражда — огонь, что вспыхнул из-за слов,
Где сплетник служит, как подносчик дров.

* * *

У Фаридуна был дастур любимый,
В служенье истине неколебимый.

Сперва он справедливость соблюдал,
Затем приказы шаха исполнял.

Когда хараджа сборщик, стыд утратив,
Теснит и разоряет меньших братьев,

Коль ты обиженных не защитишь,
Будь ты хоть сам султан, не устоишь.

И вот к царю явился неизвестный,
Сказал: «Храни тебя покров небесный!

Я денег не прошу, хоть я бедняк.
Но знай, владыка, что дастур — твой враг.

У всех твоих вельмож с мошной богатой
Взял много в долг он серебра и злата,

Условясь, что когда, мол, шах умрет —
Он из казны им все долги вернет.

Предатель этот смерть тебе пророчит,
Казной и царством завладеть он хочет!»

Шах, при таком известии, побледнел
И на дастура грозно поглядел.

Сказал: «О, враг под дружеской личиной,
В чем зла такого тайная причина?»

Дастур склонился пред лицом его
И отвечал: «Не скрою ничего!

Я деньги брал, чтоб все тебе служили,
Чтобы твоею жизнью дорожили,

Боясь, что я не только не отдам
Своих долгов — а смерти их предам.

Хотел я, чтобы волей иль неволей,
В делах правленья и на ратном поле

Служили все тебе, душой тверды,
Как верный щит перед стрелой беды».

Царь улыбнулся, розою расцвел он;
Слова дастура мудрыми почел он.

Возвысил он его и одарил,
И власть его в державе укрепил.

Доносчика он покарал жестоко.
И плакал тот и каялся глубоко.

Растерянный, он понял, что звезда
Его судьбы погасла навсегда.

Злой клеветой, коварными словами
Он рознь хотел посеять меж друзьями;

Но дружбу их он больше укрепил,
Себя же опозорил и сгубил.

Огонь вражды между друзьями сеять —
Ведь это сжечь себя и в прах развеять.

Как Саади, мирской отрясший прах,
Молчит разумный о мирских делах.

Но все же правду возглашать мы будем,
Пусть не по нраву, но на пользу людям.

Чтоб не вопил несчастный: «О друзья,
Зачем вчера вас не послушал я?»

* * *

С женой разумною, чей нрав не злобен,
Бедняк царю становится подобен.

Пять раз стучи ты в дверь, — ведь там она —
Друг искренний твой — ждет тебя жена.

Ты огорчен — не мучь души напрасно! —
Тебя утешит дома друг прекрасный.

Коль в доме мир и добрая жена —
Жизнь у того поистине полна.

Коль женщина скромна, умна, красива,
Стремится к ней супруг ее счастливый.

В единодушье с милою женой
Найдешь ты в мире бренном рай земной.

Когда жена добра, мягкоречива,
Она прекрасна, пусть и некрасива.

Душа, исполненная доброты,
И светлый разум выше красоты.

И добронравная, лицом дурная,
Не лучше ли, чем пери, нравом злая?

Жизнь мужа нрав подруги облегчит,
А злая горем сердце отягчит.

Жена доброжелательная — счастье.
От злой жены беги, как от напасти.

Индийский попугай и ворон злой
Не уживутся в клетке золотой.

От злой жены или душой отчайся,
Иль по миру бродяжить отправляйся.

Да лучше в яме у судьи сидеть,
Чем дома на лицо врага глядеть.

От злой жены, сутяжницы завзятой,
Рад за моря отправиться богатый.

Та кровля благодати лишена,
Где целый день ругается жена.

Жену-гуляку ты побей хотя бы,
Не можешь — дома сам сиди, как бабы.

Ты мужа, что не справится с женой,
Одень в шальвары и подкрась сурьмой.

Когда жена груба, лукава, лжива,
Ты не жену привел, а злого дива.

Коль в долг жена возьмет и не вернет,
Весь дом твой прахом по ветру пойдет.

А добрая, без тени подозренья —
То не жена — творца благословенье.

Когда жена, перед лицом твоим,
Мужчинам улыбается чужим,

Когда она разврату предается,
Тут у меня и слова не найдется.

Когда твоя жена начнет блудить,
То лучше больше ей живой не быть.

Лицо жены твоей должно быть скрыто,
Ведь это женской скромности защита.

Когда в жене ни разуменья нет,
Ни твердости в ее сужденье нет,

Ты скройся от нее хоть в бездну моря...
Ведь лучше умереть, чем жить в позоре.

Женою доброй, честной дорожи,
А злую отпусти и не держи.

Как говорили меж собой два мужа,
Преступных жен поступки обнаружа;

Один: «От жен все беды к нам идут!»
Другой: «Да пусть их вовсе пропадут!»

Друг! Надо снова каждый год жениться, —
Ведь старый календарь не пригодится.

Ходи босой, коль тесны сапоги,
В пустыню от домашних ссор беги.

О Саади, сдержи насмешки слово,
Увидевши несчастного иного,

Которого жена его гнетет;
Ты сам ведь испытал весь этот гнет.

Муж некий жаловался старику:
«Беды такой не ждал я на веку.

Жена моя беременна, сварлива,
А я, как нижний жернов, терпеливо

Сношу такое, что не дай вам бог».
Старик ответил: «Что ж, терпи сынок.

Ты ночью — Верхний жернов, почему же
Днем нижним камнем стыдно быть для мужа?

Иль розу ты с куста решил сорвать
И боли от шипов не испытать?

Иль думал, что на дерево взберешься
И на его колючки не наткнешься?»

* * *

Пусть отроческий возраст незаметен,
Ты знай, что женский круг ему запретен.

От круга чуждых сына осеня,
Храни его, как хлопок от огня.

Пусть с юных лет разумным сын твой будет —
И честь твою потомство не осудит.

А если не воспитан сын — умрешь
И славы по себе не обретешь.

Коль слишком мягко сын тобой воспитан,
Как тяжко будет жизнью он испытан.

Ты любишь сына, так сдержи его,
В чрезмерной неге не держи его.

Пусть с малых лет ему твоя указка
И поощренье будет и острастка.

Начни учить ребенка без угроз,
Не нужно доводить его до слез.

И пусть полюбит труд птенец твой юный,
Будь ты богаче самого Каруна.

Не верь казне, что держишь ты в руках, —
В беде казна рассеется во прах.

Придет беда — богатый обеднеет,
Но труженика дом не опустеет.

Твой сын, — ты знаешь ли, что будет с ним?
А вдруг в отчизне станет он чужим?

Коль добрым он ремесленником станет,
В нужде он к людям руку не протянет,

Слыхал, как Саади прославлен стал?
Он кораблем морей не рассекал,

Он в детстве получал пинки богатых...
А ныне, как султан, живет в палатах.

Кто приказанья мудрого поймет,
Тот сам потом приказы отдает.

Кто в детстве ни наук, ни мук не знает,
Потом судьбы удары испытает.

Пусть будет сын здоров, одет и сыт,
Пусть на других без зависти глядит.

Заботлив будь и строг, и будет благо,
Чтоб он не вырос нищим и бродягой.

И прочь дурных учителей гони,
Чтоб сын не стал беспутным, как они.

* * *

В соседнем доме пир, огней сиянье...
Звучали струны, смех и восклицанья.

И вот мутриба пенье понеслось
И в сердце каждого отозвалось.

Был друг со мною — отрок периликий.
Сказал я: «Слышишь песни, слышишь клики?

Пойдем, на пир веселый посмотри,
Собранье, как светильник, озари!»

И опечалясь, голову склонил он;
И словно сам с собою говорил он:

«Пока я безбородый, не с руки
Мне средь мужчин сидеть не по-мужски.

И нет постыднее греха и горя
Явиться женщиной, себя позоря.

Пусть молод я, моя мужская честь
Мне не позволит среди низких сесть!»

Отец, запомни: сыну нет возврата,
Коль с юных лет попал он в сеть разврата.

И не жалей его, пусть пропадет,
Потомства не оставивши, умрет.

* * *

Зачем за разорителем юнцом
Бежишь? Возьми жену, устрой свой дом.

Над этим розовым мгновенным цветом —
И соловей другой с другим рассветом.

Пусть на пиру он, как свеча, высок —
Ты не стремись к нему, как мотылек.

О, сколько жен прекрасных, добронравных
Над роем этих низких и бесславных.

Юнец, когда он вцепится в полу,
Его не отдерешь ты, как смолу.

Грех этот, как трясина, непролазен.
Вглядись: как гуль, кумир твой безобразен.

Твоим пристрастьем он не дорожит,
За все дары не поблагодарит.

Лишен ума, и счастья, и свободы,
Порока раб, игралище невзгоды,

Опомнись, о доживший до седин!
Ведь может так и твой погибнуть сын.

* * *

Муж развращенный и сластолюбивый
Купил гуляма с внешностью красивой.

Когда невольник молодой уснул,
К нему хозяин руку протянул.

Об голову хозяина все блюда
Разбил гулям, — погибла вся посуда...

Касайся, о мудрец, не каждых щек,
На коих — обольстительный пушок.

Тот муж поклялся богом и пророком
Не обольщаться низменным пороком.

И вскоре, с перевязанным лицом,
Собрался в путь, — он славным был купцом.

Вел караван. Когда же ночь спустилась,
Пред ним ущелье тесное открылось.

Проводника спросил он: «Как зовут
Ущелье? Что за люди там живут?»

Ответил тот: «Дорогу эту знают,
Ее ущельем Тюркским называют».

Муж содрогнулся, будто самого
Увидел он гуляма своего.

Сказал он: «Здесь устроим мы стоянку,
А в путь пойдем при свете, спозаранку.

Коль в Тюркское ущелье я войду,
Боюсь — в беду опять я попаду!»

Не будь рассудком в страсти отуманен,
Иль будешь ты, как тот купец, изранен.

Кормя раба, для блага своего,
Ты в трепете воспитывай его.

Не очутись, мудрец, в беде великой,
Коль раб твой станет вдруг твоим владыкой.

Раб должен воду, кирпичи таскать, —
Повиноваться, не повелевать!..

* * *

Прекрасным ликом некто поражен —
Был потрясен, души лишился он.

На нем так много пота выступало,
Как на листве росы не выпадало.

Букрат, что мимо проезжал верхом,
Спросил: «Что с ним? Что за недуги в нем?»

Ответили Букрату: «Честно жил он,
Зла никому вовек не причинил он.

Теперь, завидя нас, бежит он прочь,
Один в пустыне бродит день и ночь.

Он обольщен был образом прекрасным —
И разобщен навек с рассудком ясным.

Мы все его пытались увещать,
А он в ответ: «Не нужно мне мешать!

Я ухожу от мира, полн кручины...
В моей беде — вина Первопричины.

Не образ милый сердце мне сразил,
А тот, кто этот образ сотворил!»

Тот возглас был услышан престарелым
Бывалым странником — в сужденье зрелым.

И молвил странник; «Пусть добра молва,
Не все в мирской молве верны слова.

Пусть, образом творца запечатленный,
Прекрасный некто дух смутил смятенный, —

Что ж он дитятею не восхищен?
Ведь и в дитяти вечный отражен!

Верблюды и красавицы Чигиля
Равны для тех, кто Тайну видеть в силе».

Чадру стихов соткавший мой язык
Красы волшебной занавесил лик.

Глубокий смысл за черным строк узором
Скрыт, как невеста, пред нескромным взором.

Не знает Саади докучных дней,
Скрыв красоту за завесью своей.

Я, как светильник пламени ночного,
Принес Вам озаряющее слово.

И не в жару ль «Персидского огня»
Толпа возненавидевших меня?

* * *

Пусть муж от дел мирских освободился,
Пусть от людей он в келье затворился,

Никто — святой ли, иль обманщик он —
От клеветы людской не защищен.

Пусть к небу вознесет тебя создатель,
В подол твой вцепится твой зложелатель.

Камнями можно Деджлу запрудить,
Но пасть клеветника нельзя закрыть.

Ты слышал злоязычных, развращенных:
«Что — пост? Ведь он насущный хлеб ученых!»

Не отходи от истины своей,
Хоть будешь ты ничем в глазах людей.

Когда благоволит к тебе всевышний,
Все опасения твои излишни.

Но жалок, кто людей не любит: тот
Дороги к Истинному не найдет!

Все степени пройди нелицемерно, —
Тебя погубит первый шаг неверный.

Так двое разно поняли коран,
Как светлый дух Суруш и Ахриман.

О, горе тем, кто к слову рад придраться.
До Истины вовек им не добраться.

Что ты, — презревший, позабывший мир, —
Увидишь в чаше, отразившей мир?

Тот, кто в пустыню навсегда изыдет,
В конце концов людей возненавидит.

И скажут: лицемерен он и лжив,
И от людей живых бежал, как див...

А коль веселый в каждом видит друга,
Все скажут — он гуляка и пьянчуга.

Злословят о богатом: «Это он —
Поправший справедливость фараон!»

Когда в беде скорбит бедняк несчастный,
То скажут: «И общенье с ним опасно!»

Коль на царя падет судьбы удар, —
Казну растащат, скажут: «Божий дар!

Довольно, мол, ему кичиться властью.
Всегда идет беда на смену счастью!..»

А если бедняка, — полна щедрот, —
Судьба его высоко вознесет,

И про него пойдет дурная слава:
Мол, он невежда — низменного нрава.

Когда бразды судьбы в руках твоих,
То скажут: «Жаден он до благ мирских...»

А если дело делать перестанешь,
В глазах толпы ты дармоедом станешь.

Не будь многоречив, не будь болтлив,
Будь, как стенная роспись, молчалив.

Мужей добра не назовут мужами, —
Мол, струсили, на бой не вышли с нами.

А кто от страха гневом опьянен,
Его бегут, крича: «Безумен он!»

Кто мало ест и пьет, о том болтают,
Что, мол, друзья тайком его питают.

А если добрый любит пить и есть,
То скажут: «Брюху воздает он честь!»

И если скромный человек богатый
Не облачается в парчу и злато,

Злословье скажет: «Вот он — лицемер!
Вот — скряжничества гнусного пример!»

А если плащ его цветами вышит,
И свой айван он, словно рай, распишет,

Все завопят: «Богатство возлюбя,
Как женщина, украсил он себя!»

Коль хаджа честный человек не справит,
Его молва повсюду обесславит.

Мол, он всегда в объятиях жены,
Ему пути иные не нужны.

Кто, обойдя весь мир, обогатился
Познаньем и в отчизну возвратился,

Все скажут: «Вот! Удачи он искал
И все, видать, в дороге потерял!

Когда б ему звезда его сияла,
Судьба всю жизнь его бы не гоняла!»

Злословят и о том, кто не женат,
Что он, де, нарушает шариат.

А женится, то скажут, мол, погряз он
В пристрастье! Как осел в грязи, увяз он.

И не спастись ни свету красоты,
Ни безобразию от клеветы.

Коль в гневе против подлости воспрянешь,
Опасным сумасшедшим зваться станешь.

Кто нравом сдержан, скажут про того —
Достоинства, мол, нету у него.

О щедром скажут: «Деньги проживет он —
И нищенствовать по миру пойдет он».

А если муж не любит лишних трат,
То и о нем повсюду зашипят:

«Вот, — скажут, — экий скряга недостойный,
Такой же, как отец его покойный!»

Кто защищен от злобных языков?
Святой пророк не спасся от врагов.

Не слушай, мудрый, злого говоренья!
Твоя защита здесь — одно терпенье.

* * *

Жил юноша — ученый, много знавший,
Искусством красноречия блиставший,

С красивым почерком; но розы щек
Еще красивей оттенял пушок;

Хоть он прилежен был, но как ни бился,
Звук «шин» произносить не научился.

Сказал я раз про шейха одного,
Что впереди нет зуба у него.

Мой собеседник, посмотрев сурово,
Ответил: «Ты сказал пустое слово.

Ущерб в зубах заметить ты успел
А доблести его не разглядел!»

Когда умерших сонм из тьмы изыдет,
То добрые плохого не увидят.

Коль поскользнется на пути своем
Муж благородством полный и умом,

Ты, низкий, не суди его за это,
Когда он весь — живой источник света.

И пусть в шипах кустарники цветов,
Не избегают роз из-за шипов.

Ведь у павлинов видят люди злые
Не красоту, а ноги их кривые.

Когда ты темен ликом — убелись,
А в темное зерцало не глядись.

Дорогу правды сам найти старайся,
К ошибкам ближнего не придирайся,

И о чужих изъянах не кричи,
Сам на себя взгляни и замолчи.

Запретной не клади черты пороку,
Когда тому же предан ты пороку.

И с униженными не будь суров,
Когда ты сам унизиться готов.

Когда ты зла не будешь делать в жизни,
Тогда лишь будешь прав и в укоризне.

Что в кривизну мою иль прямоту
Вам лезть, коль я являю чистоту.

Хорош я или дурен, сам я знаю,
Сам за свои убытки отвечаю.

В душе моей хорош я или плох —
Не Вам судить! Об этом знает бог!

Имам тогда вину мюрида мерит,
Когда мюрид в его величье верит.

У бога дело доброе одно
Тебе за десять будет зачтено.

Ты тоже за одно благодеянье
Дай щедро, как за десять, воздаянье.

Не обличай у ближнего изъян,
Коль в нем живет величья океан.

Когда невежда мой диван откроет
И пробежать глазами удостоит,

Плевать ему, что мыслей мир велик...
Но чуть огрех — какой подымет крик!

Ему глубинный книги смысл не светит,
Но он описку каждую заметит.

Не одинаков смертного состав;
Бог создал нас, добро и зло смешав.

Хоть в самом добром деле есть помеха,
Из скорлупы добудь ядро ореха.

Г Л А В А В О С Ь М А Я

О благодарности за благополучие

Как благодарность вечному скажу,
Когда достойных слов не нахожу?

Чтоб восхвалить его, мой каждый волос
Не может обрести и речь, и голос.

Хвала дарящему, чьей волей я
Был вызван к жизни из небытия!

Но все слова людского восхваленья —
Его предвечной славы приниженье.

Он смертного из глины сотворил,
И разумом, и сердцем одарил.

Смотри, как он вознес тебя высоко
С рождения до старости глубокой!

Рожденный чистым, чистоту храни!
Не завершай в грязи земные дни!

Пыль вытирай с прекрасного зерцала,
Чтобы поверхность ржа не разъедала.

Ты был ничтожной каплею сперва
И возмужал, по воле божества.

Велик твой труд, но ты не возвышайся,
На силу рук своих не полагайся.

Ведь это вечный, в мудрости своей,
Из праха создал кисть руки твоей.

Тогда твой труд казну твою умножит,
Когда тебе всевидящий поможет.

Не сделал ты ни шага одного
Без постоянной помощи его.

Младенец, в пустословье неповинный,
Питается посредством пуповины,

Рожденный, блага прежнего лишен,
Приникнет к груди материнской он;

Так, на чужбине, странника больного
Поят водой из города родного.

Ведь он в утробе матери взращен
И соком тела матери вспоен.

А грудь ему теперь — источник жизни,
Два родника в покинутой отчизне.

Они младенцу — райская река,
Чье русло полно меда и млека.

Мать, как туба сияющая светом,
Младенец — нежный плод на древе этом.

Сосуды груди — в сердце глубоко;
Кровь сердца — материнское млеко.

Глянь, как дитя сосцы кусает жадно, —
Скажи, любовь младенца кровожадна.

И нужно сок алоэ применить,
Чтобы дитя от груди отлучить.

И так дитя, почуя горечь сока,
Забудет сладость млечного истока.

О ищущий — младенец в сединах,
Забудь, вкушая горечь — о грехах!

* * *

Был юноша; хоть жизни он мало знал,
Укорам материнским не внимал.

В беду попал он. Мать же указала
Ему на колыбель и так сказала:

«Забыл, как в люльке плакал ты своей,
И над тобой я не спала ночей?

Что, слабый, без меня ты делать стал бы?
Ты муху от себя не отогнал бы.

Ведь муха на тебя могла напасть...
Теперь тебе дана и мощь и власть.

Но ты и муравья с лица не сгонишь,
Когда в могильной глубине потонешь.

Кто глаз твоих светильники зажжет,
Когда могильный червь твой мозг пожрет?

Слепца увидя, что с клюкой плетется
И без поводыря не обойдется,

Ты зряч, коль вспомнишь бога над собой.
А коль не вспомнишь — знай, ты сам слепой!»

* * *

Взгляни, как сложно палец твой составлен:
В строении перста творец прославлен.

Ты, что в дела творения суешь
Свой палец, лишь смятенье обретешь.

Взгляни, коль ты разумное творенье,
На кости и на их соединенье.

Как созданы стопы и связки Ног, —
Без них ты шагу сделать бы не мог!

И ты — в поклоне богу не унижен;
Твой позвоночник гибок и подвижен;

Все позвонки в нем соединены,
Как перлы, что из праха рождены.

О мудрый, в теле нет числа сосудам,
Потоки жизни — назови их чудом!

Суждение и зренье нам дано,
А в сердце знание заключено.

Ты на ногах стоишь, венец творенья,
А твари — мордой вниз и в униженье.

Их пища под ногами; ты же сам
Подъемлешь хлеб с достоинством к устам.

Ты — царь, и поклоняйся только богу,
Но ничьему не кланяйся порогу.

Тебе твоим хранителем дано
Для сева хлеба вечного зерно.

А благодарный за благодеянья
Сам совершает добрые деянья.

И лучше путь прямой, чем стан прямой.
У тех, кто ходит криво — дух кривой.

* * *

Царевич некий с лошади упал
И шейный позвонок себе сломал.

Он повернуть был голову не в силах,
Такая боль была в костях и жилах.

Исчезла шея; в тулово она
Втянулась у него, как у слона.

Что делать, как помочь — врачи не знали.
И вот врача из Греции сыскали.

Он вывих вправил, шею распрямил.
И вскоре стал больной здоров, как был.

Но о беде забыл царевич вскоре,
Забыл врача, что спас его от горя.

Просить о чем-то врач его хотел —
Царевич на него не поглядел.

Врач устыдился, голову склонил он,
И, уходя, такое говорил он:

«Ведь если бы ему я не помог,
Он отвернуться б от меня не мог!»

И вот он шлет царевичу куренье,
Мол, это — всех недугов исцеленье.

То снадобье к владыке принесли
И, всыпавши в курильницу, зажгли.

Чиханье на царевича напало,
Болеть, как до леченья, шея стала.

Велел врача он грека привести.
Пошли искать и не могли найти.

Запомни! Если ты добро забудешь —
В последний день ты воскрешен не будешь.

* * *

Я слышал, как отец кричал на сына:
«Ах ты, бездельник, ах ты, дурачина!

Дров нарубить топор тебе я дал,
А ты все косяки исковырял!»

Не для того, чтоб пустословить много, —
Живой язык нам дан, чтоб славить бога!

Ты слух свой откровению открой,
Не внемли лжи и болтовне пустой.

Глазами созерцай миротворенье,
Закрой их на чужие прегрешенья.

* * *

Ночь для покоя духа создана.
Прекрасен день, и солнце, и луна.

Тебя лаская, ветер повевает,
Ковер лугов тебе он расстилает.

И зимний снег, и вешний дождь, и гром,
Когда сверкает молния мечом,

Они твои рабы, по божьей воле,
Что новый злак выращивают в поле.

* * *

Коль ты в пути томишься жаждой жгучей,
Как водонос, притащит влагу туча.

Неисчислимый мир своих щедрот
Бог для тебя из праха создает.

Мед благовонный пчелы собирают,
И финики на пальмах созревают.

Никто, из воска делавший цветы,
Не достигал природной красоты.

Тебе сияют звезды и плеяды —
В чертоге мира вечные лампады.

Он золото рождает из песка
И мускус из газельего пупка.

Он начертал твои глаза и брови.
Тебе он ближе всех родных по крови.

Могучий, как он тонок в мастерстве:
Он нежный стебелек дает траве.

Ему — твоя душа, твое дыханье! —
А речь твоя слаба для воздаянья.

О боже, видишь, как я изнемог,
Что словом восхвалить тебя не мог!

Что муравьи, что рыбы в водных безднах?
Ведь даже сонмы ангелов небесных

Хвалы, тебя достойной, не нашли,
Мильонной доли не произнесли.

О Саади, оставь калам, не сетуй,
Смирись! Ведь нет конца дороге этой!

* * *

Не знает счастья, кто не знал беды.
Что богачу — раба его труды?

Едва ль доволен посланной судьбою
Страдающий, укушенный змеею.

Когда ты быстроног, то впереди
В делах благодарения иди.

Пусть старцу юноша вину прощает,
Пусть сильный участь слабого смягчает.

Живущему вблизи Аму-Дарьи
Ты о цене воды не говори.

Что знает он о жаждущих в пустыне,
Которым капля влаги — благостыня.

Кто в муках лихорадки не сгорал,
Тот и здоровья цену не познал.

Ночь не долга тому, кто в куще сада
Покоится, овеянный прохладой.

Но ведает, как ночь долга, больной,
Измученный горячкой огневой.

Разбужен барабаном шах; но даже
Не вспомнил, что не спят ночные стражи.

* * *

Холодной ночью как-то шах Тогрул
На стража у ворот своих взглянул.

Снег мокрый падал, разливались лужи;
И тот индийский страж дрожал от стужи.

Тогрул, хоть и неласков нравом был,
Сказал: «Бедняга, ты совсем застыл!

Ты потерпи, как во дворец войду я —
С гулямом шубу теплую пришлю я».

Так было: снег валил. Вошел султан
В натопленный роскошный свой айван.

Там шаха пери юная пленила,
И стража сердце шахское забыло.

Индиец, что под стужею дрожал,
Совсем из царской памяти пропал.

А стражник в ожиданье исстрадался,
Но шахской шубы так и не дождался.

От ожиданья тщетного того
Мученье усугубилось его.

Уснул беспечным сном султан великий.
И молвил страж индийский смуглоликий:

«Ты спишь, владыка, с пери молодой,
Забыл, как «осчастливлен» я тобой?

В блаженстве райском всяк твой час проходит.
Не знаешь ты, как ночь для нас проходит».

* * *

Есть караванщик главный начал сам,
Забыв бедняг бредущих по пескам.

Спусти, о господи, ладью скорее, —
Вода несчастным достигает шеи!

Постойте вы, что юны и крепки,
Ведь в караване есть и старики!

Богач беспечно дремлет в паланкине;
Не спит погонщик в сумрачной пустыне.

Песок зыбучий, камни, спуск, подъем —
Их знает тот, кто изнурен путем.

Большой верблюд тебя везет, качает,
А пеший, в муках, кровь свою глотает.

Ты, сытый, со спокойным сердцем спи,
Забыв голодных, гибнущих в степи!

* * *

Был пойман некий вор, за локти скручен
И в яме ждал суда — избит, измучен.

И вот глубокой ночью слышит он:
«Я голоден!» — и чей-то вздох и стон.

И крикнул вор: «Ты что меня тревожишь?
Ужель ты сам себе помочь не можешь?

Зачем ты бога не благодаришь,
Что ты не связан, в яме не сидишь?

Не прогневи судьбу! — ведь ты — свободный,
Моя же участь вовсе безысходна».

* * *

Дирхем однажды голый раздобыл
И шкуру недубленную купил.

Надел и возроптал: «О злая участь!
Ведь в этой шкуре я в жару измучусь!»

А мимо стража волокла в тюрьму
Колодника; и тот сказал ему:

«Благодари творца, о бестолковый,
Что шкура на тебе, а не оковы».

* * *

С святым дервишем некто повстречался.
Дервиш ему евреем показался.

По шее он отшельника хватил,
А тот ему рубаху подарил.

И устыдился человек прохожий,
Взмолился он: «Прости мне, старец божий!

Как за ошибку я себя корю...
Чем я тебя за дар твой отдарю?»

«За что дарить? — дервиш промолвил слово, —
Ведь я не сделал ничего плохого!»

Злодея — пусть в одежде золотой —
Достойней нищий с доброю душой.

Пред небом праведный разбойник выше
Обманщика в обличий дервиша.

* * *

Взывал в пустыне сбившийся в пути:
«Погибну я, дороги не найти!»

А спутник молвил: «Потерпи немного.
Крепись, благодари за милость бога!

Пусть ты не на осле, — пешком пошел,
Но ты ведь человек, а не осел!»

* * *

Увидя пьяного, что в грязь свалился,
Факих самим собою возгордился.

Прошел он с поднятою головой,
А пьяный крикнул вслед: «Эй, муж святой!

Пусть ты осыпан божьей благостыней,
Не чванься! Все несчастья — от гордыни.

Не презирай колодника! Гляди:
В колодки завтра сам не попади!

Не зарекайся, спесью обуянный,
Что завтра сам не свалишься ты пьяный!

В мечеть ты ходишь? — Не кори людей,
Что в синагоге молятся своей.

Хвали творца, что от позора спас он,
И что зуннаром ты не опоясан».

Кто ищет Истину, не сам идет,
Его веленье высшее влечет.

Но кто тебя ведет — всмотрись толково,
Бывает, что и враг ведет слепого.

* * *

От множества недугов лечит мед,
Но даже мед от смерти не спасет.

И травами лечась, достигнешь цели,
Но если жизнь еще не гаснет в теле.

Мед, как бальзам — здоровья верный друг
Но он не исцелит от смертных мук.

Тем, для кого ударил час ухода,
Нет пользы от целебных трав и меда.

Кто ранен так, что должен умереть,
Его сандалом незачем тереть.

Жизнь — высший дар творца — сберечь старайся,
С грозящею судьбой не состязайся.

Пока приемлешь пищу и питье,
Свежо и крепко естество твое.

Но если тело пищу не приемлет,
Дух разрушенья твой чертог объемлет.

Из четырех стихий твой создан строй —
Из жаркой, хладной, влажной и сухой.

Когда одна из них возобладает,
Она весы здоровья разрушает.

Когда дыханье мук не облегчит,
Основу тела жар нутра спалит.

Желудка ли котел не варит пищу —
И в том беда телесному жилищу.

Ты от стихий свободен стань душой!
Они всегда не ладят меж собой.

Ведь не еда — источник силы многой, —
Души и тела мощь — всегда от бога.

Ты мощен, думой о войне объят, —
Но не войной творца благодарят.

Когда, земли касаясь в поклоненье,
Ты молишься — молись в самозабвенье.

Будь в службе честен пред творцом твоим,
Не расточай дарованное им.

В презренье к злату, в самоуглубленье,
В добре, в смиренье — верный путь служенья.

* * *

Живым сердцам присуще чувство бога,
Чтоб мы склонялись у его порога.

И все добро, что нами свершено,
Великим и предвечным внушено.

Дано нам чудо языка живого —
Непостижимый дар живого слова.

Кто нам врата познания — глаза —
Отверз, чтоб видеть мир и небеса?

Коль Друг твой этих врат не отворил бы,
Подъем от спуска ты не отличил бы.

Рука тебе для щедрости дана,
А в череп мысль о боге внедрена.

Рассудку не понять души творенья,
Ни чувство щедрости, ни поклоненья.

Глагол и орган слуха хороши, —
Они — ключи от сундука души.

И как бы тайну сердца мы открыли,
Когда б уста у нас не говорили?

И если б слуха не было в ушах,
Как внял бы вести разум-падишах?

Мне речь дана для сладостного чтенья,
А слух — для восприятья откровенья.

И речь и слух — рабы у врат царя —
Вседневно служат, ревностью горя.

«Я щедр!» — ты говоришь, а сам задарен
Всезрящим — и ему не благодарен.

Вот так цветы в подарок садовод
Царю из сада царского несет.

* * *

Кумир я видел в капище Сомната
В одежде драгоценной и богатой.

Был из слоновой кости изваян
Прекрасный ликом этот истукан.

Шли тысячи людей на поклоненье
Кумиру — без души и без движенья.

Главу надменно идол воздымал
И пламенным моленьям не внимал.

Мольбы звучали, и пылали свечи
Пред изваянием, лишенным речи.

И я не мог понять людей живых,
Молящихся созданью рук своих.

И у жреца, с которым подружился,
Об этой тайне я спросить решился:

«О мудрый! — обратился я к нему, —
Что здесь у вас творится, не пойму?

Все эти перед статуей моленья —
Не величайшее ли заблужденье?

Ведь силы не дано его рукам,
Его повергнешь — он не встанет сам.

А вместо глаз янтарь блестящий вставлен...
Прошу ответь — за что он так прославлен?»

От слов моих вспылав, как от огня,
И разъярясь, вцепился он в меня.

Брахманов скликал он, живущих в храме,
И понял я, что окружен врагами.

Рванулась на меня, как стая псов,
Орава этих гебров-мудрецов.

Они, тропу избравшие кривую,
Сочли кривой стезю мою прямую.

Муж, как бы ни был духом умудрен,
В кругу невежд невеждой будет он.

Как тонущий, в предсмертное мгновенье —
В спокойствии увидел я спасенье.

Коль гневом диким изувер вскипит,
Покорство, мягкость — твой последний щит.

И я брахмана главного восславил:
«О мудрый! Если б ты меня наставил!

Изображеньем бога я пленен,
Так обликом своим прекрасен он!

Утончен лик его... Но не скрываю —
Его духовной сути я не знаю.

Ищу я правды в чуждой стороне;
Открой же вашу истину и мне.

Ты ферзь на клетках тайны мне безвестной,
Будь мне наставником, о старец честный.

Открой мне суть кумира! И клянусь —
Ему тогда я первый поклонюсь.

Слепое поклоненье — заблужденье.
Но счастлив тот, кто понял откровенье!»

И вот брахман улыбкой засиял
И молвил мне: «Прекрасно ты сказал.

Достигнет тот понятия о боге,
Кто ищет указания в дороге.

Я долго в мире, как и ты, блуждал,
Бездушных много идолов видал;

Но этот — наш, чуть утро наступает,
К владыке неба руку воздевает!

Ночь ты с Молитвой в храме посидишь,
А завтра явным тайное узришь!»

Всю ночь я, по велению брахмана,
Там пробыл, как Бижан на дне зиндана.

Та ночь была тяжка, как смертный час...
Молились маги, не смыкая глаз.

Они вовек «воды не оскорбляли»,
И падалью подмышки их воняли.

За что я, неуспевший умереть,
Был должен муки адские терпеть?

Всю эту ночь я, как в цепях, томился,
Терпел, себя смиряя, и молился.

Но вот в литавры страж загрохотал,
В ответ петух брахманом закричал.

И ночь — хатиб, весь в черное одетый,
Из ножен мрака вынул меч рассвета.

Лучи блеснули, будто в Зангебар
Нежданно вторглись полчища татар.

Восток, как трут горящий, задымился,
И мир сияньем ярким озарился.

И маги, лиц водою не омыв,
Вошли, ворота храма отворив.

А вслед народу столько привалило,
Что там упасть иголке негде было.

Вдруг статуя, как будто ожила,
Внезапно к небу руку подняла.

И завопил народ, заволновался...
Когда с брахманом я один остался,

Спросил с улыбкой он: «Ну, друг, скажи —
Ты отличаешь истину от лжи?»

Я понял: в нем неверье укрепилось,
Невежество и зло укоренилось.

Пред ними ль мне о боге говорить?
Нет! Истину от них я должен скрыть.

Когда с тобой сильнейший враг столкнется,
Не мужество, безумье — с ним бороться.

И тут я лицемерно зарыдал:
«Раскаиваюсь! Верю!» — я сказал.

Те, что вчера мне недругами были,
Меня теперь с любовью окружили.

Пред изваяньем голову склонить
Решился я — просил меня простить.

Дабы держать брахманов в обаянье,
Поцеловал я руку изваянья.

Так я на путь язычества попал —
И на два, на три дня неверным стал.

Признал Пазенд и сделался брахманом,
Поклоны отбивал пред истуканом.

И вот я, дара жизни не сгубя,
Увидел в безопасности себя.

И стражем став враждебного оплота,
Я ночью изнутри замкнул ворота.

И обошедши идольский престол,
Завесу златотканную нашел.

За той завесой — тайный храма житель,
С веревкою в руке дремал служитель.

Вот так же тайну муж Дауд открыл,
Когда, как воск, железо размягчил.

Я понял: за веревку страж потянет —
Рука кумира подыматься станет.

Меня увидя, страж был устыжен,
Как вор ночной, что в краже уличен.

Прочь побежал он; но его догнал я.
С ним в философский спор вступать не стал я, —

Схватил его, в колодец повалил...
А будь он жив — меня бы он убил,

Чтоб тайна их не стала всем известной.
Но спас меня в тот час творец небесный.

Дела врага и происки его
Воочью увидав — убей его.

А если дрогнешь, пощадишь злодея,
Тебя он уничтожит, не жалея.

Не верь, пусть на порог приполз он твой,
Поплатишься за жалость головой.

Обманщика, коль пойман и открыт он,
Убей! Не то тебя не пощадит он.

В колодце камнем я добил его,
Ведь мертвый не расскажет ничего.

Поняв, какое дело совершил я,
Немедля в ту же ночь бежать решил я.

Тростник поджегши, не огня страшись, —
Беги, разумный! Тигров берегись!

Убив змееныша, змеиной мести
Страшись. И поселись на новом месте.

Не вороши осиного гнезда —
Иначе будет худшая беда.

И со стрелком туранским не стреляйся,
А промахнулся, вскачь верхом спасайся.

Подрывши основание стены,
Не стой под ней! — Слова мои верны.

В Хинд я бежал; после войны оттуда
В Хиджаз ушел, спасенья славя чудо.

Всю горечь бед, что я переносил,
Мне только день сегодняшний смягчил.

Бу-Бакр ибн-Са'д — мой друг и благодетель —
Он лучший из людей — аллах свидетель.

Под древом, что высоко поднялось,
Мне — страннику — прибежище нашлось.

Я возношу молитвы за ибн-Са'да.
О боже, сень его — моя отрада!

Он сам, от царственных своих щедрот,
Живой бальзам на раны мне кладет.

Не нахожу я слов благодаренья;
Хоть только бог достоин поклоненья.

Я — грешный — чтущий Вечного завет,
Спасенный чудом из колодца бед,

Я простирая длань, мольбой клонимый
К чертогу тайны неисповедимой,

Лишь вспомню идола и вспомню страх
Тогдашний — я на темя сыплю прах.

И я подъемля руки, гласу внемлю,
Что не своей их силою подъемлю.

Влюбленный ли к возлюбленной идет?
Нет! Их предначертание влечет.

Врата добра — для всех, кто чист, беззлобен;
Но ведь не каждый на добро способен.

И хоть раскрыт блистающий чертог,
Лишь избранные ступят на порог.

Не в воле смертного избрать дорогу,
Всеведенье присуще только богу.

Захид — пусть прям и верен путь его —
Что сделал он для друга своего?

Кто для добра был гончаром замешен,
В деяньях добр и в гневе непоспешен.

И тот, кто яд зубам змеи дает,
Велел пчеле сбирать душистый мед.

Коль хочет царство ввергнуть в разрушенье,
Он в дух царя сперва внесет смятенье.

Но даст он равновесье и покой
Душе твоей, коль милостив с тобой.

Не возгордись, идя прямой стезею! —
Твой друг тебя ведет своей рукою.

Внемли! Да будешь мудростью богат.
Путь пред тобой единый — тарикат!

Достигнешь только в верности чертога,
За скатерть сядешь на пиру у бога!

Но одному не подобает есть, —
Ты вспомни — обездоленные есть.

Пошли мне милость и благоволенье, —
В своих делах земных я полн сомненья!

Г Л А В А Д Е В Я Т А Я

О покаянии и правом пути

Семидесятилетний, кем ты был?
Ты жизнь проспал иль по ветру пустил?

Над бытием своим, как скряга, трясся.
Что ж, уходя, ничем ты не запасся?

В последний день, в день грозного суда,
Таким, как ты, поистине беда.

Отдавший все — придет обогащенный,
Ни с чем — стяжатель будет пристыженный.

Ведь чем базар богаче, тем больней
На сердце обездоленных людей.

Теперь — отдавший пять дирхемов, споря,
Ты ночь не спишь; тебе утрата — горе.

И вот полвека прожил ты почти, —
Оставшиеся дни, добром сочти.

Когда б мертвец заговорил, — наверно,
Он в горе бы вопил нелицемерно:

«Живой! Пока ты в силах говорить,
Не забывай предвечного хвалить!

Ведь мы не знали, тратя жизнь беспечно,
Что каждый миг подобен жизни вечной!»

* * *

В дни юности, не ведая беды,
Мы пировать с утра пришли в сады.

А под вечер, к смущению народа,
Шутя, возню затеяли у входа.

А невдали — в распахнутых дверях
Сидел почтенный старец в сединах.

Шутили мы и весело смеялись,
Но губы старика не улыбались.

Сказал один из нас: «Нельзя весь век
Сидеть в печали, добрый человек!

Встряхнись! Забудь, что удручен годами,
Иди и раздели веселье с нами!»

Старик взглянул, губами пожевал,
И вот, как он достойно отвечал:

«Когда весенний ветер повевает,
Он с молодой листвой в садах играет.

Шумит под ветром нива, — зелена...
А пожелтев, ломается она.

Смотри, как свеж весенний лист сегодня
Над высохшей листвою прошлогодней.

Как пировать я с юными могу,
Когда я весь в сединах, как в снегу?

Я сам был соколом! Но старость — путы...
Слабею. Сочтены мои минуты.

Как уходящий, я смотрю на мир;
А вы впервой пришли на этот пир.

Тому, кто всем вам в прадеды годится,
Вином и флейтой не омолодиться.

Мой волос был, как ворона крыло,
Теперь в моих кудрях белым-бело.

Павлин великолепен — кто перечит.
А как мне быть, коль я бескрылый кречет?

От всходов ваша пажить зелена,
А на току у старца ни зерна.

Все листья у меня в саду опали,
Все розы в цветнике моем увяли.

Моя опора — посох. Больше нет
Опоры в жизни мне на склоне лет.

Ланиты-розы стали желтым златом...
И солнце ведь желтеет пред закатом.

Даны вам, юным, крепких две ноги,
А старец просит: «Встать мне помоги!»

Молва простит юнцу страстей порывы,
Но мерзок людям старец похотливый.

Как вспомню я минувшие года,
Клянусь — мне в пору плакать от стыда!

Лукман сказал: «Да лучше не родиться,
Чем долгий век прожить и оскверниться!

И лучше вовсе жизни не познать,
Чем жить — и дар бесценный растерять!

Коль юноша несет свой мускус к свету,
Старик идет к последнему ответу».

* * *

Старик пришел к врачу. Он так стонал,
Что лекаря невольно испугал:

«Прослушай сердца моего биенье!
Я еле жив, мне каждый шаг — мученье.

Взгляни, что сделалось с моим хребтом, —
Как будто я нагнулся за цветком».

А врач: «Тебя пристрастье к миру губит.
Терпи и жди, когда труба вострубит.

Безумец, ты грешишь на склоне дней,
Но струй, утекших, не вернешь в ручей!

Всю жизнь ты был гулякою бездумным,
Стань хоть теперь достойным и разумным!»

О друг, когда полвека прожил ты,
То не гонись за призраком тщеты.

Когда сквозь ночь кудрей моих пробился
Рассвет седин — страстей я устыдился.

Ведь и меня желаний пламя жгло,
Но время низкой похоти прошло.

Неужто свежей травке намогильной
Возрадуюсь я, ставши перстью пыльной?

В страстях, среди соблазнов, как во мгле,
Прошли мы, словно тени, по земле.

И новые, что придут не навечно,
Пройдут по праху нашему беспечно.

Жаль мне, что полдень бытия померк,
Что в вихри игр я жизнь свою поверг!

Душа, понять ты жизни не успела,
Что молнией блестящей пролетела!

О внешней красоте ты полон был
Заботами, — и веру позабыл.

Пустыми мы делами занимались,
Теперь — в пустыне брошены — остались...

Учитель детям хорошо сказал:
«Дел мы не делали — а день пропал».

* * *

О юноша, светла твоя дорога, —
Иди путем служения у бога.

Пока силен, пока в душе покой —
Ударь проворней по мячу клюкой.

Напрасно расточенное мгновенье
Длиннее Ночи Предопределенья.

Быв молодым, я цену дня не знал, —
Теперь узнал я, что я потерял.

Не будь ослом с вьюками на спине, —
Лети на ветроногом скакуне.

Пусть ты куски разбитой чаши склеишь,
Ты обмануть купца едва ль сумеешь.

Вот так, по небрежению, о друг,
Ты чашу жизни выронил из рук.

Путь избери прямой, забывши негу!
В Джейхун упав, плыви из бездны к брегу.

Коль нет воды проточной под рукой,
Ты омовенье совершай землей.

Не можешь бегать ты? Идти старайся
И, падая, упорно поднимайся.

Пусть легких скакунов летит поток,
Ты — верный — их догонишь и без ног.

* * *

В пустыне Фейд, дорогой утомлен,
Я лег. Связал меня глубокий сон.

«Вставай! — меня будил погонщик дюжий,
Пихнул ногой, хлестнул уздой верблюжьей.

— Ведь впереди пустыня! Встань, не спи!
Или решил ты околеть в степи?

Что ты, святой хаджи, уснул, как пьяный, —
Не слышишь колокольцев каравана?

Я спал бы, как и ты! Но — я в пути —
Пустыней должен караван вести!»

Ты что не встал под грохот барабанный?
Ты не ступи на след стези обманной!

Тем радость, кто до света восстают
И в срок свои пожитки соберут.

Но горе тем, кто в дреме ночь проводят
И видят, встав, что караван уходит.

Кто бодрствует, тот всех опередит.
Отстанет тот в степи, кто крепко спит.

И тот, кто по весне ячмень посеет,
Сняв урожай, пшеницу не отвеет.

О дремлющие, бодрость вам нужна,
Чтоб смерть не разбудила ото сна.

Коль признак увядания проглянет,
Пусть ночь для верных ясным полднем станет.

Я вживе жизни перешел предел,
Когда мой черный волос побелел.

О горе! Нет былому возвращенья!
Придут, пройдут последние мгновенья.

Что бурею разорено — прошло.
Чем жил ты ныне — и оно прошло.

И вот настало время урожая,
Но с чем ты будешь, ниву пожиная?

Ты, с собранным тобой златым зерном,
Восстань из тьмы, чтоб не скорбеть потом.

Гляди вперед разумными глазами,
Пока ты сам не съеден муравьями.

Талант умножить можно, но беда,
Коль свой талант расстратишь без следа.

Нужны теперь твой труд, твое стремленье! —
Погибнет все во время наводненья.

Слезами грудь, о зрячий, ороси!
Глаголящий, о милости проси!

Не долго будет плоть души престолом,
На срок ты одарен живым глаголом.

Молись, пока не поздно! Может быть,
Не сможешь после смерти говорить.

Внимай, гляди, покамест видит око!
Не спи перед расплатою жестокой!

За каждый миг благодари творца. —
Гроша не стоит клетка без птенца.

По смерти сожаленье бесполезно.
Жизнь — высший дар, а время — меч железный.

* * *

Судьба пресекла жилу одному,
А друг хотел последовать ему.

И некто мудрый из укрытья вышел,
Когда надгробный вопль и стон услышал.

Сказал: «О плачущий, внемля тебе,
Мертвец порвал бы саван на себе!

Сказал бы он тебе: «О чем ты стонешь?
Я умер; скоро ты меня догонишь.

Смерть неизбежно всем нам предстоит.
О чем же так душа твоя скорбит?»

Мудрец, чей сын, как ранний цвет увянет,
Сам над собой, наверно, плакать станет.

Ребенка рано темный рок увел,
Но чистым сын пришел и чист ушел.

Ты сердце в чистоте храни всечасно,
Прийти в грязи на страшный суд опасно.

На сокола надвинь ты колпачок,
Чтоб сам с руки сорваться он не мог.

Там, где живешь ты, жили в дни былые...
И ты исчезнешь, и придут другие.

Ты будь богатырем или царем,
Уйдешь отсюда в саване одном.

Видал ты окруженного кулана?
В ущелье не уйдет он от аркана.

И сколько силы ни дано тебе,
Но вызова ты не бросай судьбе.

В пристрастье к миру, друг, не будь беспечен,
Ведь даже звездный свод над ним не вечен.

Вчера — ушло, а завтра — нам темно.
Считай, что жизнь — мгновение одно.

* * *

Джам потерял жену. Ее повил он
Шелками. В горе безутешен был он.

И вот взошел он, долго быв без сна,
На башню, где покоилась она.

На теле шелк истлевший увидал он,
Задумался и сам себе сказал он:

«Я шелк блестящий снять с червя велел,
И червь могильный шелк блестящий съел».

Нет, кипариса здесь не вырастало,
Который с корнем смерть не вырывала.

Юсуфу лик прекрасный жизнь дала,
Но смерть его из жизни унесла.

Два бейта, что я слышал у мутриба,
Как на углях, мне печень сжечь могли бы:

«И мы уйдем навеки! И без нас
Цветение наступит сотни раз!

И тир и дей сто раз взойдут над нами...
А мы — мы глиной будем, кирпичами!»

* * *

Отшельнику, что богу поклонялся,
Однажды слиток золотой достался.

Был ум его богатством помрачен
И помыслами грешными смущен.

Всю ночь не спал он, жадностью объятый...
Он думал: «Заживу теперь богато!

Довольно унижения сносить
И подаянья по миру просить.

Дворец построю мраморный; а крышу
На балках бальзамических возвышу.

В одном покое будет зимний сад,
Другой покой — для пира и услад.

Во что одет я? Рвань! Одни заплаты!
Я облачусь в парчовые халаты.

Не буду пищу сам себе варить,
Мне слуги будут яства подносить.

На чем я сплю? Солома, войлок рваный;
В постели буду спать благоуханной».

Так о роскошной жизни он мечтал,
И мозг его от помыслов пылал.

Мир и духовный свой покой забыл он,
И совершить намаз святой забыл он.

Мечтаньями своими опьянен,
В пустыню утром устремился он;

И увидал, войдя в мазар старинный:
Кирпичник месит чан могильной глины.

Дервиш, мечтаний призрак сокруша,
Вздохнул: «О близорукая душа!

Куском ли золота себя обманешь,
Когда и сам ты завтра глиной станешь?

Пусть ты проглотишь алчно свой кусок,
Второй кусок тебе не будет впрок.

Что с кирпичом златым ты делать будешь?
Ведь им поток Джейхуна не запрудишь!

Ты о богатстве бренном возмечтал,
А сам богатство духа растоптал.

Ослеп ты сердцем к вещей укоризне...
Страсть, как самум, сожгла посевы жизни.

Сурьму беспечности с ресниц отмой! —
Прах будет завтра для тебя сурьмой».

РАССКАЗ

Два мужа меж собою враждовали,
Дай волю им — друг друга б разорвали.

Друг друга обходили стороной —
Да так, что стал им тесен круг земной.

И смерть на одного из них наслала
Свои войска; его твердыня пала.

Возликовал другой; решил потом
Гробницу вражью посетить тайком.

Вход в мавзолей замазан... Что печальней,
Чем вид последней сей опочивальни?..

Злорадно улыбаясь, подошел
Живой к могиле, надписи прочел.

Сказал: «Вот он — пятой судьбы раздавлен!
Ну, наконец я от него избавлен.

Я пережил его и рад вполне.
Умру — пускай не плачут обо мне».

И наклонясь над дверцей гробовою,
Сорвал он доску дерзкою рукою.

Увидел череп в золотом венце,
Песок в орбитах глаз и на лице.

Увидел руки, словно в путах плена,
И тело под парчой — добычей тлена.

Гробницу, как владения свои
Заполнив, кишели муравьи.

Стан, что могучим кипарисом мнился,
В трухлявую гнилушку превратился.

Распались кисти мощных рук его,
От прежнего не стало ничего.

И к мертвому исполнясь состраданьем,
Живой гробницу огласил рыданьем.

Раскаявшись, он мастера позвал
И на могильном камне начертал:

«Не радуйся тому, что враг скончался,
И ты ведь не навечно жить остался».

Узнав об этом, живший близ мудрец
Взмолился: «О всевидящий творец!

Ты смилостивишься над грешным сим,
Коль даже враг его рыдал над ним!»

Мы все исчезнем — бренные созданья...
И злым сердцам не чуждо состраданье.

Будь милостив ко мне, Источник Сил,
Увидя, что и враг меня простил!

Но горько знать, что свет зениц погаснет
И ночь могил вовеки не прояснет.

Я как-то землю кетменем копал
И тихий стон внезапно услыхал:

«Потише, друг, не рой с такою силой!
Здесь голова моя, лицо здесь было!»

* * *

Я на ночлеге, пробудившись рано,
Пошел за бубенцами каравана.

В пустыне налетел самум, завыл,
Песком летящим солнце омрачил.

Там был старик, с ним дочка молодая;
Все время пыль со щек отца стирая,

Она сама измучилась вконец.
«О милая! — сказал старик отец. —

Ты погляди на эти тучи пыли,
Ты от нее укрыть меня не в силе!»

Когда уснем, навеки замолчав,
Как пыль, развеют бури наш состав.

Кто погоняет к темному обрыву,
Как вьючного верблюда, душу живу?

Коль смерть тебя с седла решила сбить,
Поводья не успеешь ухватить.

* * *

О клетка из костей, о гость мгновенный,
Душа в тебе подобна птице пленной.

Когда из клетки птица улетит,
Назад ее ничто не приманит.

Мир — только миг; но мудрым, в блеске пира,
Миг откровения — дороже мира.

Шах Искандар весь мир завоевал
На миг и бросил все, чем обладал.

Он счастлив был бы сбросить власти иго,
Но не отсрочили ему ни мига.

Что кроме славы доброй иль дурной
Нам на стезе останется земной?

Ты спишь в рабате этом, в неге тонешь?
Друзья ушли, ты скоро их догонишь.

Умрем, сады весною расцветут,
И новые влюбленные придут.

Презри тюрчанку — жизнь! С кем это было,
Чтоб полюбив, она не разлюбила?

О сонмы спящих! Судная труба
Отверзнет ваши темные гроба!

Теперь твой срок беспечности страшиться,
Чтоб не рабом на страшный Суд явиться.

На Суд не так мы, как в Шираз, придем,
Где окунемся в чистый водоем.

Хоть отдохнем в Ширазе мы немного,
Далекая нам предстоит дорога.

В путь про запас источник слез бери,
Коль ты в грязи — то смой ее, сотри!

* * *

Отца я вспоминаю дорогого;
Я верю: он — под сенью всеблагого.

Он подарил мне доску, и тетрадь,
И ценный перстень, а на нем — печать.

Снял перстень золотой с меня мошенник
И заплатил мне финик вместо денег.

Цены не знал я перстню и, шутя,
За финик отдал; кто я был? — дитя.

Ты тоже дней своих цены не знаешь.
Подумай сам — на что ты их меняешь?

Лишь те, кто ныне доброе творят,
Из бездны праха встанут до плеяд.

Но голова твоя в земле застрянет,
О тела раб, Земное перетянет.

О брат, постыдных дел своих стыдись,
Предстать на суд в позоре берегись!

Как будут вешать на весах пороки,
То содрогнутся в ужасе пророки.

Когда сердца святых охватит дрожь,
Где оправданье ты себе найдешь?

Ведь женщин, в поклонении усердных,
Поставят выше вас — жестокосердных.

Ты мужества, несчастный, устыдись,
Коль жены над тобою вознеслись.

У женщин сроки некие бывают,
Когда их от молитвы отстраняют.

Что ж от святой молитвы в стороне
Сидишь ты, уподобившись жене?

Не женщина ты в пору очищенья;
Уйди! Ты женщин ниже — без сомненья!

Я средний, на меня ты не гляди,
Внимай словам идущих впереди!

За гранью прямоты — уклон, пучина...
И там, кто ниже женщин — не мужчина.

На неженку богатого взгляни,
Его с отважным воином сравни.

* * *

Жил некто; взял волчонка, воспитал он;
А волк подрос, хозяина задрал он.

Искусанный хозяин умирал
И, вспомнив речи вещие, сказал:

«Вот так: печешься век о нежном друге
И в сердце нож получишь за услуги...»

На нас, людей, иблис изрек хулу,
Мол, только человек — причина злу!

О, горе вам, что одержимы дивом!
Пусть тот упрек не будет справедливым!

Иблис разжег вражду у нас в сердцах, —
Да поразит его святой аллах!

Как нам подняться, тонущим в позоре,
Коль мы с иблисом в мире, с богом в ссоре?

Любовь с друзьями будет не долга,
Коль тянешься ты в сторону врага.

Коль дорожишь ты дружбою своею,
Противостой врагу душою всею.

Тот, кто врагом коварным обольщен,
От сердца друга будет отчужден.

Твой друг к тебе вовеки не заглянет,
Коль у тебя в гостях врага застанет.

Что сможешь ты на медный грош купить,
Коль смог дары Юсуфа позабыть?

* * *

Повздорил некий человек с царем,
И царь сказал: «Казнить его мечом».

Когда попал бедняк в палачьи руки,
Он укорял себя в сердечной муке:

«Я не попал бы в когти палача,
Когда б не спорил с другом сгоряча!»

Скажи: тот сам себя возненавидел,
Кто друга незаслуженно обидел.

Будь верен в дружбе, если ты умен.
Враг вашей дружбой будет устрашен.

Будь с другом истинным единодушен, —
И сам оплот врага падет разрушен...

Ты знай: иблиса ненависть долга,
Обидев друга, радуешь врага.

* * *

Жил некто возвеличенный султаном;
Он неимущих разорял обманом.

Но уличен и на смерть осужден,
В отчаянье иблиса проклял он.

Иблис ему: «Тебе бы вспомнить в пору,
Что ты в моих когтях — по договору!»

Беда, когда по наущенью зла,
На ниве блага низость возросла.

Хоть век живи порок в себе тая,
Всем станет явной злая суть твоя.

Живи обманом низким хоть до гроба,
Но срок настанет: явной станет злоба.

Живи добром, свой путь прямой найди,
Заступника к защите побуди!

Не будет стон мольбы твоей исполнен,
Пока терпеньем кубок не наполнен.

Коль ты не мощен, свой удел прими,
Горе с мольбою руки подыми!

Коль смело зло осудишь, правым станешь,
И с ношей доброй на суде предстанешь.

Дорог в пустыне много пред тобой, —
Ищи, иди раскаянья тропой.

Кто груз грехов весь век пронесть сумеет?
Тут и носильщик сильный ослабеет.

Иди за теми, что ушли вперед
Путем, который к истине ведет.

Но тот, кого иблис приманкой тянет,
Тот к каравану верных не пристанет.

Пророк — заступник верный за того,
Кто искренно идет путем его.

Будь смел, пускай пустыня тьмой объята,
Дойдешь прямой дорогой до рабата.

Не будь, как вол, по кругу на снопах
Весь день бегущий — с тряпкой на глазах.

* * *

Гончар, весь в глине и в известке белой,
В соборную мечеть вошел несмело.

И некто крикнул в гневе: «Как ты смел
войти, в грязи, в пречистый сей предел?»

Смягчил мне сердце окрик тот сердитый, —
Я понял: дверь эдема всем открыта.

Там — в куще праведников — места нет
Тем, кто не чтил божественный завет.

В рай тот войдет, кто бога почитает,
А жадный здесь наличность получает.

Очисть от грязи холст полы своей,
Не то иссякнет милости ручей.

Пусть птица счастья от тебя умчалась,
Нить путеводная тебе осталась.

Спеши теперь, в пути не запоздай,
Но опоздавши — в горе не впадай!

Пока ты жив — веленью духа внемли,
С мольбою руки к вечному подъемли.

Не спи, несчастный грешник, встань скорей,
Моли простить, поди и слезы лей!

Но если вдруг, как — ты и сам не знаешь,
Ты честь в пыли невольно растеряешь,

Заступника на помощь позови —
Кошницу человеческой любви.

Пусть в гневе райский страж меня прогонит,
Мольба святых его за сердце тронет.

* * *

Мне помнится: в младенчестве моем
Пошел я в праздник погулять с отцом.

Я на людей глядел и удивлялся;
И вдруг в толпе внезапно потерялся.

До той поры кричал я, звал отца,
Пока не увидал его лица.

Он мне сказал: «Смотри, ходи за мною
И крепче за полу держись рукою!»

Так пусть же старший малого ведет, —
Ребенок сам дорогу не найдет.

О ты, дитя стези, ведущей к богу,
Держись за полу знающих дорогу.

В кругу людей презренных не садись,
Иначе с доброй славою простись.

Держись за перевязь сумы заплечной
Арифа! Бедных не презрит предвечный!

Седые дети — мы, ученики;
А шейхи наши, как стена, крепки.

Ты на дитя взгляни, как постепенно
Он учится ходить, держась за стены.

От дружбы злых людей освободись,
За светлый пир средь избранных садись.

И сердце справедливого султана
Не избежит их — поздно или рано.

* * *

Закончив доброй жатвы обмолот,
Хозяин отрешился от забот.

Он напился на радостях, и пьяный
Раздул огонь, и сжег свои хирманы.

Так бог привел бедняге нищим стать,
Пришлось ему колосья подбирать.

И сыну бедняка, как пир мюриду,
Промолвил некто мудрый не в обиду:

«То, что дано судьбою, береги!
Свой урожай в безумье не сожги!»

Коль ты во власти злобы и обмана,
Ты — истребитель своего хирмана.

Позор — богатство духа растерять
И у чужих колосья подбирать.

Не трать сокровища свои без меры,
Не растеряй, о брат мой, зерен веры!

На беды неудачливых смотри
И предостережение узри.

Моли простить пред карою ужасной! —
Потом вопить под палками напрасно.

Очнись! Не будь беспечен никогда!
Стыдиться поздно будет в день Суда.

* * *

Жил человек, погрязший в зле беспечно,
И встретил шейха — жизни безупречной.

Покрылся грешник потом ледяным,
Вздохнул: «О, как мне стыдно перед ним!..»

Услыша вздох бедняги беспокойный,
Участливо сказал дервиш достойный:

«Ты не меня и не себя стыдись,
Всевидящего ока устрашись.

На вечную, незыблемую гору
Ты обопрись, и в ней найдешь опору.

Стыдись владыки сущего всего,
Как устыдился взгляда моего!»

* * *

Как Зулейха от страсти ум забыла,
Она Юсуфа за полу схватила.

Как пьяная, не помня ничего,
Напала, как волчица, на него.

Изображенье демона хранилось
В ее дворце; ему она молилась,

Закрыв лицо пред идолом своим,
Чтоб некрасивой не предстать пред ним.

Юсуф один, в отчаянье, в смущенье,
Сидел, страшась греха и обольщенья.

К его ногам припала Зулейха,
Шепча: «О гордый, нет в любви греха!

Ты хмур, ты сердцем тверд, как наковальня.
Сгубить любовь, что может быть печальней?»

В слезах ответил он: «Что ищешь ты?
Своей не оскверню я чистоты.

Ты мертвого стыдишься изваянья,
А я страшусь владыки мирозданья!»

Что пользы каяться, когда до дна
Расточена, пуста твоя казна?

Веселья ради, пьют вино вначале,
Потом — под старость — каются в печали.

Пока ты жив — раскайся. А умрешь —
Ты для мольбы и рта не разомкнешь.

* * *

Когда котенок на земле нагадит,
Он скрыть следы — песком засыпать ладит.

Ты, заглушая совести укор,
Забыл, что есть всевидящего взор?

Ты вспомни притчу о рабе мятежном
И о суде суровом, неизбежном.

Но коль мятежный раб, в душе своей,
Раскается — он избежит цепей.

Проверь свое оружье до сраженья,
Чтоб избежать позора пораженья.

Та грамота, что нам на власть дана,
Да будет чистою возвращена.

Кто утопал в грехах, кто жил безгрешно,
Пред судным днем застонут безутешно.

От вздоха зеркало замутнено,
Но сердца зеркало — просветлено.

Кто в жизни делать людям зло боится,
Тот страшного Суда не устрашится.

* * *

С душой свободной, бодрый, хоть и пеший,
Я на привал пришел в степи Хабеша.

И там увидел кровлю на столбах,
И стражу, и колодников в цепях.

Я дальше с караваном в путь пустился,
В степь, как из клетки птица, устремился.

Сказал мне спутник: «Эти — в кандалах —
Разбойники, что грабили в степях.

Ты ж не повинен в грабеже и краже,
Тебя не схватит никакая стража!»

Боится ль честный сборщик податей
Доносчиков султанских и судей?

Но тот, кто ложь свою скрывать умеет,
Перед Судом от страха онемеет.

В темницу честного не тащат зря.
О мудрый, бойся бога, не царя!

Коль честность мужа верного известна,
Он не боится клеветы бесчестной,

Коль божий раб в служении своем
Усерден, будет бог ему щитом.

Но коль своим величьем возгордится,
В погонщика ослов он превратится.

Спеши к притину Истины прийти,
Страшись отстать в неведомом пути.

* * *

Вельможа из Дамгана, нравом злой,
Ударил мужа некого клюкой.

Всю ночь от боли охал и стонал он.
Шейх навестил его, и так сказал он:

«Когда б донес ты страже городской,
Не спал бы нынче оскорбитель твой».

Кто сердцем богу сам спешит открыться,
Тот в грозный день Суда не устыдится.

И все грехи, что за день совершил,
Ты вспомни, плачь, чтоб Истинный простил.

Пред тем, кто верой чистой обладает,
Дверей прощенья он не запирает.

О божий раб, в молитве будь горяч,
Стыдясь грехов своих, пади и плачь.

И верь — тебя спасет отец творенья,
Коль ты раскаялся в своем паденье.

Никто не приходил к его вратам,
Чтобы не внял он искренним мольбам.

Он искреннего не лишает чести.
Несовместимо с ним понятье мести.

* * *

Сын в Санаа скончался у меня...
Я не забуду горестного дня.

Был, как Юсуф, прекрасен сын мой милый.
Но сгинул — поглощен китом могилы.

Чинар веками крепнет и растет,
А гром ударит — в щепы разобьет.

Не удивляйся розам на могиле, —
Под ними столько юных схоронили!

Кто юн, кто стар, не разбирает смерть,
Безжалостно их убивает смерть.

В тоске по сыну, в горе, став как пламень,
Я своротил его могильный камень.

И устрашился я, похолодел,
Когда могилу темную узрел.

Смятение мой разум охватило...
Мне чудилось, дитя заговорило:

«Когда могила темная моя
Тебя пугает — стань светлей, чем я!»

Будь мужествен, не бойся тьмы могильной,
Коль ты зажечь сумел фитиль светильный!

Беда, коль трясея тебя трясет,
А пальма фиников не принесет.

О, сколько в мире гнусных лиходеев,
Что грабят пахаря, зерна не сеяв.

О Саади, вот истина одна:
Тот хлеб пожнет, кто сеял семена.

Г Л А В А Д Е С Я Т А Я

Тайная молитва и окончание книги

Подъемли длань в мольбе, о полный сил!
Не смогут рук поднять жильцы могил.

Давно ль сады плодами красовались, —
Дохнула осень — без листвы остались.

Пустую руку простирай в нужде!
Не будешь ты без милости нигде.

И пусть ты в мире не нашел защиты,
Ты помни — двери милости открыты.

Пустая там наполнится рука,
Судьба в парчу оденет бедняка.

* * *

Надеждой обездоленные дышат.
Ступай к вратам того, кто всех услышит.

Подъемлю руки, как сучки ветвей,
В безлиственности горестной своей.

Взгляни на нас, источник благостыни!
Грех — от рабов твоих, от их гордыни.

Прости отчаявшегося раба, —
Он верил, что спасет его судьба.

О щедрый! Все мы вскормлены тобою,
Взросли под кровлею твоей живою,

Бедняк за тем, чью милость обретет,
Как верный пес идет, не отстает.

Ты в этом мире сам открыл нам вежды,
И мы на мир другой полны надежды.

Караешь ты... Но раб любимый твой
Униженным не будет пред тобой.

О господи, не унижай меня,
В грехе моем не пристыжай меня.

Творец и повелитель мой единый,
Не ставь ты надо мною властелина.

Да лучше казнь любую претерпеть,
Чем над собой начальника иметь!

Молю тебя с поклоном униженным:
Меня не сделай в мире пристыженным.

Коль тень твоя мне на главу падет,
Моим подножьем будет небосвод.

Пусть ты меня короной увенчаешь,
Но сам ее сними, коль пожелаешь.

Мы — странники несчастные в пути...
Не дай нас диву в бездну завести.

Животный дух, как конь степной, отпрянет,
Его лишь разум высший заарканит.

Взгляни на битву зла с душой живой,
Ведь с барсом муравей не выйдет в бой.

Ты озари мне темную дорогу,
Дай добрести мне к твоему порогу.

Клянусь твоею силой пресвятой,
Клянусь твоею сущностью живой,

Клянусь мольбою ищущих высокой,
Клянусь гробницей светлого пророка,

Клянусь я кровью тех, кто поднял меч
За веру правую на поле сеч,

Клянусь я искренностью юных, нежных,
И старцами в сединах белоснежных,

Клянусь, что мы, попавши в этот мир,
Твердим: ты есть един — создавший мир!

Что жизнь свою твоею мерой мерим,
И что в твое заступничество верим.

Клянусь ведущими меня в пути,
Коль я унизил их, ты мне прости.

Клянусь тебе согбенными в поклонах,
Чьи вежды от стыда в слезах соленых.

Свет от меня молю не закрывай,
Мою молитву дочитать мне дай.

Дай мне в дорогу верный светоч знанья —
И удержи меня от злодеянья.

Не дай мне на запретное смотреть
Иль повели мне прежде умереть.

Я пред тобой, как малый атом, рею.
Так мал я, что значенья не имею.

Одно дано мне: под твоим лучом
Мерцать колеблющимся огоньком.

Вот я осыпан милостями шаха —
Я хуже худших... я исполнен страха.

Обещанную милость вспомяни!
А коль простить нельзя меня, казни.

К твоим дверям прибрел я в униженье.
Не прогоняй меня, даруй прощенье.

Искал я долго след стези твоей;
Не закрывай передо мной дверей!

Я — старец изнуренный, странник слабый.
Ты выслушай мольбу мою хотя бы.

Жалеть богатый должен бедняка,
К тебе моя протянута рука.

И будет бедственная жизнь забыта,
Коль окружит меня твоя защита.

Мы путь предначертанья не нашли,
По небреженыо в сторону ушли.

Все наше зло от нашего сужденья...
За этот малый грех даруй прощенье!

То, что я строил, все пошло на слом,
Нет проку в богоборчестве моем.

И мудрость не от мысли мне явилась, —
Твоею волей мне она открылась!

* * *

Раз некто негра чернотой дразнил,
И словом негр ругателя сразил:

«Дал черноту мне сам творец вселенной.
Ты богохульствуешь, глупец надменный!

Пусть внешне безобразен я, как див,
Я сердцем чист, а ты — душою крив!»

Не больше и не меньше не дано мне
Свершить в подлунной, чем предрешено мне.

Ты — море вечных сил, а кто же я?
Перед тобой ничтожна суть моя.

Путь укажи мне, и к добру приду я;
А без тебя в пустыне пропаду я.

Кто даст мне — бедному рабу тщеты —
Для обороны силы — коль не ты?

* * *

Дервиш, ночами каясь до рассвета,
Днем нарушал опять слова обета

И молвил: «Слаб я духом... Снизойди,
Раскаянье, как стену, утверди!»

Завесь мне взоры от всего, что тленно,
Спаси! Да, не пожрет меня геенна!

Я пал лицом во прах, тебе молясь,
И к небу пыль грехов моих взвилась.

Пусть облик милости дождем прольется,
Под ливнем благодатным пыль прибьется.

Я в мире славы не завоевал
И в мир иной пути не отыскал.

Но ты читаешь мысль в сердцах безгласных
И льешь бальзам на язвы душ несчастных.

* * *

Брахман какой-то, что при храме жил,
Языческому идолу служил.

Но чуть отрекся он от заблужденья,
Ему послал всевышний избавленье.

Пока он в размышлении стоял,
Он голосу таинственному внял:

«Пусть в заблужденьи жил старик несчастный,
Пусть он молился идолу напрасно,

Но коль теперь отвергнем мы его,
Сравним мы бога с идолом его!»

Ты сердцем должен к богу прилепиться —
И сохранит тебя его десница.

Тянись к нему просящею рукой,
И не останется рука пустой.

Так, господи, с пустой рукой пришли мы,
К тебе с надеждою одной — пришли мы!

* * *

В мечеть однажды пьяный ворвался
И пал перед михрабом голося:

«Яви, о боже, надо мною чудо,
В небесный рай возьми меня отсюда!»

От мира отрешась, он неустанно
Молился и попал в беду нежданно.

И в прахе капища бедняк в слезах
Упал с мольбой у идола в ногах:

«О боже, помощи подай мне руку.
Я гибну! Сжалься, облегчи мне муку!»

Так он взывал к кумиру своему,
Но облегченья не было ему.

Ведь каменное бога изваянье
И муху отогнать не в состоянье.

И жрец воскликнул, яростью горя:
«Всю жизнь я камню поклонялся зря!

Дай мне теперь в беде моей подмогу,
Не то я обращусь к живому богу!»

Еще он рук от праха не отряс,
Всевидящий его от горя спас.

Искатель истины, что там случился,
Увидя это, духом омрачился.

«Презренный сей невежда, — думал он, —
Еще самообманом опьянен.

Схватил его за ворот муэззин:
«Ты осквернил мечеть, собачий сын.

Взгляни, на что лицо твое похоже?
Не пустят в рай с такою гнусной рожей!»

Заплакал тут навзрыд хмельной буян:
«Не тронь меня, ходжа, пускай я пьян!

Ты милости творца понять не можешь,
Ты грешника надежд лишать не можешь!»

Я не молю прощенья, но открой
Врата раскаяния предо мной.

Мой грех велик в сравнении с прощеньем.
Я пристыжен твоим благоволеньем.

Старик, от слабости упавший с ног,
Без помощи подняться бы не смог.

Я старец ослабевший... о, вонми мне,
Дай руку и подняться помоги мне!

Я не хочу высокий сан нести, —
Ты слабость и грехи мои прости!

Пусть люди, что грехов моих не знают,
Меня в неведении прославляют.

Но ты — всевидящий, и никакой
Завесой не укрыться пред тобой.

Пусть мир людской шумит и суетится,
Дай за твоей завесой мне укрыться.

Коль раб зазнался, возгордится он,
Но может быть владыкою прощен.

Коль ты прощаешь людям щедрой мерой,
Пройду легко свой путь исполнен верой.

Но на суде не надобно весов,
Коль будет суд безжалостно суров.

Поддержишь, к цели я дойду, быть может,
А бросишь, то никто мне не поможет.

Кто сделает мне зло, коль ты мой щит?
Кто помощи твоей меня лишит?

В тот день, когда из праха я восстану,
Направо я или налево встану?

Как могут указать мне путь прямой,
Когда я в мире шел кривой стезей?

Но верю я, что сжалится Единый,
Увидя на Суде мои седины!

Не устыжусь его, как солнце дня...
Страшусь — не устыдился б он меня.

Ведь не Юсуф — зиждитель мирозданья.
Юсуф изведал и цепи и страданья.

Глубокий духом — он прекрасен был,
Великодушный — братьев он простил.

Он им не мстил, в тюрьму не заточил их,
Он одарил — и с миром отпустил их.

Как те, к Юсуфу — брату своему,
К тебе в мольбе я руки подыму.

Лет прожитых я раскрываю свиток, —
В нем сплошь пестрит грехов моих избыток.

Когда б не всепрощение твое,
То я перечеркнул бы бытие.

Пришел я — нищ... Прости мне прегрешенья,
Не отнимай надежды на прощенье!

П Р И М Е Ч А Н И Я

Симург на Каф-горе еду находит... — Симург — сказочная птица, которая живет на краю света на горе Каф. Симург не трогает живых существ, питается костями, и поэтому служит символом скромности, довольства малым и смирения.

На одного возложит он кулах — то есть возвысит, сделает богатым, счастливым. Здесь кулах — головной убор знати.

Сахбан (Сахбан Ваиль) — знаменитый арабский оратор VII века, красноречие которого вошло в поговорку.

Карун — библейский неправедный богач Корей; по легенде, он обладал несметным богатством, золотым дворцом, но был надменен и жесток.

Имам избранников... — Речь идет о пророке Мухаммеде.

Трон Хосрова — Имеется в виду Хосров Ануширван, прозванный Справедливым, один из наиболее могущественных царей Ирана, который правил с 531 по 579 год. Пророк Мухаммед родился в царствование Ануширвана. Согласно легенде, в час его рождения дворец Ануширвана в столице Ирана — Ктесифоне обрушился.

И в прах разбил и ниспровергнул Лат — Узза и Лат — названия двух идолов, которым поклонялись доисламские арабы. История этих идолов и их разрушение подробно изложены в LIII главе корана.

Таурат — тора, пятикнижие Моисея.

Однажды ночью на коня он сел

И в высоту небесную взлетел — Здесь и дальше поэт излагает легенду, согласно которой пророк Мухаммед на чудесном крылатом коне вознесся однажды ночью на последнюю ступень неба, чтобы повидать аллаха.

...Джабраил в пути отстал... — Джабраил (библейский архангел Гавриил) в коране и мусульманских легендах изображается как вестник, приходящий от бога к пророку и святым. По легенде, он сопровождал пророка Мухаммеда во время его вознесения на небо.

Имам — в «Бустане» употребляется в значении духовного главы.

Да славится Бу-Бакр — мюрид твой старый,
Да славятся деяния Омара.
Премудрый да прославится Осман,
И твой Али, и весь твой ратный стан.

Абу-Бакр, Омар, Осман и Али — четыре халифа, непосредственные преемники пророка Мухаммеда, управлявшие после его смерти (VII в.) мусульманской общиной. Эти четыре халифа у мусульман суннитского толка считаются «правоверными», то есть халифами, строго соблюдавшими заветы Мухаммеда. Мусульмане шиитского толка не признают первых трех халифов, считая их узурпаторами. Они считают Али, двоюродного брата Мухаммеда и его зятя, и потомство Али законными преемниками пророка.

Мюрид — послушник, последователь. Абу-Бакр был одним из первых последователей и первым преемником Мухаммеда.

Фатима — дочь пророка Мухаммеда, жена халифа Али.

Тебя «Лавлак» достойно восхваляет,
«Иасин» твоею славою сияет.

Лавлак — арабское словосочетание, значащее: «Если бы не было тебя». Этими словами начинается предание, которое гласит, что бог сотворил небеса ради пророка Мухаммеда. «Йа» и «Син» (йасин) — названия арабских букв, которые стоят в начале XXXVI главы корана. По древней традиции, эта глава, которой придается таинственный и аллегорический смысл, считается «сердцем» корана.

Шам — Сирия.

Рум — так иранцы называли Византию, а иногда и всю Малую Азию.

Миср — Египет.

Сам, как дервиш, я милости ищу. — Слово «дервиш» поэт употребляет в двух значениях: 1) бедняк, нищий, бродяга и 2) мусульманский странствующий монах, суфий, сочетающий в себе суровый аскетизм и мистическое познание. Дервишизм первоначально возник в X—XI веках как своеобразный протест против ортодоксального ислама и, таким образом, против тогдашней действительности. Основным девизом дервишей было умерщвление плоти, очищение души, отрицание формальных обрядов ислама и при помощи этого познание бога, слияние с ним. Впоследствии дервишизм выродился, и многие дервиши превратилась в обыкновенных попрошаек.

В «Бустане» Саади часто употребляет это слово во втором значении. В данной же строке употреблено в значении «бедняк», «нищий».

Мои стихи, ты знаешь, в Фарсистане —
Увы,— дешевле мускуса в Хотане.
. . . . . .
И шутки ради, розу гулистану
Я приношу, а перец — Индостану.

Фарсистан (Фарс) находится на юге Ирана, на берегу Персидского залива. Во времена Саади Фарс был обширной самостоятельной областью, которой подчинялась и большая часть Ирана — Персидский Ирак, а также Ирак Арабский и почти вся Месопотамия. Столица Фарса — Шираз — родина поэта.

Гулистан — букв.: цветник роз, розарий. Поэт заранее хочет оправдать предполагаемую неудачу своей книги в Ширазе, который он сравнивает с садом роз. Ведь приносить розу в цветник роз, а перец в Индостан, который обеспечивал весь Восток своим перцем, бессмысленно.

Шейх — старшина племени, почетный титул у мусульман.

Он в годы царства Абу-Бакра жил. — Абу-Бакр ибн-Са'д ибн-Занги — правитель из рода Салгаридов, правивший Фарсом с 1226 по 1258 год. Благодаря мудрой политике Абу-Бакра Фарс спасся от разгрома во время монгольского нашествия. Он выплатил монголам большую сумму золотом, и монголы оставили Фарс в покое. Саади за это неоднократно превозносит Абу-Бакра в своих касыдах. Ему же посвятил он свои книги «Бустан» и «Гулистан». В XIII веке после нашествия монголов Фарс с его столицей Ширазом оставался единственным безопасным местом, куда стекались ремесленники, ученые, поэты и т. д. из разгромленных монголами мест.

Фаридун — легендарный иранский царь, известный могуществом и справедливостью.

Румиец меднобашенной стеною
Мир защитил пред вражеской волною.
Ты вал — в защиту правды и добра —
Воздвиг из золота и серебра,
Чтоб укротить степных яджуджей ярость.

Под румийцем поэт подразумевает Александра Македонского, который, согласно легенде, приказал построить огромную медную стену, вал, чтобы воспрепятствовать нашествию мифических диких народов, которых на Востоке зовут яджудж и маджудж (Гог и Магог библейских легенд). В данном случае поэт сравнивает монголов с гогами и магогами, от нашествия которых Абу-Бакр — правитель Фарса — спас свою область уплатой выкупа.

Са'д, сын Занги — отец Абу-Бакра, правил Фарсом с 1195 по 1226 год.

Сурайя — созвездие Плеяды.

Туба — легендарное дерево, растущее якобы в райском саду.

Хызр — легендарный мусульманский пророк, не упоминающийся в числе канонических пророков корана и библии. Считают, что Хызр, отыскав подземный источник

жизни и выпив из него воду, получил бессмертие.

Как на девять престолов высоты
Поставить Кзыл Арслана можешь ты?
Поставь, мол, ноги на небо надменно!
Скажи: «Эй, царь, чело склони смиренно...

Кзыл Арслан — властитель из рода Ильдигизидов, правивший в Азербайджане с 1186 по 1191 год. Поэт-панегирист XII века Захир Фарьяби в одной из своих касыд, восхваляя Кзыл Арслана, говорил: «Воображение должно взлететь на девятый престол (круг) неба, чтобы поцеловать стремя султана». Саади в данном случае намекает на эти стихи Захира Фарьяби и осуждает его.

Ануширван, когда он умирал,
Призвал Хормуза...

Хормуз — Ормузд IV — иранский царь из династии Сасанидов, правил с 579 по 590 год, сын Ануширвана. Он отличался подозрительностью и мстительностью. Очень круто обошелся с советниками и министрами своего отца и, заподозрив их в заговоре, заточил в темницу. Озлобленные придворные свергли Хормуза с престола и возвели на трон его сына Хосрова Парвиза.

Мобед — в «Бустане» Саади употребляет это слово в значении «мудрец».

Ахриман — в древнеиранской зороастрийской религии бог тьмы и зла.

И Шируйе сказал Хосров, прощаясь. — Хосров II Парвиз — иранский царь из династии Сасанидов, правивший с 591 по 628 год. Шируйе, сын Хосрова, был избран на престол при жизни отца, которого заставили отречься от власти. Согласно многочисленным легендам, Шируйе, заточив отца в тюрьму, собственноручно убил его, чтобы овладеть своей мачехой, красавицей Ширин. Романтическая любовь Хосрова и Ширин послужила темой многих восточных поэм. Шируйе — символ тирании и коварства.

Санаа — крупный город в Йемене (Южная Аравия).

Шапур — согласно легенде, рассказанной многими восточными поэтами, был художником, советником и приближенным царя Хосрова Парвиза.

Оман — прибрежная область в восточной Аравии.

...руми встречал он. — Имеются в виду греки, византийцы — жители Рума, то есть Малой Азии.

Айван — крытая терраса; иногда обозначает царский приемный зал, представляющий собой прямоугольное помещение, открытое с одной стороны.

Как мудрого Юсуфа... — Юсуф — библейский Иосиф Прекрасный. В коранической легенде о нем говорится, что в Египте, прежде чем назначить вазиром, его целый год подвергали испытаниям.

Гулям — раб, слуга. Может употребляться также в значении «воин-телохранитель».

Деджла (Диджла) — река Тигр.

Иблис — отверженный ангел, сеющий смуту и зло.

Фарсанг — мера длины у иранцев, в разных областях разная.

Мухтасиб — надзиратель за соблюдением основных положений ислама, за нравственностью горожан и порядком в городе.

Хумай (Хумайюн, Гамаюн) — легендарная птица, приносящая людям счастье. Иранцы считали, что тот, на кого упадет тень Хумая, становится царем или обретает то, к чему стремится.

Шариат — отвлеченное юридическое понятие, в котором сочетаются религиозный и юридический элементы. Мусульманские законоведы считали шариат божьим законом, основанным на коране и высказываниях Мухаммеда.

Харадж — налог, земельная подать.

Джамшид (Джам) — один из первых мифических царей Ирана, жизнь и деяния

которого описаны в «Шах-наме» Фирдоуси. Джамшид — символ могущества и мудрости.

Дара — царь Ирана Дарий (522—486 до н. э.) из династии Ахеменидов.

Туран — название, прилагаемое древними иранцами к областям, заселенным тюркскими народами, Туркестан.

Суруш — ангел-вестник, иногда эпитет архангела Гавриила — Джабраила.

Кейван — планета Сатурн.

Тарикат — в «Бустане» употребляется в значении «праведный путь».

...суфий ты истый... — *Суфий* — последователь суфизма. Суфизм — мистико-пантеистическое учение, возникшее в XI веке как своеобразный протест против ортодоксального ислама и тогдашней феодальной действительности. Суфии, обожествлявшие природу и ее явления, стремились постичь божественную сущность и слиться с богом путем внутреннего очищения и самоусовершенствования. Они отрицали богатство и власть, требовали равенства между людьми, отрицали социальное деление между ними, ибо по их мнению, каждый человек является носителем божественной субстанции. Многие антифеодальные движения протекали под лозунгом суфийского учения. В дальнейшем суфизм распался на несколько течений, часть которых утверждала идеи, угодные господствующему классу. Эти суфийские шейхи-шарлатаны проповедовали непротивление злу, безропотность, одурманивали народные массы, обирали их. На страницах «Бустана» Саади часто высказывает свое отношение к суфизму и к его течениям.

Каба — род длинного кафтана.

Заххак — мифический иранский царь, узурпатор и тиран.

Аджам — букв. «Не Аравия», Иран. Так называли Иран арабы.

Изад — творец, создатель.

Яздан — создатель, бог.

Азраил — ангел смерти.

Зиндан — темница, тюрьма.

Хилл — город в Иране, недалеко от Багдада.

Фарр — ореол сияние. По верованиям древних иранцев, царь должен обладать фарром — божественным ореолом.

Хаджадж (Хаджадж ибн-Юсуф) — полководец и наместник Омейядского халифа Абд ал-Малика ибн-Мивана, отличавшийся жестокостью, свирепостью. Саади использует образ Хаджаджа как символ тирании.

Трон Сулеймана облетел весь мир. — Сулейман — библейский царь Соломон. По легенде, он властвовал над птицами, животными и духами, которые носили его на ковре-самолете по обширному царству. У него был перстень с именем бога, благодаря этому перстню он якобы достиг невиданного могущества.

Алванд — горная вершина в Иране.

Дирхем — мелкая монета, драхма.

Алп-Арслан (1023—1072) — один из выдающихся представителей династии Сельджукидов. В годы его правления власть Сельджукидов распространилась на Среднюю Азию, Иран и значительную часть Малой Азии.

Гур — горная область в верховьях реки Гери-руд, к востоку от Герата. В XII веке феодалы Гура захватили всю территорию Афганистана, Хорасан, часть Индии и образовали могущественную династию, известную под именем Гуридской.

Хызр корабли морского каравана
Крушил, дабы спасти их от тирана.

По коранической легенде, Хызр топил корабли мусульман, преследуемых пиратами, считая это более достойным их.

«Режь горло мне! Но чем калам острее,
Тем и язык работает быстрее!..»

Речь идет о тростниковом пере, который собираются отточить ножом.

Рустам — легендарный иранский богатырь. Его борьба с Исфандиаром, кончившаяся гибелью последнего, составляет один из наиболее крупных эпизодов «Шах-наме» Фирдоуси.

Исфандиар — легендарный иранский богатырь, воспетый в «Шах-наме» Фирдоуси.

Афрасьяб — один из легендарных туранских царей, враждебных Ирану, отличавшийся коварством. Его история рассказана в «Шах-наме» Фирдоуси.

Чтоб и с яджуджем схватки не страшился... — См. Румиец.

Гургин — легендарный богатырь, герой иранского эпоса «Шах-наме».

Чанг — струнный музыкальный инструмент.

Искандер — так называли на Ближнем Востоке Александра Македонского.

Бахман — сын Исфандиара.

И Пиру он Худжантскому приснился... — Имеется в виду один из суфийских старцев, духовных-руководителей.

Халил — точнее Халилуллах — «Друг аллаха», эпитет пророка Авраама.

Века прошли и был ему, как тень я... — Ангел Суруш хочет сказать, что он целый век сохранял старцу жизнь по воле аллаха.

Он джинна Сахра завлекает в сети. — Сахр — имя дьявола, который у мусульман является символом уродства. Согласно легенде, он украл у Соломона перстень и таким образом захватил власть на несколько дней.

Диви-сафед — «Белый дьявол», злой дух.

Ты на пути служенья положил! — Речь идет о служении богу.

Сухраверди — учитель Саади, крупный мусульманский ученый, теолог, философ, суфий. Умер в 1234 году.

Шихаб — точнее Шихаб-ад-дин, имя Сухраверди.

Муршид — суфийский старец, духовный глава.

Джаванмард — благородный, великодушный; эпитет Али, четвертого правоверного халифа.

Хиджаз — область в западной Аравии, в которой находятся два главных и священных города — Мекка и Медина.

Избранник видел все... — Избранник (точнее — избранный) — один из многочисленных эпитетов пророка Мухаммеда.

Кинтар и кират — меры веса на мусульманском Востоке.

Утарид — планета Меркурий.

Шибли (Джафар ибн-Юнус Шибли) — один из мусульманских подвижников. Умер в 946 году.

Фирдоуси — великий персидско-таджикский поэт XI века, автор «Шах-наме».

Хатам — легендарный арабский эмир из племени Тай. Воплощение неограниченной щедрости.

Силь — поток.

Юнан — Греция.

И тот, чье сердце кровью обольется,
Тот, как гранат под осень, засмеется.

В кожуре спелого граната часто образуется трещинка, сквозь которую проглядывает ряд зерен, напоминая обнаженные в улыбке зубы. Смысл двустишья в том, что веселье и радость — удел великодушного человека, сострадающего другим.

Эдем — рай.

Майдан — площадь, ристалище.

В ночь кадр молиться не встает неверный. — Ночь кадр — ночь, когда пророку Мухаммеду был ниспослан коран. Эта ночь у мусульман считается священной. Мусульмане, считая себя «правоверными», всех остальных называют «неверными».

Бахрам (Бахрам — Гур) — полумифический иранский царь из династии Сасанидов;

согласно легендам, он был искусным охотником, за что ему дали прозвище охотника на гуров-онагров.

Шах-заде — царевич, принц.

Факир — бедный, униженный, странствующий дервиш.

Човган — клюшка для игры в конное поло, а также название самой игры.

Пусть, как Иаков, я ослепну, все же
К Юсуфу приведешь меня ты, боже!

Согласно коранической легенде, братья Юсуфа (библейского Иосифа Прекрасного), завидуя ему, бросили его в колодец, откуда Юсуфа вытащили проезжавшие мимо купцы и увезли в Египет. Иаков, отец Юсуфа, ослеп от постоянно проливаемых слез. Он прозрел, когда ощутил запах рубашки Юсуфа, посланной ему сыном.

Довольно вечной им одной любви. — Подразумевается любовь к богу.

Михраб — ниша в мечети, указывающая направление к священному храму в Мекке.

Меджнун — одержимый, безумно влюбленный. Имя героя многих восточных поэм, лишившегося рассудка от любви.

Лейли — героиня известной легенды, послужившей сюжетом многих любовно-романтических поэм в таджикско-персидской литературе.

...Очень некрасив Аяз. — Аяз был любимым рабом султана Махмуда Газневида (правил с 999 по 1030 год) — самого видного и выдающегося представителя династии Газневидов.

Фариб (Фарьяб) — город в Средней Азии, возможно находившийся на месте нынешнего селения Фарьяб.

Магриб — Северо-западная Африка.

От мук огня он уберег Халила,
Мусу живым пронес по волнам Нила.

Халил (библейский пророк Авраам) по наущению своего отца, идолопоклонника и приближенного легендарного царя тирана Немврода, был ввергнут царем в огненную печь, но Халил остался жив, а бог жестоко наказал тирана. Муса — библейский Моисей; согласно легенде, в младенчестве был положен в корзину и брошен в Нил, откуда его вытащила дочь фараона.

Азады — букв, свободные; благородные люди, знать.

Видал дервишей ты летящий круг? — Речь идет о так называемом радении дервишей. Желая впасть в молитвенный экстаз, дервиши быстро кружатся, размахивая руками.

В «Синдбаде» также сказано о том... — «Синдбад», точнее «Синдбадова книга», — сборник рассказав, вроде «Тысячи и одной ночи». Саади, по-видимому, здесь имеет в виду книгу Катиба Самарканди, завершившего свой сборник в тридцатых годах XII века.

Ширин — легендарная красавица, возлюбленная иранского царя Хосрова Парвиза.

Фархад — художник и каменотес, влюбленный в Ширин. Трагическая любовь Фархада и Ширин воспета многими восточными поэтами.

Баязид (Абу Йезид Тейфур) — мусульманский подвижник, жил в VIII—IX веках.

К'аба (Кааба) — храм в Мекке со священным «черным камнем», который является главной святыней мусульман. Паломничество, так называемый хадж, в Мекку в определенное время года и совершение там соответствующих обрядов считается религиозной обязанностью мусульман.

Иса — Иисус Христос; причисляется мусульманами к числу великих пророков.

Кази — мусульманский судья.

Факих — законник, законовед у мусульман.

Мавлоно — почетный титул (рел.).

Зухал — планета Сатурн, считалась предвестницей бед.

Минбар — род кафедры, с которой произносятся проповеди.

Кафир — неверный.

Саки — виночерпий, кравчий.

Нарцисс — в таджикско-персидской поэзии глаза часто сравниваются с нарциссами.

Руд — музыкальный инструмент.

С натертыми ушами, как тамбур. — При настройке тамбура, струнного музыкального инструмента, накручивают колки, натягивая струны. На этом и построен образ.

Мяч этот старец лаской взять сумел. — Обычный намек на игру в човган.

Ходжа — хозяин, господин.

Маруф Кархи (Абу Махфуз Фурузан) — мусульманский подвижник (VIII—IX вв.).

Карх — предместье города Багдада.

Сунна — священные книги мусульман-суннитов (в дополнение к корану), содержанием которых являются различные поступки или суждения, приписываемые Мухаммеду.

Хушьяр — иранский астроном, живший во второй половине X века.

Захид — отшельник, подвижник.

Теша — вид топорика.

Бахлул — юродивый, считавшийся в свое время святым. Умер в 799 году.

Лукман — легендарный мудрец, якобы происходивший из Египта, о нем неоднократно упоминается в коране. Лукман — символ мудрости, скромности.

Джунейд — мусульманский подвижник, мистик, умер в начале X века.

Барбат — музыкальный инструмент вроде лютни или лиры.

Намаз — мусульманская молитва.

Зун-Нун — мусульманский отшельник, мистик и подвижник IX века. Жил в Египте.

Мединан (Мадьян) — город, находившийся на берегу Красного моря, к юго-востоку от горы Синай.

Мазар — гробница.

Шагад — сводный брат легендарного богатыря Рустама, главного героя «Шах-наме» Фирдоуси. Рустам был предательски убит Шагадом.

Хулагу — чингизид, которому Чингиз поручил завоевание Ирана.

Долма — голубцы.

Динар — золотая монета.

Бахтиар — по-персидски имя собственное, обозначающее «счастливец».

Киш страна — остров в Персидском заливе.

Закум — мифическое ядовитое дерево в аду.

Коль скажешь: «Зейд и Амр меня теснят!» — Зейд и Амр — широко распространенные арабские имена, обычно употребляемые в грамматических примерах и ставшие нарицательными.

Пашиз — мелкая монета.

Хырка — власяница, рубище, одеяние дервиша.

Хорезмшахи — династия, правившая в Средней Азии до монгольского нашествия.

Кыбла — направление в сторону Мекке, куда обращаются мусульмане лицом во время молитвы.

Хотан — китайский Туркестан, славился своим мускусом.

Абдал — святой.

А бритве жало спрятали в живот, — то есть сложили бритву.

Сам — легендарный богатырь, дед Рустама.

Такаш — так называли султана Улоиддина Хорезмшаха.

Рахш — легендарный конь богатыря Рустама.

Азад (Азуд-уд-Давла) — шах из династии Буидов, который правил в провинции Фарс с 950 по 983 год.

Дауд (Давид из племени Тай) — мусульманский теолог и ученый, затем подвижник и отшельник. Умер в 781 году.

«Низамийя» — духовное училище в Багдаде, где учился Саади. Основателем этой медресе был выдающийся государственный деятель Низам аль-Мульк (уб. 1093), по имени

которого она и названа.

Хадисы — изречения пророка Мухаммеда и предания о нем.

Ханака — помещение мечети, молельня, обитель дервишей.

Франки (фаранги) — европейцы.

Мерв — один из древнейших городов и культурных центров северо-восточного Хорасана. Развалины Мерва находятся вблизи города Мары в Туркменской ССР.

Систан — в древности область на востоке Ирана, сейчас территория Афганистана.

Дастур — здесь в значении советчик.

Пять раз стучи ты в дверь... — В Иране о смене царской стражи (пять раз в сутки) оповещали ударами в барабан. Здесь Саади хочет сказать, что хорошая жена — это радость для мужа.

Мутриб — музыкант, певец.

Гуль (гул) — демон, злой дух, оборотень.

Букрат — римский врач и естествоиспытатель Гиппократ (III в. до н. э.).

...красавицы Чигиля... — Чигил — название местности в Туркестане, славящейся красотой женщин.

Хадж — паломничество, совершаемое мусульманами в Мекку.

Так, на чужбине, странника больного
Поят водой из города родного.

В старину путешественники брали в дорогу бурдюк воды из своего источника, веря в целительные свойства этой воды от всех болезней на чужбине.

Тогрул — один из основателей династии Сельджукидов, правил с 1038 по 1063 год.

Зуннар — грубый волосяной пояс, который обязаны были носить христиане — подданные мусульманских государей.

Сомнат — город в Индии.

Рванулась на меня, как стая псов,
Орава этих гебров-мудрецов.

Гебры — огнепоклонники (зороастрийцы). В данном рассказе Саади допускает ошибку, называя брахманов чтецами Пазенда — гебрами.

Там пробыл, как Бижан, на дне зиндана. — Бижан — герой иранского эпоса, богатырь. Однажды он попал в плен к туранцам и долгое время сидел в заточении.

И ночь — хатиб, весь в черное одетый,
Из ножен мрака вынул меч рассвета.

Хатиб — проповедник, читающий хутбу — молитву о царствующем доме. Здесь дан усложненный образ ухода ночи и наступления дня.

Пазенд — пехлевийский перевод Авесты (священной книги зороастрийцев) и комментарий к ней.

Дауд — библейский царь Давид, которого мусульмане считают пророком. По легенде, он первый научился плавить железо.

Ударь проворней по мячу клюкой. — Здесь содержится намек на игру човган (конное поло).

Джейхун — река Аму-Дарья.

Фейд — пустыня в Хиджазе, на пути в Мекку.

Судьба пресекла жилу одному... — то есть умер некто.

Тир, дей — названия месяцев иранского солнечного календаря.

Дервиш, мечтаний призрак сокруша,
Вздохнул: «О близорукая душа!..

По суфийским понятиям, душа — это «животная жизненная сила», а не «психия»

древних грехов, не интеллект.

Рабат — букв, караван-сарай. Здесь — бренный мир.

Ариф — Всеведающий — один из эпитетов аллаха.

Хирман — гумно.

Как Зулейха от страсти ум забыла,
Она Юсуфа за полу схватила.

Зулейха — жена египетского вельможи, купившего Юсуфа (см. Юсуф), влюбилась в него; но он не ответил ей взаимностью. Зулейха оклеветала и заточила Юсуфа в темницу.

Ты, заглушая совести укор,
Забыл, что есть всевидящего взор?..

Имеется в виду суфийский принцип мухасаба: всегда чувствовать на себе взор бога.

Хабеш — Абиссиния.

Дамган — область и город на территории Афганистана.

Трясея — лихорадка, малярия, (прим. перев.)

Муэззин (муэдзин) — служитель, призывающий мусульман к утренней молитве.